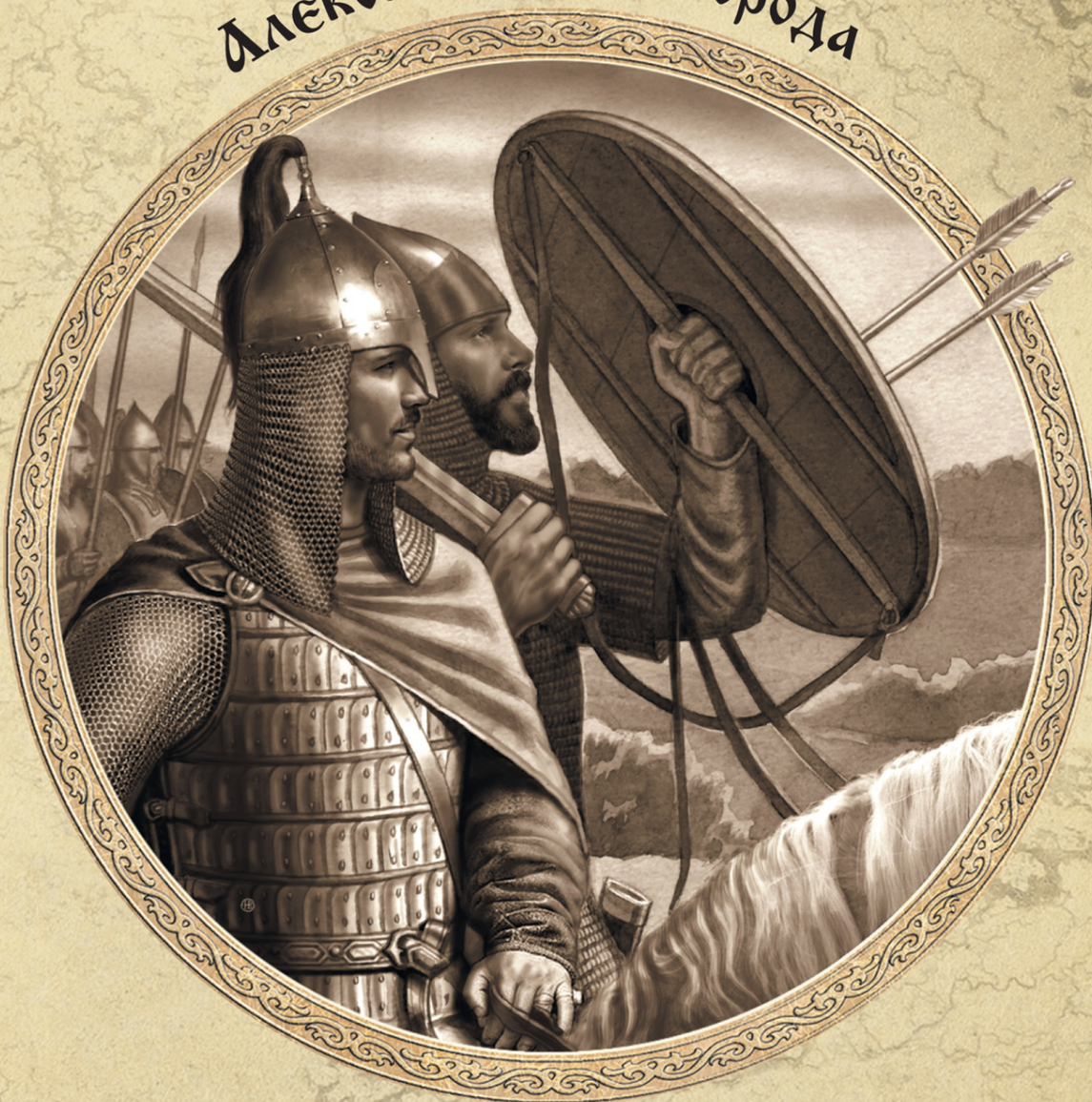

У истоков Руси

Александр Майборода

Святополк Окаянный

У истоков Руси

Александр Майборода
Святополк Окаянный

«ВЕЧЕ»

2019

Майборода А. Д.

Святополк Окаянный / А. Д. Майборода — «ВЕЧЕ», 2019 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8162-8

Конец IX века. Умер великий князь Святослав. Его наследником стал старший сын Ярополк. Но младший брат Владимир, рожденный от рабыни, прибегнув к обману, убил законного правителя и взял его беременную жену в наложницы. Даже по тем грубым временам поступок Владимира выглядел слишком аморально. Спустя некоторое время родился сын Ярополка Святополк. Чтобы успокоить дружинников и бояр, Владимир вынужден был объявить Святополка своим сыном. Но Святополк оказался старше родных сыновей Владимира и потому имел полное законное право на отцовский стол...

ISBN 978-5-4484-8162-8

© Майборода А. Д., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предисловие от автора	6
Часть первая. Пасынок	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	78
Глава 14	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Дмитриевич Майборода

Святополк Окаянный

© Майборода А.Д., 2019 © ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Предисловие от автора

В первоначальном варианте роман не предваряли никакие предисловия. Однако, представив данный роман на рассмотрение рецензентов, я столкнулся с бурными обвинениями в отсутствии патриотизма. Это меня изрядно озадачило, так как никогда за собой отсутствия патриотизма не замечал и в своем сочинении даже не помышлял затронуть чье-либо самолюбие.

В своем романе я старался как можно точнее держаться сути событий происходивших на огромной территории, населенной множеством племен, говоривших на разных языках. Киевская Русь не была государством в привычном нам виде. Единой нации не было. Племена, населявшие ее, часто были враждебны по отношению друг к другу. Князья, недавние чужеземцы-варяги, говорили на языке, отличном от языка местных племен, роднились с князьями и королями других стран. Костяк их дружин составляли такие же чужеземцы, как и они.

Детей княжеских с малолетства отправляли в выделенные им уделы, и в своих братьях они видели больших врагов.

Все это объединяло только одно – сила великокняжеской дружины.

Впрочем, я не буду пересказывать то, что уже написано в учебниках истории, а также сочинениях авторитетных историков: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и других. Отмечу только, что так называемые точные исторические данные основываются на художественных сочинениях, написанных столетиями позже описываемых событий. А потому и сочинения уважаемых авторитетных историков, и источники, на которые они опирались, являются все тем же субъективным взглядом на мир. Такими же субъективными являются и прозвища древних князей: Мудрый, Окаянный и т. п. Все эти оценки даны спустя полтысячелетия историками в целях решения конкретных политических задач своего времени. В этом легко убедиться, прочитав их сочинения. Надо только внимательнее читать сноски мелким шрифтом.

В представленном мною романе я всего лишь несколько отошел от канонической версии событий и пытался руководствоваться нормальной логикой.

События происходят на стыке девятого и десятого веков. Умер великий князь Святослав. Его наследником становится старший сын Ярополк. Но младший брат Владимир, рожденный от рабыни, прибегнув к обману, убивает законного правителя и берет его беременную жену в наложницы. Даже по тем грубым временам поступок Владимира выглядел слишком аморально. Спустя некоторое время рождается сын Ярополка Святополк. Чтобы успокоить дружинников и бояр, Владимир вынужден был объявить Святополка своим сыном. Но Святополк оказался старше родных сыновей Владимира, и потому имел полное законное право на отцовский стол. Это явилось источником последующих проблем. После смерти Владимира его дети затеяли борьбу за власть над всей Русью. В борьбе никто не смотрел ни на чьи права, и использовались наиболее эффективные приемы устранения своих соперников. Приемы были крайне грязные, но говорить о высокой нравственности в той борьбе смешно и наивно. И сейчас политика остается не самым чистоплотным делом.

Но не надо думать, что наши предки чем-то отличались от других. Подобные же события происходили и в других странах. Именно в этот период норманны в захваченных европейских странах создавали княжеские и королевские династии.

В связи с этим невозможно закрывать глаза на очевидные факты, и тем более идеализировать одних князей и осуждать других. Все они – и князья, и бояре, и простой народ, вели себя в соответствии с моралью и обычаями той, а не нашей эпохи. При том что мораль той эпохи существенно отличалась от нашей.

Таким образом, глупо осуждать автора за отсутствие патриотизма при изложении своего видения исторических событий тысячелетней давности, о которых в архивах остались только

смутные свидетельства летописцев, живших веками позже. В любом случае при оценке исторических событий более полезны рассудительность и логика, чем вдалбливаемые в сознание людей сиюминутные мифы и штампы в интересах сиюминутных политических задач. Я же убежден, что говорить неприятную правду всегда патриотичнее и полезнее, чем повторять красивую ложь.

Поразмыслив, я сообразил, что вызвало столь яростное неприятие романа. До сих пор я считал, что критики без дополнительных пояснений поймут, что их вниманию предоставляется роман на исторический сюжет, в котором присутствует изрядная доля вымысла. Ведь художественное произведение отнюдь не учебник истории и в первую очередь отображает мир таким, каким его воспринимает автор. Поэтому художественное произведение может вызвать интерес у читателя к описываемым историческим событиям, но ни в коем случае оно не способно являться источником точных исторических данных.

Так, наглядным примером такого художественного сочинения является знаменитый роман Александра Дюма «Три мушкетера». Читатель сочувствует отважным мушкетерам и осуждает коварного кардинала Ришелье, строившего козни королю и королеве. В реальности именно благодаря реформам Ришелье монархия во Франции получила абсолютную власть.

С субъективным мнением автора можно соглашаться или нет, но это уже вопрос, относящийся к другой сфере.

И тем не менее напомним хорошую русскую пословицу: «Сказка ложь, да в ней намек...»

Часть первая. Пасынок

Глава 1

В небольшой комнате на темных дубовых стенах – дуб хороший и крепкий материал для строительства, но слишком мрачный для внутреннего убранства палат, – устроено множество полок. На полках тесно лежат светло-желтые пергаментные свитки и множество шкатулок из кипарисового дерева с почерневшим от времени серебряным окладом, тесненным витиеватыми узорами. Шкатулки дорогие. В каждой шкатулке хранится по толстой книге в тяжелой обложке из дерева, золота и серебра. Книги и свитки – великая драгоценность, а потому хранятся с великим тщанием.

Чтобы удобнее знакомиться с книгами и свитками, к окну из маленьких круглых стеклышек приставлен большой стол, а рядом скамья с мягкой подушкой и резными боковинами. На боковинах вырезаны чудные звери: то ли собаки, то ли львы, стоящие на задних лапах и грозно скалящие клыки.

Стол также захламлен клочками новгородских берестяных писем, среди которых виднеется глиняный кувшинчик-чернильница, покрытый синей глазурью, из которого торчит гусиное перо.

В этой комнате живет и работает летописец Иоаким, который охраняет все это богатство. Для него поставлена в темном углу широкая лавка, устланная овчиной, на которой он спит. На лавке неудобно, жестка она, но Иоаким монах, и по чину ему не пристало нежиться в мягких постелях.

Иоаким шупл и невысок ростом. Лицо худое и скуластое, нос виснет, как у осенней черной лелеки-аиста. А руки по-женски нежные, испачканные в чернилах и не привычные к тяжелой работе. Дрянь человек, никакой пользы, – скажет темный смерд, увидев его. Но маленькие подслеповатые глазки монаха глядят умно и понимающе – за умение писать красным слогом его и сытно кормят, и теплый угол дают.

На нем всегда темная монашеская хламида, напоминающая черный саван, а поверх, несмотря на то, что на улице стоит жарница, наброшен лохматый овчинный тулуп. Иоаким, родившийся и выросший в теплой Греции, мерзнет в местном климате. В темной скромной одежде он почти сливался с тенями и казался выходцем с другого света, случайно забредшим в княжеский терем.

Монах тоскует по родине, но не вернуться ему в родные места уже никогда. Не вернуться, ибо призван он Богом нести свет истинной веры в эти варварские места. И поэтому монах, несмотря на холод и жару, несет свой тяжкий крест с истинным христианским терпением.

Несколько лет назад Великий киевский князь Владимир выделил своему малолетнему пасынку Святополку в удел Туровскую землю, захваченную несколько десятков лет назад его дедом.

Туровцы – варяги и власть в этих землях брали при Рюрике. При этом перебили местных славянских вождей и бояр. Много при этом пролилось крови. Но вся та кровь показалась невинной забавой, когда загребушие руки алчных Рюриковых детей дотянулись до этих мест.

О том, как рюрики резали туровцев, до сих пор среди местного черного народа ходят жуткие слухи, а мамки пугают непослушных детей: смотри, придут Хоки-рюрики, голову отрежут, кишки выпустят, слушайся мамку!

Заодно, после долгих уговоров, Владимир отпустил в Туров и свою наложницу – прекрасную гречанку Юлию, мать Святополка.

И еще толком не устроившись в новых теремах, Юлия поторопилась поселить привезенного вместе с ней из Греции монаха-писца в отдельную комнату и там ежедневно и еженощно вести подробную летопись событий. Ей хотелось, чтобы в памяти потомков осталась ее история: как царская дочь из благополучной и спокойной Византии попала к дикарям, живущим в огромных заснеженных лесах, и как она превратилась из жены великого князя в монахиню, а из монахини в наложницу. Эта история ей казалась необыкновенной.

Заодно Иоаким вел текущую княжескую переписку, поэтому Юлия утро начинала с посещения кельи монаха.

Старательно выводя буквы бледными руками, часто макая в чернильницу, скрипел как железной иглой по стеклу, белым гусиным пером по желтому пергаменту.

В год 6488

Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?». Она ответила: «Не хочу пойти за сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держали власть в Турове, по нему и прозвались туловицы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, словен, чуди и кривичей – и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк, и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче – между Дорогожичем и Капичем.

Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка, – с хитростью говоря: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе».

О злое коварство человеческое! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, возвел на меня клевету». Этот же обманом задумал измену своему князю. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, Боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, Господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь: потому и виновен он в крови той. Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал

хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», – так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!». И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и долго воевал с печенегами против Владимира. С трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата, гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. Грех это. Несчастен тот ребенок, что рождается от двух отцов.

Написав последние слова, Иоаким отложил перо в сторону. Он снова перечитал написанное. Затем поспешно, пока не высохли чернила, мягкой тряпочкой стер последние слова.

И вовремя он это сделал, потому что в келью упругим шагом вошла женщина. Ее шаг был так плавлен, что казалось, она плывет как лебедь в спокойных водах.

Княгине Юлии уже три десятка лет. Но она по-прежнему красива. У нее тонкие благородные черты лица и большие темные глаза, лучащиеся прозрачной печалью, как у человека, изображенного на иконе, что висит в переднем углу. Он манит, как камень из древнего азиатского города Магнесии. Он таит в себе загадку, которую невольно хочется разгадать.

Краешек губы монаха тронула едва заметная улыбка. Ох, не зря, великий воин Святослав, увидев девицу Юлию, едва не потерял голову и привез ее, как самую ценную добычу, в Киев и подарил любимому сыну. Ох, не зря князь Владимир, презрев людские обычаи и честь рода Рюрикова, взял в наложницы жену убитого им брата.

Прошелестев богатым парчовым платьем, Юлия присела на краешек стульчика, обитого красным бархатом, и монах, который встал со своего места и, поклонившись, приветствовал по-гречески княгиню, подал ей законченные листы летописи.

Юлия пробежала по листам внимательным взглядом. На последних словах ее взгляд споткнулся, и ее глаза подернулись легким туманом.

– Но стоит ли об этом писать? – спросила Юлия, слегка осевшей тонкой флейтой. – Нужна ли людям эта подлость?

Монах уронил на пол тулуп и с неуступчивой гордостью промолвил в ответ:

– Мною написана истинная правда.

– Правда? – переспросила с сомнением Юлия. – Но что есть правда? Люди грешны, а потому у каждого своя правда.

– Правда одна, – с угрюмым превосходством в голосе проговорил монах.

Юлия легко тряхнула головой:

– Люди слышат и видят только то, что хотят слышать и видеть.

Она встала, подошла к окну и посмотрела в маленькое круглое стекло, через которое виднелась высокая стена из толстых бревен, а за ней город.

– Правда одна, – вновь повторил монах и добавил: – Мы пишем для князей и бояр, которые и так знают правду. Смердам моя летопись не нужна.

Юлия отвернулась от окна. Ее лицо, спрятавшись в тени, потемнело. «Гордец!» – подумала она.

Монах с трудом различил на ее губах ироничную улыбку.

Немного погодя, Юлия проговорила:

– Иоаким, ты ошибаешься. Люди и их обычаи не вечны. Из ныне живущих никто не будет читать твои летописи. Но летописи пишутся для далеких потомков.

Монах упрямо сжал губы, отчего рот превратился в незаметную щель. Он строго возразил:

– Я помню это, потому и пишу правду. По этой правде пусть потомки и судят нас. И я в этой правде не изменю и слова.

«Он глуп, – решила Юлия. – Он глуп, потому что считает, что знает истину. Но истину простой человек не может знать, так как истину знает только Бог».

Еще раз бросив насмешливый взгляд на самоуверенного монаха, Юлия вышла из кельи, так ничего и не проговорив в ответ. Ее ждали более серьезные дела, чем спор с писцом.

А монах, поразмышляв о странном споре и так и не придя к объяснению, из-за чего он возник, начал снова писать. Пока писал, думал, что ничто в мире не вечно, вечно только слово, ибо со слова начинался этот мир. А слово должно нести истину.

Глава 2

Тихая река Припять тонкой серебристой змейкой скользит среди темных лесов и гнилых болот и омутов, из которых она, как утренняя заря из ночи, выходит чистой и незапятнанной, подобно юной девственнице, выросшей в смраде обыденной жизни. Выйдя из болот и лесов, река разливается не очень широко, но несет свои скромные воды с гордым благородным достоинством.

На высоких берегах Припяти люди, избравшие этот скромный водный поток для своих перемещений, поставили огороженные высокими острозубыми заборами – не столько от зверей, сколько от других же людей, – городки.

Самый большой из них – Туров. Его окружают мощные рвы и высокие стены из толстых дубовых бревен. Из-за стен виднеются острые, отливающие осиновым серебром крыши княжеского дворца.

Он стоит на самом высоком берегу, – с реки грузно подниматься в город, но и врагу не так-то просто добраться до его стен.

Но недолго здесь продержались Туры. И гниют ли теперь их порубленные кости в местных болотах или в сухих седых ковыльных степях, где бродят дикие кочевники, – неизвестно, потому что ушли Туры в неизвестность, называемую вечностью... Только имя местечка осталось.

Но мертвым все равно, что происходит с их бранными телами, потому что главное в человеке не то, что видимо в нем, а то, что невидимо, но что и делает его живым. Что происходит с бранными телами умерших, важно для живых людей.

Как говорил «плачущий» греческий мудрец Гераклит Эфесский, глаза и уши – дурные свидетели для людей, если души у них варварские.

Гераклит знал, что говорил. Он был аристократом, царских кровей, лишенный власти. Он был большой гордец. Он говорил, что презирает людей за то, что те сами не знают, что говорят и делают. Он говорил, что эфесцы заслуживают того, чтобы их перевешали поголовно за то, что те изгнали его друга Гермодора. Кстати, по характеру такую же язву. Законы родного города он считал безнадежно плохими. В конце концов согражданам надоело его вечное недовольное нытье, и они возмечтали любым путем избавиться от него. Мечтая об этом, они из лукавства без всякой меры прославляли имя Гераклита. Хитрость их была проста, – многие мечтают в советчиках иметь мудреца, и вдруг найдется глупец, который соблазнится Эфесским Гераклитом. И такие быстро нашлись, – и афиняне, и персидский царь Дарий клонули и пообещали мудрецу за переезд к ним горы золота. Но мудрец был настолько несносным и вредным, что даже за богатые посулы не захотел оставить своих земляков в покое.

После этого эфесцы впали в отчаяние и даже некоторые предложили всем жителям города сбегать к морю и утопиться. Однако эта мудрая идея понравилась не всем. И тем не менее в конце концов измученные эфесцы сдались, пришли к мудрецу, поклонились и сказали: – «Ты считаешь наши законы плохими, так дай нам новые законы, и мы будем жить по ним».

Но Гераклит был настоящим мудрецом, а потому он хорошо знал, что всегда выгоднее критиковать и оценивать других, чем самому делать что-то полезное. На критике легко прослыть великим мудрецом. Поэтому он гордо отказался дать новые законы, безапелляционно заявив при этом, что лучше играть с детьми, чем участвовать в государственных делах.

И пришлось эфесцам уйти несолоно хлебавши и жить по старым, неправильным законам. В итоге они прожили долго и счастливо.

Что ж, Гераклит был большой гордец, но он все же был варвар, потому что не верил в Христа и был огнепоклонником.

А глаза и уши – дурные свидетели для людей, если души у них варварские. Поэтому люди – варвары, в каком бы они веке ни жили и кем бы они себя ни считали, а потому они и не видят людей, а видят одни вещи.

Но вернемся в Туров.

Через ров, окружающий город, в котором зеленеет дурно пахнувшая застойная вода, положен деревянный мост. Здесь все деревянное: и мосты, и стены, и дома, в домах посуда. А для моста это особенно удобно, потому что деревянный мост легче сжечь в случае приближения врага.

В дубовой стене, обмазанной толстым слоем глины, открыты ворота, окованные железными полосами. От железа и закаменевшего дерева ворота тяжелые настолько, что по утрам их приходится открывать, а когда вечерние мутные тени станут бесконечными и с реки и низин потянет холодом, то закрывать с помощью упряжки толстоногих лошадей.

Пока ворота открыты, предназначенные для этого лошади равнодушно хрустят сеном в конюшне за стеной. Выполнив работу, они снова возвращаются на место. И так каждый день. А когда они потеряют силы от старости, их убьют, а жесткие, похожие на узловатые веревки, подобные тем, что таскают ворота, жилы отдадут собакам. Ну, а если повезет, – то город осадит враг, и горожанам нечего станет есть, и их раньше времени съедят люди. Если повезет...

Открытые ворота охраняют двое сторожей.

Солнце печет. На камни, которыми умошен въезд в город, босой ногой ступить невозможно. На сторожах негнущиеся зипуны из толстого войлока, с нашитыми железными пластинами. Зипуны длинные, до колен и из-под них видны обвисшие колени полосатых штанов, икры, туго завернутые в серые от пыли онучи, от чего ноги кажутся неестественно толстыми, как столбы-подпорки.

А на головах у них железные шлемы-колпаки с острым верхом, – они начищены до блеска и сияют под жарким солнцем, как нимбы святых, так что взглянуть на них больно.

В руках сторожей короткие копья. Незачем сторожам другое оружие, незваных гостей они и палкой способны прогнать, а с воином им все равно не справиться. Сторож ведь приставлен для того, чтобы, когда появится враг, прокричать тревогу. И ничего более.

Время полуденное, людей не видно. Один сторож, длинный, с худым лицом, заросшим ключьями жидкой седой бороды, из-под носа, как две длинные сопли, свисают паклянные усы, сидит на бревне в тенечке. От скуки плюет в ров, стараясь попасть в лягву, пучащую из бурой тины черные глаза-бусины. От этого упражнения вся борода заплевана.

Другой сторож, молодой Воик, стоит посередине дороги. Он еще молод, во всю щеку румяна, бороденка едва курчавится. По лицу текут струи пота, оставляя на грязной коже причудливые узоры. А взгляд по-собачьи жалостливый. Под войлоком ему жарко, ему хочется в тень, и из побелевших, как у вареного судака, от яркого солнца глаз пускает тоскливые взгляды на своего мучителя в тени.

– Ант, ну Антушка, – жалобно ноет он, поводя лаптем по пыли. – Дай посидеть в тени. А?

Длинный плюнул в ров удачно, – плевком попал в голову лягушки и та, ошарашенная свалившимся ей на голову счастьем, тут же беззвучно утонула. Даже круги по воде не пошли.

Воик глупый и наглый, как все молодые. Ант не любил розовощекого молодца. Впрочем и других молодых тоже. Он желал показать свое презрение к Воику, поэтому достигнув попадания плевком в лягву, он подчеркнуто неспешно думал, что в своих упражнениях надо идти дальше, – попробовать что ли попасть в лягву щепкой... или камнем что ли...

Прошло несколько минут, прежде чем он показал, что обратил внимание на жалобные слова своего напарника.

Однако огрызнулся незлобливо, скрипучим, как несмазанная телега, голосом, и, как старый пес, – больше из долга, чем по необходимости:

– Не скули, Воик!

Потом лениво подумал, что неплохо бы поучить молодого и показать, что поставлен над ним начальником, – хоть маленький прыщ, а должен показать свой нрав, молодому будет наука – слушайся старших и не болтай попусту.

Ант нравоучительно заскрипел:

– Тебя недавно взяли в сторожа, и мне поручено присматривать за тобой. Ты думаешь, стоять на воротах дело простое? Всякий дурак может нести службу?

Он ухмыльнулся, показав, в оскале, желтые с чернотой, как в горелой вырубке, пеньки:

– Нет не всякий. Стоять в воротах дело не такое простое, как кажется. Летом в войлочных зипунах жарко, пот течет реками. А к вечеру, после закрытия ворот, шатает от усталости. Зимой – ледяной ветер с реки продувает до самых костей, не спасет и колючий бараний тулуп с полами до самых пят. Здесь ошибиться нельзя, – если в город без разрешения князя пройдет чужой человек, будет знатная порка сторожам.

Ант сморщил щеки, опять оскаливаясь желтыми, как у старой собаки, пеньками, и зашевелил обвислыми усами:

– Ты хочешь батоков по мягкому месту?

Воик опасливо мотнул головой:

– Не за что меня батогами угощать.

Ант ехидно сощурил глаза.

– Не за что? А как ты думаешь, почему батогами потчуют именно по мягкому месту?

Воик поморщил лоб, но не нашел ответа, смачно сплюнул остатками слюны в пересошем рту в пыль, и сердито пробормотал:

– Почему, почему, – а сам-то знаешь? Наверно, не знаешь, а вопросы задаешь.

– Молод ты, еще глуп, – снисходительно проскрипел Ант. – А быют по задку, потому что мозги у дураков, подобных тебе, опускаются из головы как раз в нижнюю часть тела. Вот и быют мозги, чтобы они на место вернулись.

Воик обиделся, ему хотелось сказать Анту что-либо неприятное и злое, но, покосившись на Анта, промолчал. Ант поставлен старшим сторожем, и если не захочет, то прогонит Воика с ворот или скажет, чтобы его и в самом деле выпороли. И хоть на воротах муторно скучно стоять, однако город привратникам неплохо платит. Это неплохой приработок к гончарному ремеслу, которым Воик занимался с отцом. Лепить горшки хорошее дело, но денег лишних не бывает, и отец, который пока и сам со старшими сыновьями справлялся с гончарным делом, отправил младшего сына на приработок.

Воик зло подумал, что жизнь несправедлива, когда отец умирает, то двор и имущество отходят к старшим сыновьям, а о младших должны побеспокоиться старшие; однако им мало дела до младших братьев.

Эта мысль усилила грустное настроение Воика, и он, громко сопя, отошел к другой стороне ворот и начал тыкать копьём в стену и чертить на ней острием какие-то фигуры, – то ли лося, то ли собаку.

От этого увлекательного занятия его оторвал появившийся на дороге малорослый человек с большой корзиной на голове. Человек был худ. Его кожа приобрела темно-коричневый цвет. И вместе с корзиной человек выглядел как осенний гриб подберезовик на тонкой ножке и с большой тяжелой шляпкой, которая клонит его в сторону. Осенние грибы полны дождевой воды и в руках расплываются, как кисель.

Это рыбак Мокоша нес рыбу на княжескую кухню. Нечего его было задевать, но Воик вдруг захотел вылить на его голову накопившееся у него в душе зло. Зло на то, что он родился младшим сыном; зло на отца, чье имущество после его смерти перейдет к старшим сыновьям; зло на Анта, который от скуки кидает камни в темно-бурых лягв; зло на всю жизнь.

Загораживая проход выпяченной широкой грудью, Воик начал допытываться у рыбака, который ткнулся прямо корзиной в его лицо. Из корзины струился тинистый запах свежей рыбы.

Воик недовольно крутанул носом и зло оттолкнул рыбака, который от толчка едва не упал.

– Что несешь, смерд? – грозно хмуря белесые брови, почти не видные за обвисшими розовыми щеками, маленькими и круглыми, как у откормленного поросенка, спросил Воик, поигрывая копьем и норовя острием ковырнуть впалую грудь рыбака.

Ант, уронив рядом с собой на землю камешек, который он приготовил для того, чтобы кинуть в лягушку, изумленно привстал.

Мокоша – хороший мужик. Когда княжеская ключница воротит нос от принесенной им рыбы, он отдает рыбу Анту; а тот продает ее затем своим знакомым. Много ли мало, а доход от этого Ант имеет. Нельзя бить руку дающего. Поэтому Ант подал строгий голос:

– Воик, угомонись! Мокоша свой человек.

Мокоша, сняв с головы корзину и поставив ее на землю, устало кивнул Анту. Мокоша жил в хижине на берегу реки, далеко в стороне от посада, потому от ходьбы утомился.

– Будь здоров, Ант!

На голове Мокоши оказалась смятая, как высохшая коровья лепешка, и такого же цвета, шапочка из толстого войлока. Эта шапочка смягчала давление корзины, которую он нес на голове. На шапочке виднелись белесые змеящиеся ручьи и серебристые, как мелкая монета, пятна рыбьей чешуи, – рыба, обложенная лопухами и крапивой, от жары тем не менее давала течь, и вода просачивалась сквозь ивовые прутья, на голову рыбака. Корзину с рыбой надо было бы нести рукой, но так далеко не уйдешь – неудобно.

– Будь здоров. А рыба-то сегодня хороша? – ввязался в дружелюбный разговор Ант.

– Мелковата, сплошь бубырь... – вытирая пот со лба грязной узловатой ладонью проговорил Мокоша. Он пожаловался:

– Боюсь, ключница рыбу не возьмет. Князю и его дружинникам нужна большая рыба.

– А я люблю мелкую рыбу, – мечтательно щурясь, проговорил Ант. Глаза его превратились в маленькие щелки, заросшие волосами. Трудно было в этих щелях рассмотреть хитрый взгляд.

– Ну если ключница не возьмет рыбу, то как всегда, всю корзину занесу тебе на двор, – пообещал Мокоша.

– Заноси, – внешне равнодушно, но довольно проговорил Ант. Ему ужасно захотелось, чтобы ключница отказалась от сегодняшнего улова. Простые горожане народ непривередливый, все сожрут, была бы цена недорогая. Ант распорядился:

– Отдашь рыбу Малке, а я потом с тобой расплачусь.

Мокоша вскинул корзину опять на голову.

– Ну, я пошел. Солнце жарит, как бы рыба не завонялась.

Мокоша прошел за ворота, а Ант поучил Воика.

– Ты, когда идет рыбак, или кто несет какой плод, Воик, особенно не препятствуй им, – нажалуются ключнице, а та передаст воеводе, будет нехорошо. Потому что мы приставлены не пускать в город плохих людей и вовремя в случае чего закрыть ворота. А полезных людей неча трогать.

Смутившийся Воик возразил:

– А как его узнаешь – плохой это или хороший человек? Полезный или нет?

– А тебе ничего узнавать не надо. Сопляк ты, чтобы домогаться до почтенных людей, – сердито проговорил Ант, вытирая заплеванную бороду. – Вон идет девка. Попробуй ее не пусти.

Девка и в самом деле была ой как хороша. В нарядной одежде, на ней ярко-алый сарафан с синими и белыми полосами по низу подола. Под сарафаном ослепительно белая рубаша. На ногах новые красные сапожки. Голова укутана дорогой полупрозрачной тканью, из-под которой виднеется иссиня черная толстая коса. Губы спелые, сочные и сладкие, как переспелая черешня. Брови, как две черные стрелы, смело летят вразлет. Но больше всего обращают на себя внимание глаза – странные, словно два белых шара, с черными точками посередине. Зрачки смотрят нагло и весело. Они колдовски притягивают к себе взор; и почему-то, когда встречаешься взглядом с ними, по спине пробегает мелкая дрожь и чувствуешь какой-то непонятный страх, но трудно отвести от них взгляд.

Лишь присмотревшись внимательнее, понимаешь, что глаза светло-серые до белизны.

Только поняв это, начинаешь соображать, нет, эта девка не для простых людей! Кто рожден ползать по земле, такой превратится в ее раба. Эта девка для хозяев жизни. Для тех, кто не боится крови и смерти... И своей и чужой... Для тех, кто рожден повелевать. Лишь такому подобная женщина подчинится.

Хороша девка. Ай хороша!

Ант видел ее не в первый раз, но каждый раз, видя ее, впадал в прострацию. Наконец придя в себя, Ант толкнул в бок зазевавшегося на девку молодого парня и сторожко предупредил:

– Ты на нее не засматривайся. Князь голову оторвет...

Воик замер с открытым ртом, из уголка которого на подбородок текла тонкая струйка молочно-белой слюны.

– Ан хоть и здоров, а телок еще неразумный! – догадался усмешливо Ант и добавил ледяным пугающим шепотом: – Потому что девка не простая – княжеская любовница она.

Неразумный Воик глупо усомнился:

– Так князь же еще молод?

Ант с многозначительным намеком хрюкнул:

– Кху-кху. Святополк и вправду молод. Но я и не о нашем князе говорю...

Ант, не договорив до конца, девка была уже совсем близко, многозначительно замолчал.

Воик догадался, о ком идет речь.

– Так это девка великого... – начал он глупо, сообразив, что Ант ведет речь о князе киевском Владимире.

Это правда, Владимир погряз в скверных похотных желаниях. Но Великий киевский князь гневлив и повсюду имеет свои глаза и уши, и трепать его имя попусту себе дороже. А если девка пожалуется... И особенно в неподходящий момент...

Ант, испугавшись, что глупый неопытный молодец вслух сболтнет то, что не надо, и девица услышит его, грубо прервал его:

– Молчи, дурак! Не наше это дело.

Между тем девица, подойдя к сторожам, поклонилась и весело поздоровалась:

– Будьте здравы, добры воины.

Девица часто встречала старого привратника на воротах и иногда одаривала его добрым словом. Знала ли она его имя, – неизвестно, а спрашивать ее имя Ант опасался, – долго живет тот, кто любопытство свое умеряет.

В ответ Ант уважительно поклонился и ласково и осторожно, как будто он говорил с пугливой кошкой, погладил ее взглядом и словом:

– И ты здравствуй, красна девица! Цветешь, как весенний мак.

Заметив краем глаза, что глупый Воик и не подумал склонить головы, Ант как бы нечаянно задел его дурную голову тупым концом копья.

Воик, получив удар по загривку, быстро склонил голову.

Девушка, заметив, что произошло, звонко рассмеялась, как журчащий быстрый ручеек в жаркий летний день, и, не задерживаясь, продолжила свой путь дальше по своим делам.

Воик, потирая покрасневшее место на шее, которое задел древком Ант, мотнул головой и восторженно отметил вслед красавице:

– Хороша девка. На лицо красна; черная коса в руку, а идет, будто лебедь плывет.

– Ну и дурак же ты, Воик, – с безнадежным вздохом заметил размягчившийся Ант. – Кто ленится лишний раз нагнуть голову, тот непременно ее разобьет. А кто заглядывается на яркое солнце, рискует ослепнуть.

Он вернулся на свое место и уже оттуда, увидев, что девушка скрылась из виду, смело заговорил:

– Хороша девка, и казна у нее есть, – князь щедр для девок. Да не про нашу честь эта девка... Ты слюни-то подотри, – ткнул Ант по-отечески молодого в лужу.

Воик, наконец, почувствовал мокроту на подбородке и грязной пятерней вытер подбородок, а пятерню вытер о полосатые штаны.

Ант дал разумный совет:

– Ты, молодец, на этих девок не засматривайся, за ними строго смотрят.

– Что – убьют? – строптиво спросил Воик, который уже пришел в себя и ощущал себя щенком, нечаянно обмочившимся в ненужном месте. Он доволен тем, что облегчился, но опасается трепки.

– Не убьют, – спокойно проговорил Ант и зловеще пообещал: – А вот «хозяйство» отрезать могут.

Обрисовав парню перспективу, Ант привстал и приложил руку к козырьку островерхого шлема, чтобы рассмотреть, что происходит на дороге вдаль. А там появилось облачко пыли.

С полминуты посмотрев на облачко на дороге и ничего не рассмотрев, Ант приказал своему молодому напарнику:

– Ну-ка, Воик, у тебя глаза молодые, приглядишься-ка к дороге, – кто там едет.

Воик, присмотревшись, сообщил:

– Воин едет.

Ант насторожился. На всякий случай посоветовал:

– Ты, Воик, смотри лучше. Если это наш дружинник, пропусти его молча, без лишних вопросов. Княжеские дружинники не любят разговаривать без дела с простым человеком, а что не по ним, норовят заехать в зубы, и попробуй с ними потом потягаться, – за ними князь, который своих мужей в обиду не дает. Дружинников следует знать в лицо. А если чужой, надо срочно сказать. Если пропустим чужого, беды не миновать. И тогда я тебе в зубы заеду, да так, что от них одни пеньки останутся.

Пока Ант страдал молодого помощника, всадник приблизился, и сторожа рассмотрели на его одежде знак Великого князя – трезубец.

Тут Ант всполошился окончательно, толкая Воика в спину в сторону ворот, наказывал:

– Гони срочно на княжеский двор и предупреди, что скачет гонец из Киева. И скорее, скорее!

Глава 3

После того как ушла мать, в келью зашел Святополк. В шелковой красной рубахе, перехваченной в талии тонким ремешком, украшенным серебряными бляхами, к которому подвязан кинжал с рукояткой из моржовой кости.

Святополку пятнадцать лет. Тонким чернявым лицом с нежной оливковой кожей, вьющимися волосами и большими темными глазами с миндалевидным разрезом, что придает им грустное выражение, он больше смахивает на девушку. Тонкая кость и смуглая оливковая кожа досталась ему от матери. Лицо каменное, как мрамор, но из глаз каплет тайная то ли истовая печаль, то ли впитанный с молоком матери испуг. Волчонок в клетке: и кормят, и холят, но чудится ему вольное поле, которого он никогда не видел, и глядит, как бы вцепиться в горло дающему пищу. Жаль, зубы малы... Но зубы вырастут, а не погаснет ли вольный огонь? Но тогда это будет не вольный охотник, а собака-раб. Нет, настоящего волка вилять хвостом не научишь.

Юный Святополк любит бывать в этой мрачной келье, где всюду чувствуется чернильный запах. Ему нравится, что здесь, в тишине, читая древние рукописи, он может остаться наедине со своими мыслями.

Святополк знает и греческий, и латинский, и арабский, и древнееврейский языки. Поэтому он свободно читает рукописи на разных языках, вызывая насмешки своих сводных братьев, более склонных к мечу и девкам, чем к наукам.

– Миром правит меч, – насмеваются они, не утруждая себя изучением чужих языков. Незачем им это, – князь живет слугами, и толмач всегда найдется.

Но Святополк знал, что в свитках написано много историй о том, что было, и о том, что есть... Нет в них только того, что будет. Но умный человек и так знает, что будет.

Прежде чем выйти к людям и приступить к обычным княжеским делам, Святополк должен тщательно обдумать каждое свое слово и поступок. Он ни единым словом не должен сердить грозного отчима. Здесь, в далеком Турове, хорошо чувствуются зоркие глаза отчима. Здесь везде чувствуется липкий страх. Владимир жесток и подозрителен. И особенно придирав к пасынку.

Раньше Святополк обижался на это. Как каждый ребенок Святополк хотел получить свою долю родительской любви, тепла, которое так нужно для начала счастливой жизни. Но он видел, как при взгляде на него глаза отца приобретали холодный оттенок. Эти глаза становились, как две ледышки ранней весной, – и вроде солнце сияет ярко, а потемневший лед источает мертвенный холод, как будто хочет уморить робко зарождающуюся жизнь. Под этим гипнотическим взглядом голодного змея Святополк чувствовал себя как только что появившийся на свет, неоперившийся птенец, жизнь которого держит в комочке разве только синяя тонкая кожа.

Он тогда не понимал, что происходит, с чем связана немилость отца.

Но теперь Святополк знает все. И кто его настоящий отец, и как Владимир назвался отцом вместо убитого им брата. И почему Владимир его ненавидит. Он все знает. И его ничто не удивляет, – в греческих рукописях имеется немало примеров того, как следует управлять. Из них для того, кто умеет читать и думать, явствует, что прийти к власти легко, – удержаться гораздо сложнее. И опаснее всего для государя самые близкие, те, кто имеет право на власть: братья, сыновья, племянники. И опаснее всего бывшие рабы и их дети. Потому что те, кто не ценил свою свободу и честь, не способны ценить свободу и честь других.

Владимир, сын грязной рабыни, меньше всего имел право на власть над Русью. Поэтому, став после смерти сводных братьев единоличным властителем, он бдительно следил за всеми: чтобы никто не поднимал головы выше, чем он дозволяет; чтобы никто не почувствовал сво-

боду; чтобы никто не вспомнил о своем достоинстве и гордости... А значит, сын убитого Великого князя как законный наследник – самый опасный. А потому над головой пасынка витал постоянный страх.

– Знаешь, Иоаким... – неожиданно начал говорить Святополк, оторвавшись от своих мыслей. При звуке его голоса седовласый Иоаким, прячущийся в тени, вздрогнул и трясущимися руками отложил свиток, который он только что рассматривал, размышляя над тем, как бы ему удобнее разложить свитки, чтобы всегда знать, где и что написано, и придал лицу внимательное выражение.

Обратив на себя внимание, Святополк рассудительно продолжил речь.

Его возраст подходил к тому моменту, когда голос ломался. Юноша пытался говорить приличествующим князю басом, но визгливая фистула самовольно прорывалась через каждое слово. В разговоре с монахом, знавшим его с колыбели, не было необходимости поддерживать «лицо», но Святополк с юношеской категоричностью считал, что в большом надо начинать с привычки в малом.

Поэтому сейчас Святополк рассуждал, говоря слова по отдельности, с паузами, тем самым пытаясь придать им подчеркнутую весомость:

– Грек Александр Македонский был великим завоевателем, он сумел создать большое царство. Однако он оказался плохим государем. Он не сумел сплотить завоеванные государства. Он так и не понял, что для сплочения государства требуются не столько воины, сколько писцы, дьяки, пахари. То есть те, кто обеспечивает обычную жизнь. И эта жизнь должна быть устроена по единым правилам.

Иоаким спрятал в тени насмешливую улыбку. «Наивный юноша», – подумалось ему и, покачав головой, уклончиво промолвил скрипучим голосом:

– У каждого князя свои правила.

Спорить он не хотел, но немного подумав, напомнил:

– Великий Александр с детства враждовал с отцом. Это произошло потому, что царь Филипп хотел воспитать его как настоящего царя: сильным, жестоким, решительным. Но при этом он потерял любовь жены и сына. Александр получил от отца сильнейшую в Греции армию и богатое государство, но он ненавидел отца и все творения его рук. Он захотел создать себе свое царство и поэтому двинулся в военный поход, завоевывать другие народы. Но как на чужих костях рай себе не создашь, так и родину себе не завоюешь и не купишь. Бог определяет судьбу человека, где родиться и кем. И все предопределено им. И нельзя противиться воле Бога – ее надо выполнять. Святослав тоже пытался найти себе новую родину, но так и сгинул на реке.

– По твоим словам, Владимир, убивая моего отца и вынашивая замысел убить меня, выполняет волю Бога? И я должен с этим смириться? – быстро уцепился за слова Святополк, у которого в голове было одно, и вспыхнул. Мраморное лицо поползло, визгливо прорезался детский голос:

– Монах, ты лжешь!

Бледное лицо монаха еще больше побледнело. Дребезжащим голосом, как расщепленный пень на ветру, воздев белый, как березовый обломок, палец, он назидательно укорил:

– Никто не может знать волю Бога, потому что он совершенен. Каждый человек должен идти своим путем, не зная, куда он его приведет. Люди грешны, и их земная жизнь всего лишь испытание перед тем, как попасть в рай. Помни об этом князь, потому что ты христианин! И не греш!

– Никто не может знать волю Бога... – задумчиво повторил, торопливо перекрестившись, Святополк и неожиданно успокоился. Ему пришло в голову, что, задумывая месть Владимиру и его детям, он всего лишь выполняет Божье предназначение. И это ему понравилось.

Святополк кивнул головой, и весьма туманно и обрывисто рассудил:

– В том-то и дело, что каждый князь преследует свои интересы. Пока жив Владимир, русская земля под единым крылом. А как умрет? Как Борис и Глеб будут делить уделы? А как Ярослав в Новгороде посмотрит на это? Нет, в наших землях нужен один князь, который мог бы поддерживать порядок. Но ни Борис, ни Глеб... Я ведь забочусь не о себе, о силе рода Рюрикова. Нельзя...

Святополк не успел досказать свою мысль. За дверью слышались легкие шаги, и Святополк, насторожившись, замолчал. На всякий случай его мелко задрожавшая рука коснулась рукоятки большого кинжала, с которым он никогда не расставался. Кинжалом драться против меча невозможно, только себя ранить; но кинжал, как соска у младенца, хотя и бесполезен, но обойтись нельзя, – успокаивает.

Святополк почувствовал предательскую дрожь, но унять ее никак не мог, и это его злило. Монах, заметив, что волчонок трусил, отвернулся.

Раздосадованный Святополк презрительно выругался про себя: «Раб! Хлоп! Смерд!»

Открываясь, дубовая тяжелая дверь громко закрипела, как бы жалуясь на свою судьбу, – росла красивым ветвистым деревом, но пришли люди и срубили. Погубили. Разодрали железными зубьями на полосы, и из жалких остатков живого сколотили то, что хотели – дверь. Но придет время, и эти жалкие остатки найдут свой конец в костре.

Чужие жалобы слушать вредно, чужие горести прилипчивы, и Святополк зло поморщился, – надо отругать, чтобы петли дверей смазывали. Но тут же пришла мысль, что может и не стоит делать этого, так как этот надрывной вой предупреждает о приближении постороннего человека. А кто предупрежден, тот наполовину победил.

Дверь открылась, и из-за нее показалось девичье лицо с серыми большими глазами. Пухлые губы растягивались в приветливой улыбке.

Святополк расслабился.

– Любава! – ласково прошептал он.

Эта девушка для него была ближе, чем о том думали многие. И он, как любой мужчина, доверял той, кто дарила ему первые радости любви.

– Чего тебе, Любавушка? – спросил он мягко. Темные глаза бархатисто потеплели. Он и не заметил, как взмокшие пальцы отпустили холодную рукоятку кинжала.

– Матушка неотложно ждет тебя, князь, – сказала девушка нежным, как весенняя трава, голосом. Однако изумруд весенней травы часто скрывает зимний холод, стоит только ее коснуться ладонью.

– А что случилось? – спросил Святополк, почувствовавший в ее голосе скрытую тревогу.

Девушка, понизив голос до пугающего шепота, одними губами вымолвила:

– Гонец прибыл из Киева.

Святополк почувствовал, как по его спине вновь побежали мурашки. Его дыхание замерло.

В голове юноши мелькнула мысль, что он допустил какую-то оплошность, из-за чего Владимир рассердился и теперь прислал гонца, чтобы его наказать. Взмокшая ладонь его опять накрыла рукоятку кинжала. Дрожащие пальцы стиснули рукоятку, словно желая удавить змею, скрывавшуюся в ней.

Но он тут же отбросил эту мысль. Если бы Владимир захотел наказать пасынка, он не стал бы посылать гонца, а сам пришел бы с дружиной. Гонцы же часто приезжают в Туров по мелким делам, и не всегда их видит Святополк. Часто с ними решает дела или мать, или воевода. К тому же блудливость Владимира всем известна, гонец может приехать и за девкой или наложницей, и все это не касается Святополка. Но сейчас гонец хочет увидеть Святополка. Это означает, что у Владимира появилось срочное и важное дело именно к нему.

Святополк подумал, что причина этому может быть одна: возможно, Владимир готовит поход на печенегов, с которыми часто воевал, и ему требуется помощь от Святополка. Это не несло опасности для Святополка.

Придя к этому выводу, он облегчено выдохнул воздух из груди, зачем-то медленно свернул свиток, отложил его в сторону и встал. Теперь он был абсолютно спокоен.

– Ну пойдем, – проговорил он твердым, приличествующим князю голосом.

Девушка предупредительно шагнула в сторону, чтобы пропустить Святополка, но тот распорядился:

– Иди впереди.

Девушка игриво хихикнула и юркой белкой нырнула за дверь. Юноша по-стариковски вздохнул:

– Ох девки, вечно им игрища! – и поторопился за ней.

Про себя он не хотел признаться, что с умыслом отправил Любаву вперед: на Любаве было легкое белое платье, и ему, несмотря на недавний испуг, связанный с неожиданным приездом гонца от Владимира, приятно было смотреть на просвечивающуюся сквозь тонкое полотно фигуру девушки.

Та, понимая это, зазывно вызываяще покачивала бедрами. От этой картины Святополк почувствовал странное томление внутри себя. Наконец, Святополк не выдержал и, когда они попали в длинный пустынный коридор, ускорил шаг и коснулся пальцами горячего бедра девушки.

Любава, вздрогнув от неожиданного мужского прикосновения, замедлила шаг и, попав в объятия князя, озорно засмеялась и, полуобернувшись, промолвила:

– Князюшка, сейчас не время для любви.

– А когда? – нетерпеливо спросил Святополк, которому хотелось, чтобы ночь с ее радостями наступила как можно скорее.

– Как только тьма покроет землю и взойдет спутница любви луна, – многообещающе пропела Любава.

– Вечером у нас другое дело, – отпустив девушку, возразил вполголоса Святополк, напоминая о том, что еще несколько дней назад Любава, разгорячившаяся в порыве страсти до потери соображения, сболтнула любимому страшную тайну. Она рассказала о таинственных обрядах, что происходили, когда все засыпали, в темной лачуге в укромном уголке княжеского двора.

После того как Владимир объявил, что принимает новую веру, старых богов приказано было забыть. Но не так-то просто забыть богов, которым поклонялось не одно поколение предков. К тому же Владимир переменчив во мнении, еще недавно он объявлял Перуна главным божеством и приказывал приносить ему человеческие жертвы. Теперь же за поклонение старым богам им указано: тех, кто попадется на поклонении старым идолам, бить батогами, а кто попадется второй раз, – жечь на огне или топить в воде.

Святополк, в отличие от Владимира, был христианином с момента рождения. Иначе и не могло быть, когда мать ревностная христианка.

Христианская религия стоит на любви к людям, сострадании к слабым. Но несмотря на это, христианка Юлия учила, что Бог дает власть избранным, он дает ее только тем, кто способен перешагнуть человеческие заблуждения и слабости. Сильные пишут законы для слабых, а слабые обязаны их исполнять. Ибо простой человек – всего лишь раб другого человека. А сильный человек – Божий посланец, и его устами говорит Бог. Князья – Божьи избранники, а потому их устами говорит сам Бог.

Поэтому Святополк со снисходительным любопытством слушал рассказ наивной варварки Любавы о ее богах. Когда та на секунду запнулась, он даже попытался посмеяться, но

распалившаяся Любава уже не могла остановиться и сообщила, что древние так сильны, что боги могут сделать то, на что не способен Иисус, – рассказать человеку его судьбу.

Услышав рассказ Любавы, Святополк даже похолодел. Он и раньше слышал о таинственных варварских обрядах. Он хорошо помнил сказания о том, как после предсказания кудесника волхва погиб Вещий Олег. И мать рассказывала о тайной секте в Византии, жрецы которой могли видеть будущее и даже управлять им, – это была старинная секта, ее история начиналась еще в те времена, когда все люди были одним народом и когда боги жили среди людей. Знание будущего сильное оружие. Имея при себе такое оружие, можно достигнуть великой власти, подобной которой не достигал и Александр Македонский, мнивший, что завоевал весь мир, а на самом деле коснувшийся только его малой части.

Все люди мечтают узнать свою судьбу. И Святополк мечтал об этом. Но он в первый раз сталкивался с человеком, который видел жрецов, посвященных в самые сокровенные тайны. И даже был с ними лично знаком.

– Не может быть! – недоверчиво воскликнул Святополк, желая раззадорить девушку, чтобы выведать у нее тайну до остатка. – Никто не может знать свою судьбу.

– Но это так! Они способны на это, – убежденно говорила Любава, не понимавшая упрямой недоверчивости молодого князя.

– Я не верю в это, – еще упорнее заявил Святополк.

– Это можно сделать! – в запальчивости отвечала Любава.

– Так сведи меня с этими жрецами, пусть они мне предскажут судьбу, тогда я поверю, – настаивал юный князь.

Любава вдруг остыла, она испугалась за жизнь своего любимого дружка. Она припугнула.

– Это возможно, но человек, узнав свою судьбу, станет навсегда несчастным. Только в неведении человек может быть счастливым.

– Сведи меня со жрецами, – категорически потребовал Святополк.

– Только сильный человек может перенести то, что узнает, – пыталась отговорить его от опасной затеи Любава.

– Я – сильный! – твердо уперся Святополк.

Пришлось тогда Любаве дать обещание Святополку, что она сведет его с колдуном.

И вот на сегодняшний вечер назначена встреча...

Любава, зная о том, какое тяжелое испытание предстоит Святополку, лишь грустно улыбнулась. Ночь длинная, на все хватит времени...

А Святополк думал, что узнав, кто умеет общаться со всемогущественными богами, он этого колдуна постарается удержать при себе, чтобы был он под рукой. Да и другим чужих тайн не болтал. И лучшее место для такого колдуна – темница в княжеских погребах.

Перед дверью в горницу Любава остановилась, склонилась к юному князю и зашекетала мягкими теплыми губами его ухо. Говорила она очень тихо:

– Князь, приезд гонца не к добру. Тебе угрожает большая опасность.

Опасность Святополку угрожала с самого рождения, и думая, что она говорит о предстоящем гадании, Святополк пробормотал:

– Я все время живу под дамокловым мечом.

Любава взглянула в его глаза.

– А знаешь ли ты, что утром нашли мертвого поваренка?

– Ну слышал, мне воевода сообщал, – пробормотал Святополк.

– А знаешь ли, что он умер оттого, что взял кусочек с предназначавшегося тебе блюда и съел? – спросила Любава, смотря прямо в глаза Святополка.

Этого Святополк не знал. Он нервно вздрогнул и отвел глаза.

Любава убежденно проговорила:

– Тебя хотят погубить.

Видя испуганное лицо юного князя, она обняла его, прижав к упругой груди, и прикоснулась своими огненными губами к его губам. Губы князя были необычно холодны.

Поцеловав юного князя, девушка отстранилась и сказала:

– Я люблю тебя.

Затем она придала лицу постное выражение, какое любила видеть на лицах своих девок княгиня-монашка, не желавшая, но силой судьбы познавшая мужчин и потому презиравшая их, и пропустила Святополка вперед.

Дерево материал светлый и легкий. В дереве живет дух жизни, потому кумиров строгаи из дерева. Вся жизнь человека связана с деревом. Родившись в тени дерева, в младенчестве человек спит в деревянной колыбели. Сидит на деревянной лавке. Ест на деревянном столе из деревянной посуды. В жилище из дерева человеку жить хорошо, но дерево недолговечно, легкое оно, а потому и человек среди дерева не усидчив.

Княжеские терема рубили из дерева, потому ими особо не дорожили. Сгорит, что за беда, другой построят.

Великий Святослав был прост. Геть, вскочил на коня, и в поле! В поле воля... В поле он первый воин. Но в поле царствует ветер, а власть нуждается в твердом стержне.

То ли камень, камень материал основательный, его просто так с места не сдвинешь. Но камень не имеет души, он мертвый.

Княгиня Юлия выросла среди камня, а потому и характер у нее был другой. Не любила она дерева, но Русь ей одной не перестроить, и потому она приложила силы, какие только могла, чтобы добавить к ветреной легкомысленности княжеских теремов немного стабильности и основательности. Парадную горницу в княжеском дворце, где вершились государственные дела, она велела отделать драгоценными кипарисовыми досками, привезенными из Греции. Отполированный янтарно-желтый кипарис приобрел мраморную твердость и придал парадной зале ощущение стабильности.

На стенах просторной горницы висели драгоценные персидские ковры. В промежутках между ними виднелась причудливая резьба по светлому дереву, в которое, как в тело Спасителя, варварски были вбиты грубые железные гвозди, на которых висело оружие: щиты, копья, мечи, топоры.

Это воевода Свенельд настоял. По его мнению, оружие на стенах придает власти необходимую пышность.

Хоть и не любила показную роскошь княгиня Юлия – монахиням роскошь не по чину, от «лукавого» роскошь, – однако вынуждена не только терпеть, но и даже, так как горница предназначалась для княжеских приемов, прилагать силы, чтобы парадная зала выглядела как можно богаче.

Вспоминая византийские придворные порядки, Юлия велела в передней стороне зала поднять пол и поставить на помост большое кресло, наподобие трона, украшенное серебряными и золотыми полосами и драгоценными тканями. На троне Святополк возвышался над всеми, кто находился в зале.

Выше него только висящий на стене над троном лик с печальными глазами и алеющей крошечным огоньком лампадкой. Лик работы старинных византийских мастеров, гордость княгини, – на всей Руси нет такого лика.

Святополк, переступив порог, перекрестился на лик и прошел в комнату, бесшумно ступая по полу сапогами с подошвой из мягкой кожи.

Мать сидела в креслице неподалеку от княжеского кресла с бесстрастным отрешенным лицом. На ней было обычное темное платье. В руках четки, нанизанные на нить, – застывшие капли слез, крупные, как налитые соком желтые ягоды восточной алычи. Только не радостным солнцем налитан янтарь слезы, а желтой горечью. Грудь и плечи тяжело придавило монисто из серебряных и золотых бляшек. На запястьях блестят кольца, на тонких, точно выточенных

из драгоценного благородного сандала пальцах нанизаны перстни с самоцветными, бесстыдно блистающими камнями.

Святополк удивленно отметил, что мать для встречи с гонцом успела надеть тяжелые украшения из золота, жемчуга и янтаря, приличествующие ее положению. Обычно она их не носила.

Рядом с окном стоял мужчина в кольчуге и с мечом на поясе. В дневном свете, подающем из окна, из кусочков разноцветных стекол, хорошо видно, что лицо и одежда мужчины покрыты слоем пыли. На сапогах виднеются следы грязи. Из желтых глаз сквозит тонкая тень презрения.

Святополк недовольно подумал, что гонец ввалился в чистую горницу даже не умывшись, – это неуважение к нему. А смотрит нагло и вызывающе.

За такую наглость пороть следует, – разом загорелся в душе жаркий гнев юноши. Тут бы крикнуть яро, на конюшню его! Ан нет, нельзя!

Святополк поскорее затушил благородный гнев – гонец не простой смерд. Перед великокняжеским гонцом выказывать свой гонор опасно. Что нашепчет на ухо Великому князю, неизвестно. А Владимир каждое черное слово против пасынка вплетает в строку.

Не так уж и крепко сидит головушка на человеческих плечах, даже если она и княжеская.

Святополк дорожил своей головой, а потому сделал вид, что не замечает неподобающего поведения гонца. Он подошел к матери и поцеловал ей руку. Тонкие алые губы матери тронула нежная улыбка.

К креслу, сидя в котором князь должен вершить государственные дела, Святополк не пошел, – он прошелся по комнате, как бы в задумчивости, затем остановился у окна и посмотрел в него.

Гонец терпеливо ждал. Пока князь не спросит, он должен молчать. Но Святополк слишком долго смотрел в окно, и гонец догадался о причинах его молчания, – нельзя проявлять явное неуважение к сыну Великого князя. Даже если он пасынок, и даже если не любимый.

Наконец, Святополк повернулся к гонцу и, прерывая слишком затянувшееся молчание, задал положенный вопрос, свидетельствующий о сыновней любви к отчиму:

– А здоров ли батюшка?

Гонец, пытаясь загладить оплошку, почтительно, как собака перед миской с костью, оскалив зубы в бороде, склонил голову и, выкатив истово круглые глаза, доложил заученными словами:

– Слава Богу, Великий князь здоров...

Он на мгновение запнулся и поспешно добавил:

– Того же он и тебе желает.

– Дорогой не встречался ли непорядок? Не обижал ли кто? – продолжил спрашивать Святополк. Он вежливо задавал положенные по обычаю вопросы, с нетерпением ожидая, пока гонец не скажет то, что Владимир велел ему передать.

Гонец подробно отвечал на вопросы Святополка, в свою очередь понимая, что тот задавал их для устава, и так же отвечал по уставу.

Нетерпеливого юношу почтительное многословие раздражало. И с другим бы он не стал церемониться – гонец должен говорить только по делу. Но это был гонец от Великого князя...

Наконец, гонец, тряхнув кудлатой головой, выложил главное:

– Великий князь просит тебя прибыть на пир.

Вот теперь Святополк похолодел. Разумеется, приглашение на пир является обычной формальностью. Но, несомненно, имеется другая причина, по которой Владимир желает его приезда в Киев. И так как эта причина Святополку неизвестна, он сильно забеспокоился.

В волнении, пытаясь сохранить на лице приличествующую князю маску бесстрастности, он поинтересовался:

– У батюшки есть дело ко мне?

Но несмотря на его усилия, голос его дрогнул и предательски выдал истинные чувства. Гонец, заметивший трепет в голосе Святополка, опять едва заметно скривил губы, прячущиеся в бороде, в презрительной усмешке: «Молодой князь, еще не умеет скрывать свои страхи».

Но ответил холодно:

– Мне указано только узнать, приедешь ли ты на пир. Другие дела мне неведомы. Ответ я должен получить немедленно, чтобы сегодня же вернуться назад.

Святополк, дрожащим от напряжения голосом, промолвил:

– Разумеется, если меня хочет видеть батюшка, то я приеду. Можешь возвращаться.

Гонец, сухо протрещав, как подколотая змея, звеньями свисающей с боков кольчуги, громко стуча каблуками по драгоценному кипарису, вышел из горницы.

Святополк, выждав некоторое время, выглянул в окно. Гонец вышел во двор и сидел на лошади. Ловко вскочив в седло, он бросил взгляд на окно горницы, и Святополк, которому показалось, что он встретился с ним взглядом, испуганно отшатнулся.

Отойдя от окна, Святополк обратился к матери, продолжавшей недвижимо сидеть в кресле.

– Что думаешь об этом, матушка? – спросил Святополк.

Лицо Юлии размякло, теперь она расслабилась, и от пережитого страха у нее нервно задергалось веко.

– Владимир не зря вызывает тебя, – испуганно проговорила она.

– Вот и я гадаю, какое дело у него ко мне, – озабоченно сказал Святополк и, запнувшись на несколько секунд, предположил: – Может, собирается в поход на печенегов и ему нужна моя дружина?

Юлия, наконец, почувствовала, что у нее от неподвижного сидения во время разговора с гонцом затекли ноги и руки, зашевелилась, чтобы встать с кресла. Святополк заботливо помог ей подняться. Потирая руки, которые начало колоть, как острыми иглами, снова поступающая в кровеносные сосуды застоявшаяся кровь, она нервно возразила:

– Твоя дружина для этого слишком мала. И к тому же она необходима, чтобы оборонять рубежи от поляков. Тебе нельзя уходить из Турова с дружиной.

– Вот так я и думаю, – проговорил Святополк. Он немного помолчал и, видя, что мать больше ничего не говорит, поинтересовался:

– Может, сказать больным? Гонец еще не уехал из города...

– Нет, – испуганно сказала мать, кровь снова отлила от ее лица. Она заторопилась: – Это Владимира рассердит. Его нельзя сердить, он жестокий человек. Он всем велел верить в Спасителя, но в душе он остался варваром. Душа его черна. На пир тебе надобно ехать, но в Киеве будь осторожен. Не пей вина и ешь только то, что поели другие. Яд – слишком хорошее средство для устранения соперников.

Святополк невольно вспомнил об умершем утром отроке, который проглотил яд, предназначавшийся для него. Мать была права, его хотят убить.

Святополк задумался. Если это по приказанию Владимира подсыпали яд в еду Святополка, то тогда зачем он прислал гонца с приказанием приехать в Киев? Или хотел убедиться, что Святополк отравлен? Но об этом он мог узнать и не присылая гонца. В Турове у Великого князя имеется много своих людей, которые его исправно информируют о делах во дворце пасынка.

Святополк пробормотал:

– Странно это...

Юлии, как и любой матери, уставшей от волнения при виде опасности, которой подвергается ее дитя, захотелось приласкать Святополка. Княгиня Юлия, показывая тонкой рукой на лавку у стены, предложила:

– Присядь, Святополк. Я тебе никогда не рассказывала о том, что произошло с твоим отцом и каким образом я оказалась наложницей Владимира.

Святополк насторожился. Разумеется, он уже знал, что его отец был убит Владимиром. Но никто не осмеливался ему рассказывать подробности произошедшего.

Видя, что мать хочет его приласкать, как малое дитя, он внутренне, как обычный подросток, этому воспротивился. Юноша, уже познавший любовь женщины, ощутил себя неудобно, однако еще больше ему хотелось знать, что и как произошло с его отцом. Поэтому он пересилил свое внутреннее сопротивление и присел на лавку.

Юлия присела рядом и, склонившись к уху сына, щекоча его щеку прядью волос, начала рассказывать тихим, едва слышным шепотом.

– После смерти матери твой дед Святослав посадил Ярополка на Киев, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы просить себе князя. Они предупредили: если не пойдете к нам, найдем других князей. Святослав отвечал: «Да кто же пойдет к вам?»

Так как Ярополк и Олег отказались идти в Новгород, то Добрыня предложил новгородцам просить Владимира.

Новгородцы так и сделали. Святослав сказал им: «Вот вам князь, возьмите его».

Таким образом Владимир пошел в Новгород с дядею своим Добрынею.

А Святослав ушел в Переяславец. Когда пришел Святослав к Переяславцу, то болгары затворились в городе и не пустили его; потом вышли они из города на сечу против русского князя; сеча была злая, и болгары начали одолевать.

Тогда Святослав сказал своим воинам: «Видно, уже нам здесь умереть; так станем же биться мужественно, братья и дружина!»

К вечеру одолел Святослав, взял город приступом и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, взять и ваш город, как взял этот».

Греки отвечали: «Мы не можем бороться с вами; но возьми с нас дань и на дружину свою. Для этого скажите, сколько вас, чтобы рассчитаться с вами по числу людей».

Греки говорили таким образом, чтобы обмануть русских. Святослав отвечал им: «Нас двадцать тысяч».

Десять тысяч он прибавил, потому что у него было только десять тысяч.

Тогда греки собрали девяносто тысяч войска на Святослава и не дали ему дани. Святослав пошел на греков.

Когда же русские увидели против себя такое множество войска, то испугались.

Святослав сказал: «Уже нам теперь некуда деться. Волею и неволею должны биться. Не посрамям Русской земли, но ляжем здесь костями; мертвым не стыдно, а если побежим, то ляжет на нас стыд, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе».

Воины отвечали ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим».

Русь приготовилась к битве, и была сеча злая. Святослав одолел; греки побежали. Тогда Святослав пошел к Византии, воюя и разбивая по дороге города.

Узнав об этом, царь Византии созвал бояр своих в палату и спросил: «Что нам делать? Мы не можем никак одолеть русских».

Бояре отвечали: «Пошли к Святославу дары, проведать, на что он больше падок: на золото или на дорогие ткани?»

Так и сделали. Послали с умным человеком к Святославу золото и ткани, наказавши послу: «Смотри, замечай хорошенько, какими глазами он будет глядеть на подарки».

Посол, взяв дары, отправился. Когда Святославу доложили, что пришли греки с поклоном, он сказал: «Введите их сюда».

Греки вошли, поклонились и разложили перед Святославом золото и ткани.

Святослав, смотря равнодушно по сторонам, сказал: «Спрячьте это!»

Послы возвратились. Царь созвал бояр. Послы сказали им: «Как пришли мы к Святославу и подали дары, то он и не посмотрел, а велел только спрятать».

Тогда один боярин сказал царю: «Попробуй еще, пошли к нему оружие».

Совет был принят, послали к Святославу меч и разное другое оружие.

Когда же принесли к нему, то он взял, начал хвалить, любоваться и велел благодарить царя.

Узнав о таком приеме, бояре сказали царю: «Должен же быть храбр этот человек, когда пренебрегает имением, а берет только одно оружие. Делать нечего, приходится дать ему дань».

Тогда царь послал сказать Святославу: «Не ходи к городу, но возьми дань, сколько хочешь».

Святослав взял богатые дары и возвратился в Переяславец; но, увидав, что дружины осталось мало, начал думать: «Что, если какою-нибудь хитростью перебьют дружину мою и меня? Пойти лучше в Русь, привести побольше дружины».

Для этого он послал сказать царю: «Хочу иметь с тобою твердый мир».

Царь обрадовался и послал ему дары еще больше, чем прежде.

Святослав принял дары и начал советоваться с дружиной, причем говорил: «Если не заключим мира с царем, и он узнает что нас мало, то, пришедши, обступят нас в городе. Наша земля далеко; печенеги с нами в войне; кто нам тогда поможет? Заключим лучше мир с царем. Греки уже взялись давать нам дань. Будет с нас, если же перестанут платить, то пойдем опять к Царю-городу, тогда уже возьмем больше войска».

Эта речь понравилась дружине.

Святослав потребовал от царя его любимую дочь. Царь согласился. Так я оказалась у Святослава. Но Святослав брал меня не для себя.

Заключив мир с греками, Святослав пошел в лодках к порогам. Отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Пойди лучше, князь, на конях, печенеги стоят около порогов».

Святослав не послушался его и пошел в лодке. Тогда переяславцы послали сказать печенегам: «Святослав в Русь пешком, с большим имением идет».

Услыхав об этом, печенеги заступили пороги. Когда Святослав пришел, то негде уже было пройти.

Русские стали зимовать в Белобережьи. Но скоро съестные припасы у них повышли, и сделался большой голод. Так провел Святослав всю зиму.

Весною двинулся он вперед. Но печенежский князь Куря напал на него и убил. А Свенельд пришел в Киев к Ярополку.

Ярополк женился на мне.

Однажды сын Свенельда, Лют, вышел из Киева в лес на охоту. Но тут увидел его Олег, князь древлян, и спросил у своих: «Кто это такой?»

Ему отвечали: «Сын Свенельда».

Несмотря на это, Олег напал и убил Свенельдича за то, что тот охотился с ним вместе в одном лесу.

Отсюда пошла ненависть между Ярополком и Олегом. Свенельд, желая отомстить за сына, все подговаривал Ярополка: «Пойди на брата и отними у него владения».

На третий год Ярополк пошел на Олега, в древлянскую землю.

Олег вышел к нему навстречу и стали биться.

Киевский князь победил древлянского.

Когда Олег с воинами бежал в город именем Овруч, то на мосту, перекинутому через ров к городским воротам, столпилось множество беглецов, и в тесноте воины спихивали друг друга. В том же числе спихнули и самого Олега. За ним попадало еще много воинов, даже на лошадях, и лошади передавливали людей.

Между тем Ярополк вошел в город Олегов, захватил там всю власть и послал искать своего брата. Искали, искали – и нигде не нашли. Тогда один древлянин сказал: «Я видел, как вчера спихнули его с моста».

Услыхав это, Ярополк велел искать брата во рву. С утра до полудни вытаскивали трупы из рва. Наконец, нашли Олега на самом исподу. Внесли во дворец княжеский и положили на ковре.

Пришел Ярополк и начал над ним плакать.

Он говорил Свенельду: «Полюбуйся, вот тебе чего хотелось!»

Олега погребли у города Овруча.

Владимир, услышав в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался и бежал за море, а Ярополк посадил в Новгороде своих посадников и владел один на Руси.

Через несколько лет Владимир вернулся с варягами в Новгород и сказал Ярополковым посадникам: «Ступайте к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, пристраивайся к битве».

Отпустив посадников, Владимир сел в Новгороде и послал в Полоцк, к тамошнему князю Рогволоду, свататься к его дочери Рогнеде.

Рогволод спросил у дочери: «Хочешь ли выйти за Владимира?»

Она ответила: «Нет, не пойду за сына рабыни».

Послы Владимира, возвратясь, пересказали ему всю речь Рогнеды. Тогда Владимир собрал большое войско, варягов и славян, чудь и кривичей и пошел на Рогволода.

Владимир убил Рогволода, двоих сыновей его, а дочь взял за себя и пошел на Ярополка.

Когда Владимир пришел к Киеву с множеством войска, то Ярополк не мог противиться ему и затворился в городе с людьми своими и с воеводою Блудом. К этому Блуду Владимир прислал с такими речами: «Возьми мою сторону; если мне удастся убить брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь; ведь не я начал убивать братьев, а он; я же пришел на него из страха, чтоб он и меня не убил».

Блуд отвечал послам Владимировым, что будет помогать их князю. И точно, беспрестанно ссылаясь с ним, убеждая приступить к городу, а Ярополка обманывал, мыслил убить его; но по причине граждан нельзя было этого сделать.

Тогда Блуд замыслил погубить Ярополка коварством и начал отсоветовать ему выходить из города на битву, говоря: «Беги скорее из Киева; киевляне пересылаются с Владимиром, зовут его на приступ к городу, обещаясь предать тебя ему».

Ярополк послушался, выбежал и затворился в городе Родне.

А Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне, где скоро сделался страшный голод; есть пословица теперь: беда точно в Родне.

В таких обстоятельствах Блуд начал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у твоего брата; нам его не пересилить, заключай скорее мир».

Ярополк отвечал: «Хорошо».

Тогда Блуд послал сказать Владимиру: «Мысль твоя сбылась; я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядишься, как бы убить его».

Получив это известие, Владимир пошел на отцовский теремный двор и сел там с дружиною.

А Блуд тем временем говорил Ярополку: «Ступай к брату и скажи ему, что мне дашь, тем и буду доволен».

Ярополк пошел, хотя его верный слуга Варяж и говорил ему: «Не ходи князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи оттуда войско».

Но не послушался Ярополк. Когда Ярополк стал входить в двери, то два варяга пронзили его мечами под пазуху, а Блуд между тем захлопнул за ним двери и не дал Ярополковой дружине войти за своим князем.

Так был убит Ярополк. Сын рабыни Владимир не позволил похоронить Ярополка с надлежащими почестями. И где теперь похоронен твой отец, о том знает только предатель Блуд.

Юлия закончила рассказ. Ее лицо потемнело. Воспоминания опечалили ее. Однако после минуты молчания она продолжила свой рассказ: «Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены. Рогнеда, которую он поселил на Лыбеди, где находится сельцо Предславино. От нее имеет он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей. От чехини – Вышеслава. А еще от одной жены – Святослава и Мстислава. А от болгарыни – Бориса и Глеба. А наложниц у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове. И он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо писано, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр Соломон был, а в конце концов погиб. Этот же невежда. И меня он взял в наложницы, несмотря на то, что после смерти мужа я хотела уйти от этого грешного мира в монастырь... Этим он нанес бесчестие и Богу, и своему брату, и мне...

Юлия замолчала. Теперь надолго.

А Святополк, подождав некоторое время, горячо прошептал: «Я отомщу за убийство своего отца».

Юлия вскинулась, испуганно оглядываясь на дверь: «Тихо, тихо. Никто не должен слышать твоих слов. Если Владимир узнает, что ты хочешь ему отомстить, он убьет нас обоих».

Святополк торопливо встал и бросил: «О моих замыслах никто не узнает».

Юлия встала – ее сын был почти на голову выше ее, – положила ему на плечо цепкую руку, как будто хотела его удержать, и, глядя прямо в темные глаза, проговорила: «Будь хитрым, сын. Отомсти за отца. Но помни всегда о судьбе своего отца, бойся тех, кого считаешь своими верными друзьями, и держи меч под рукой».

– Я так и сделаю, – пообещал Святополк, с кровавым отблеском в глубине глубоких, как могила, черно-дырявых зрачков. «Я так и сделаю», – обещал пасынок, и ему мерещились отрубленные головы и вывороченные из нутра бледно-синие кишки, плавающие, как расплюснутые глисты, в кроваво-красном море. Ему мерещились умирающие мутно-коричневые глаза, еще смотрящие, но уже мертвые. И от всей той картины спину юноши пробила крупная холодная дрожь.

Он тихо, так что мог слышать только он один сам, горячечно бормотал на греческом языке: «Время разбрасывать камни, но придет время и их собирать. Придет время, и я семя рабское Владимирово сотру с лица земли».

Глава 4

Осенью ночная тень рано накрывает землю. И вечером, как только в теремах утих шум и начали гаснуть огни, Святополк вышел из своей комнаты.

Сначала он долго шел по темным коридорам. Когда вышел во двор, то постоял немного на крыльце, жадно вдыхая свежий воздух.

В небе сквозь тонкую рябь ночных туч пробивалось большое красное пятно. Оно было огромное и кроваво-красное, и казалось, что там, далеко за тучами, разгорается пожарище, которое вот-вот перекинется на беззащитную темную землю и уничтожит все, что живет и существует на ней.

Нехороший знак, когда луна красится кровью. Ночное светило, солнце мертвецов, жаждало обильной крови, грозило многими бедами и указывало путь ненасытным до человеческой крови упырям.

Краем глаза в призрачной лунной тени молодой человек заметил странное движение, как будто призрак промелькнул и вздохнул, обдав все вокруг ледяным инеем.

По спине Святополка пробежал мороз, он зябко поежился, и его рука невольно опустилась к поясу, где висел кинжал. Ему неудержимо захотелось вернуться назад, в теплую темноту, пахнущую живым человеческим телом. Но, нащупав рукоятку кинжала, Святополк тихо пробормотал себе под нос: «Нечего бояться, – это всего лишь луна. Я князь, я не должен бояться».

От звука собственного голоса он почувствовал себя увереннее и, хотя в его горле от страха застрял ледяной ком, смело шагнул во двор.

Лунный свет плохо освещал двор, и юноша с трудом нашел необходимую ему дверь среди черных провалов теней. Найдя дверь, он неуверенно скребнул ногтем дверь одной из каморок, как и было условлено с Любовью.

Звук был очень тихий, но его услышали. За дверью скрипнули половицы и послышался тихий девичий голос, как робкий лучик света в ночи.

– Кто там?

– Любава, это я, – так же тихо проговорил Святополк и оглянулся, проверяя, не слышит ли кто его, не следят ли за ним.

Дверь неожиданно бесшумно, как ворота в обиталище мертвых, растворила щель, и из мрачной щели показалось бледно-белая рука. Но вместе с рукой пахло живым избяным духом: кислый запах печеного хлеба, дымная горечь очага, сладкий запах расплавленного воска и каких-то сухих трав.

Живые запахи приободрили юношу, и он вдруг почувствовал, что из его горла исчез холодный комок.

Рука уже не казалась мертвенно-бледной, это была обычная девичья нежная рука. Она шевельнула пальцами, маня, и Святополк решительно потянул на себя дверь. За дверью оказалось почти как во дворе – холодно и темно, и даже привыкшие к темноте глаза юного человека ничего не видели. Он только чувствовал рядом другого человека.

– Ничего не вижу, – пробормотал Святополк и тут же ощутил, как к его руке прикоснулась теплая ладонь. Вот теперь он разобрал рядом с собой тонкий девичий силуэт.

– Любава, ты что ли? – невольно вырвалось у юноши.

– Нет, анчутка! – тихо прыснула девушка. Быстро подавив смешок, она промолвила: – А я думала, что князья особенные и видят в темноте, как рыси.

Не дожидаясь ответа, она ухватила юношу за руку и потянула за собой.

Святополк сделал еще несколько шагов. Послышался скрип открываемой двери, и робко мелькнул желтый свет.

Перед ним открылась комната с низкими закопченными потолками. Посредине комнаты, на земляном полу, из обломков камней было сложено грубое подобие очага, в котором нетопливо играли небольшие языки пламени. Дрова в очаге почти прогорели, и по еще несгоревшему полену, среди углей, как в темной безлунной ночи, блуждали робкие звездочки. Они колдовски цепко притягивали к себе бездумный взгляд человека.

Святополк с трудом отвел глаза от чарующих огней.

Дым от очага поднимался и где-то исчезал вверху, видимо, там была дыра, через которую и уходил дым.

Небольшой огонь давал мало света, и по стенам, как гуляющие скоморохи, плясали тусклые тени.

Здесь Любава разжала руку и, проговорив: «Дальше иди сам», растаяла в темноте.

– Ты все же пришел, – послышался старушечий скрипучий голос, как только девушка исчезла. Казалось, он доносился из подземелья.

Святополк, напрягая глаза, всмотрелся в темноту.

– Ну, раз не испугался, то садись к огню, – снова раздался голос. Вроде бы он слышался сзади. Святополк оглянулся, но никого не увидел.

– Кто ты? – внезапно охрипшим голосом спросил он и почувствовал, что в горле стало сухо. Святополк невольно судорожно глотнул слюну и снова спросил, но уже окрепшим голосом:

– Кто ты?

– Кто я, не имеет значения, – проскрипела старуха. – Я служанка богам. Я служанка Роду – единому во многих лицах и всемогущему. Но имеет значение другое – кто ты?

– Я князь... – гордо начал звонким голосом Святополк.

– Молчи! – неожиданно властно цыкнула старуха, и окончание фразы застряло в горле у юного князя. – Ты князь перед людьми, а перед богами ты червь! Гордиться ты можешь перед людьми, а перед богами смирись! Он дал тебе многое, но он может и отнять все в одночасье. Как у твоего отца.

Святополк, вспомнив предупреждение матери, потупил взгляд и виновато промолвил:

– Грешен я. Но я смирен и склоняю голову перед богами.

– Хорошо, – смягчив голос, проговорила старуха. – Теперь, когда ты знаешь, кто ты, скажи, что тебе надобно от богов?

– Я хочу узнать свою судьбу, – несмело сказал Святополк. После того, что сейчас произошло, его вера в себя была поколеблена, и он уже не был вполне уверен, что сделал правильно, явившись к колдунье.

Старая колдунья тут же почувствовала неуверенность юноши, как волк запах перепуганной дичи.

– Али ты не уверен в своем желании? – спросила она.

Святополк задумался.

– Тогда уйди, – сказала старуха.

Нет, не для того приходил сюда юный князь, чтобы отступить при первом же препятствии, хотя бы страх неизвестности и пугал его сильно, как никогда в жизни. Благоразумный человек не будет совать голову в пасть голодному льву. Но, отступив один раз, хватит ли сил не отступить и в следующий, когда опасность окажется еще сильнее? Посеешь поступок, пожнешь характер... Потеряв честь, уже не вернешь ее.

Святополк мотнул головой и твердо, с булатной сталью в голосе проговорил:

– Нет, я уверен!

Он решительно сел перед очагом.

От очага струились мягкие волны приятного тепла, которые обнимали, как ласковая мать дитя, и в этих объятиях было необыкновенно спокойно и надежно. Юноша чувствовал, как тяжелеют его веки, и он с трудом противился, чтобы не закрыть глаза.

– Спрашивай. Но задать можешь только один вопрос. Боги ответят только один раз. Поэтому не спеши, спрашивай самое главное из того, что ты хочешь узнать. То, из-за чего ты готов отдать жизнь, – теперь голос был ласковый, женский, чем-то знакомый Святополку.

Вопрос у него был готов. Он давно и тщательно его обдумывал. И поэтому он проговорил твердо и уверенно:

– Я хочу узнать свою судьбу.

– Ты хочешь знать будущее? – задумчиво переспросил голос.

Святополк испугался:

– Я не могу узнать свое будущее?

– Отчего же? Ты сможешь увидеть свое будущее. Боги правят миром. И потому им известен каждый твой шаг, который ты сделал или который ты сделаешь. Суд правит твоей судьбой. Я спрошу у него о твоём будущем. Возможно, он даст тебе ответ. Однако я хочу предупредить тебя: человек не может знать замыслов богов. Поэтому то, что ты увидишь, ты должен разгадать сам... Но даже если разгадаешь, то сумеешь ли ты принять свою судьбу, какой бы она ни была? Ведь знание своей судьбы – непомерная ноша. Под силу ли тебе это?

Святополк кивнул головой:

– Я готов.

– Тогда смотри на огонь, в огне Суд покажет тебе твою судьбу. А когда увидишь все, что тебе хочется знать, – уходи и забудь сюда дорогу. И никому никогда не говори о том, что узнал. Суд даст тебе знание, но он сурово отомстит, если ты передашь это знание другому. И не пеняй на свою судьбу, – неси свой крест со смирением.

Голос затих, тая среди мрачных стен, и юноша впился глазами в огонь, который неожиданно вспыхнул ярким пламенем.

Так он сидел долго, вглядываясь в языки пламени, танцующие волшебный танец. Он слышал непонятные голоса, крики и стоны, и он видел мелькающие картины в красном пламени. И виделись ему сражения и окровавленные тела. Их было очень много, так много, что они громоздились горами, а вокруг разливалось море, – кроваво-красное, как луна, которая провожала Святополка по пути к колдунье. Наконец, языки опали, огонь потух, только искорки среди углей блуждали колдовскими узорами. Они вспыхивали и гасли, как звезды на небе. А с ними возникали и погибали миры...

Святополк долго молча сидел над потухшим огнем, зачарованный представившимися ему видениями. Его никто не трогал. И в хижине, казалось, было пусто. Наконец, Святополк встал и направился к выходу.

За порогом его остановила Любава. Уцепившись за его руку, она тревожно спросила:

– Суд сказал тебе твою судьбу?

Святополк скупомолвил:

– Сказал.

– И что же сказал?

– Все! – тряхнул головой Святополк. – Но об этом говорить нельзя. Сама знаешь.

– И все-таки! – настаивала Любава. – Хотя бы Великим князем будешь?

– Буду, – неохотно сознался Святополк. – Будет у меня трое верных слуг. Один из них будет обладать чудесными способностями, и пока он будет рядом со мной, у меня будет все хорошо. Но будет много крови. Очень много крови, и многие умрут, хотя не по моей вине, но в этом винить будут меня.

Опасаясь сказать лишнее, он резко оттолкнул руку девушки.

– Любава, отстань, сама же знаешь, что мне ничего говорить нельзя. Будущее изменчиво, и оно мстит тем, кто не умеет молчать.

Любава обиженно протянула:

– Подумаешь... Если я захочу узнать, то сама спрошу.

– Вот и спроси, – посоветовал Святополк. – А мне дай дорогу.

Любава удивилась:

– А разве ты ко мне не пойдешь?

Святополк искоса взглянул на нее. Из окошка на девушку падал синий свет, который высвечивал сквозь тонкую рубаху ее гибкое тело, волнуемую дух развилку лона, стройные ноги. Ее глаза смотрели бездонными колодцами, во тьме которых трепетал далекий огонек. Огонек трепетал, грозя разгореться в пожар.

В уме юноши невольно возникли сладострастные картины проведенных ночей с девушкой. Он почувствовал, как по его телу пробежал жар и дрожь нетерпения. Он прикоснулся к девушке и почувствовал упругое горячее тело и острые соски на груди.

Но багровая луна показалась в щелях крыши хижины, и тут же картины любви сменилась другими картинками, мерзкими и тошнотворными. Теперь юноша видел мертвые разрубленные тела; и головы, лежащие отдельно от тел; и вспоротые животы с бело-синими узлами человеческих внутренностей. И реки крови.

Святополк невольно задрожал, и загоревшееся в его глазах желание потухло, как огонь залитый дождем.

– Нет, – сказал он с печалью в голосе. – Не пойду.

Любава, только что видевшая в глазах любимого огонь желания и не понявшая причин внезапного холода, обиженно всхлипнула.

– Ты меня разлюбил?

Святополк сделал движение, чтобы обнять ее, но тут же испуганно отпрянул и рассудительно проговорил:

– Нет, Любава, я тебя не разлюбил. Но мне необходимо подумать над тем, что я узнал только что. Это очень важно. Я завтра приду, – пообещал он.

– Завтра ты уедешь в Киев, – напомнила обиженная Любава и исчезла в темноте.

Ночью Святополк спал тревожно, однако, проснувшись утром, он так и не мог вспомнить, что ему снилось.

Так как за окном было еще темно, Святополк некоторое время лежал в постели и, размышляя, смотрел в темный потолок. От сна оставалось только ощущение тревоги. Наконец, он сообразил, что его так сильно встревожило. Если старуха-колдунья смогла для него открыть его судьбу, то то же самое она может сделать и для других. А когда чужой знает о твоей судьбе, это очень опасно.

И когда рассвело, Святополк встал с твердым намерением.

Явившемуся к нему с утренним докладом воеводе Свенельду Святополк хмуро приказал:

– В хижине, в дальнем углу двора, живет старуха. Она колдунья. Чтобы не случилось неприятностей, надо посадить ее в подвал под замок. Кормить и поить сытно, но разговаривать с другими не давать.

Свенельд удивился.

– Я хорошо знаю княжеский двор и всех его жителей. Нет у нас никакой старухи.

Святополк упрямо поджал губы.

– И все же – проверь.

Через час Свенельд вернулся с докладом.

– Князь, не нашли мы никакой старухи. Откуда ты слышал про колдунью?

Святополк, не желая выдавать Любаву, пробормотал что-то неопределенное:

– Так, приснилась какая-то дрянь...

Да и что говорить о колдунье, если ее след уже простыл.

Глава 5

Киев стоит на крутой горе. Стоит высоко, подальше от черных людей и связанных с ними неприятностей.

Здесь, на горе, киевские князья чувствуют себя богами. С высокого крыльца двухъярусного терема, увенчанного трезубцем, Рюриковичи судят своих рабов, которыми считают всех аборигенов. С преданной дружиною думают об устройстве земском, о войнах, о том, как больше получить дани с покоренных народов.

Княжеский трезубец, изображенный на гербе великого князя, хорошее орудие лова, – кого он пронзает, тому уж не уйти от князя.

Мрачно в этом гнезде стервятников днем. А ночью еще страшнее. Как только земля покрывается тьмой, кроваво-красными сполохами озаряется гора. Это княжеский двор освещается кострами караульных гридней и ярким светом из окон дворца. Там же, куда не падает свет, царит тьма, и чудится, что души безвинно убиенных глядят из этих теней черными провалами. Тут пахнет землей, плесенью и кровью.

С наступлением темноты в княжьем тереме становится весело. Пирует дружина: визжит музыка; кривляются скоморохи, обряженные бабами; собаки грызутся из-за костей; гудят пьяные голоса.

Длинный деревянный стол уставлен кувшинами и чашами с медовухой и греческим вином. Горами лежат жареное мясо и рыба, и яблоки, и все плоды земли Русской.

Во главе стола сидит Великий князь Владимир. Он широк в плечах. Бледное длинное лицо заросло бородой, в которой застряли крошки хлеба. На нем вышитая золотом одежда. Свечи мерцающими огнями поблескивают на золоте и бросают красные тени на лицо князя.

По правую сторону Великого князя сидит его верный друг, воевода Добрыня. Много повидал на своем веку воевода. Бог уберег его от злой стрелы и лихого меча. Воевода грузен и широк, как кадка с добрым вином. На голове воеводы осталось мало волос, и только седая прядь спадает на могучее плечо, сливаясь, как робкий ручей, с рыжей бородой. Воевода, желая казаться моложе, моет бороду в хне. По рыжей скуле воеводы пролегла, как по весенней целине, бледно-неживая борозда, – шрам полученный им в одном из сражений. Шрам тянул левый глаз вниз, придавая лицу свирепое выражение. Разговаривая с воеводой, его собеседники невольно прятали глаза в сторону.

По другую сторону сидит Святополк. Он тих и угрюм, как река, выющаяся среди светлого березового леса в спокойную погоду.

Святополк беспокоится – отчим так до сих пор и не сказал ему, зачем позвал к себе.

А Владимир исподволь бросает на пасынка неприязненные взгляды. Не любит Владимир пасынка, а вынужден привечать. А не любит, потому что мерещится ему пасынок напоминанием давнего греха с Юлией.

Хорошо помнил свою вину перед братом Владимир. Виноват он был и по законам человеческим, и по законам Божьим, и потому, когда у наложницы родился сын, он оставил его жить и даже объявил его своим сыном. Не предпринимал он никаких мер и позже, когда родились законные сыновья, так как видел мальчика больше больным, чем здоровым. Он надеялся, что сын убитого брата сам умрет.

Но хилый мальчишка с невероятным, доходящим до остервенения упорством цеплялся за жизнь. Так он, болезненный и хлипкий, и дожил до этого дня. На вид он был кроток и смирен, хотя имя имел грозное.

Но Владимир не забывал, что в тихом омуте черти водятся. Правда, какие окаянные черти водились в тихом омуте пасынкковой души, ему приходилось только догадываться.

Несмотря на все опасения и нелюбовь, Владимир нелюбимого пасынка внешне особенно не ущемлял, хотя и постоянно помнил, что по праву стол в Киеве принадлежит Святополку.

Пока же Владимир отправил пасынка в Туров с малой дружиной, оставшейся от его отца Ярополка. Но без присмотра не оставлял. Рядом со Святополком постоянно были его согладатаи, которые докладывали о его каждом шаге. Согладатаи докладывали, что Святополк к воинскому делу был неспособен, в поле ходить боялся и охотнее склонялся к чтению старинных свитков и книг, и потому, радующийся таким вестям, Владимир в конце концов уверился, что когда придет время, то Святополк не станет соперником его родным сыновьям.

А больше всего из детей Владимир выделял Бориса и Глеба – сыновей от бойкой чернявой жены болгарки. Борис и Глеб были единокровными братьями и походили друг на друга, как две капли воды. Однако Владимир все же больше любил Бориса. Близнецы только внешне казались похожими, на самом деле Борис был бойчее Глеба и командовал им. Это и нравилось князю, любившему смелых, отчаянных людей, каким был его отец. Да и сам он был не смиренный монах.

Любя Бориса, Владимир старался держать его поближе к себе и своей дружине, хотя тот и был еще малолетним отроком. Владимир прочил, что, когда умрет он, сильная дружина достанется Борису, а с дружиной перейдет ему по наследству и Великий стол в Киеве.

Глеба же, который брату во всем был потатчик, чтобы не смущал глаз и не путался под ногами, Владимир отправил в Муром.

Из родных сыновей первым по старшинству шел Изяслав от жены Рогнеды. Спокойный, рассудительный и смелый. Владимир отлично помнил, как он пришел заступиться за мать, которая из ревности покушалась на жизнь князя.

Думая над судьбой Изяслава, Владимир сразу вспомнил Новгород, – ушлые там мужики, своевольные, все о мощи своей думают, а уж простодушного князя обведут вокруг пальца и в веревку совяют, а веревкой этой подпояшутся. Его самого все время подстрекали сначала против отца, затем против братьев. Хитрые в Новгороде мужики, но и на них узда найдется, – прямой и смелый Изяслав будет для них хорошим хозяином и опорой Борису.

По старшинству за ним пошел Ярослав. Владимир сразу приметил этого мальчика, уж больно приветлив этот чернявый малец с черными кудрявыми волосами и синими ангельскими глазами. Смотрит ласково, а ласковое дитя сосет сразу двух маток. Владимир думал, – ну прямо маленький зверек ласка, тихий и пугливый, с мягкой белоснежной шерстью. Ангел на вид... Только знают опытные люди, что хотя ласка зверь малый и тихий, игрушка, но только злее хищника на свете нет: мелких животных убивает всех, кто попадает к нему на пути, больше, чем ему нужно, чтобы голод утолить; а у больших кровь сосет. Быки и кони боятся зверька ласки больше огня. Ярослав весь в свою мать, неукротимую и высокомерную Рогнеду, единственную из жен, осмелившуюся наказать своего неверного мужа. Так что такого хитреца держать при себе все равно, что гада ядовитого за пазухой, – ласково пошуршит, да и ужалит дающую руку.

Подальше его от себя – в Ростов. А пока мал, ему боярин Будый будет помогать, лиса из того же гнезда.

А вот Мстислав с детства отличался от братьев особенной ловкостью и отвагой, поэтому Владимир отправил его подальше – в Тмутаракань. К тому же там близко печенег и другие дикари с гор, а потому там требуется отчаянная голова.

Остальные сыновья были еще слишком малы. Но подрастут и им найдется место, – земля Русская велика, столов на всех хватит.

На пир Владимир пригласил пасынка с тайной целью, о которой пока не говорил. Пока он присматривался, как Святополк ведет себя, нет ли у него преждевременной тяги к вину, не скажет ли спьяну тайной мысли.

Но Святополк вино не пьет, следует примеру отчима, который лишь слегка мочит губы в кубке с вином. И во взгляде Святополка читается настороженная скука.

Это успокаивает Владимира, и он все меньше обращает внимания на Святополка.

Владимир прикладывает золотой кубок, полный греческого вина, к губам и довольно поглядывает на дружинников. Дружинники уже пьяные, ведут шумные беседы, кричат, а кто-то уже ткнулся лицом в блюдо с жареным поросенком, обглоданным с одного бока; и не понять уже, где морда свиньи, а где дремлет почтенный боярин. В темном углу другой дружинник завалил девку, что прислуживала, на колени и лезет ей под подол. Пьяная девка смеется, и ее оголившаяся рука цепляется за чашу с вином.

По бледному лицу Великого князя блуждает рассеянная улыбка, и, кажется, он пьян не меньше своих гостей.

– Пей! Гуляй! Девочку щупай! – Князь пир дает своим верным друзьям. И он любит их, и они его любят. И они лезут к нему с кубками, чтобы облобызаться.

И только хищный глаз воеводы отпугивает слишком навязчивых. Воевода Добрыня не князь, дружинникам спуска не дает, знает, что от него зависят милости князя.

Но только Святополк догадывается, что тем временем представляющийся захмелевшим князь Владимир на самом деле трезв и тщательно прислушивается к ведущимся разговорам. Пей, гуляй, добрый князь пир дает, и сам он кажется пьян не меньше своих друзей. Язвительно кривит тонкие губы Святополк и хрустальным разумом повторяет слова: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Святополк твердо помнит заветы греческих мудрецов: умному правителю стоит внимательно слушать пьяных, чтобы знать, чего следует ожидать от своих приближенных.

Вот толстый боярин Блуд, тот, что предал отца, смеется, показывая гнилые черные зубы. Толстое масляное лицо трясется. Иудины глаза залиты салом.

– ...Я говорю, задирай подол, мне некогда возиться с тобой. А тут вылезает вонючий смерд с ржавым мечом. А меч-то держит, как палку. Откуда-то взялись малые щенки, истошно визжат. Я спрашиваю, – чего тебе? Он – это моя женка! Ну и что, говорю. Хотя... Раз вылез, тогда помоги эту суку придержать, а то брыкается. А щенков угомони. А он на меня кидается, как голодный пес. Ну, я ему голову и отхватил одним махом. Как кочан капусты полетела. Потом, думаю, раз уж замахнулся, то не стоит руку задерживать, и смахнул голову и этой сучке, да заодно и щенков покрошил...

Боярин Улеб, слушавший Блуда, захохотал громовым голосом, брызжа липкой слюной изо рта и держа в руке кусок жареного мяса.

– Значит, так и обломилось?

Святополк брезгливо морщится, о порядках в киевской дружине он хорошо знает: все, что попадает на глаза дружиннику, его законная добыча. Отказу дружиннику ни в чем не может быть, в том числе и от женщин. Миром властвует меч.

Но Святополку в силу младости все это еще кажется подлым. Он думает, что нельзя обращаться с собственным народом, как с быдлом. Князь с дружиной должны быть защитниками родного племени. Мать рассказывала, что его отец любил народ, никого не притеснял за веру, будь это язычники, магометане или христиане. А Владимир разрешил христианским монахам тех, кто не крестится, топить или рубить им головы.

Впрочем, мнение молодого князя здесь как раз никого и не интересует, и непонятно, зачем он находится среди дружины, поэтому он благодушно помалкивает.

А князь Владимир равнодушно отвернулся. Он слышит, что рассказывает боярин Блуд, и знает эту историю, и нет ему в ней ничего интересного.

Он и сам, когда дочь полоцкого князя Рогнеда отказалась выходить за него замуж, без сомнения убил ее отца Рогволода и ее братьев.

Но вот до его уха донеслось другое, что заставило его насторожиться.

Кто-то из дружинников, не видный за другими, горестно всхлипнул, умышленно громко, чтобы слышал его князь.

– Что это здесь наше житье горькое! – возопил он. – Дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными!

Дружинники враз притихли, но через секунду дружно зароптали:

– Да, да, истинно так, – едим мы, как смерды, на княжеском пиру деревянными ложками и пьем из глиняных кубков и чаш. Не любит нас князь.

Еще не утихли слова, а Владимир немедленно призывно шевельнул рукой. Из сумрака за спиной колыхнулась тень, и появилось лицо молодого отрока, прислуживающего князю. Он склонился к уху князя.

Владимир, не смотря на него, тихо проговорил:

– Скажи ключнице, чтобы немедленно подала дружинникам серебряные ложки и кубки! И впредь чтобы давала им серебро!

Святополку подумалось, что отчим слишком угодливо реагирует на капризы дружинников, и недовольно промолвил:

– Балуешь их! Ох балуешь.

Владимир бросил на пасынка снисходительный взгляд. Слишком прост показался ему Святополк, – любит свое слово вставить поперед всех, высказать мнение, а потому гляделся глупым. «Это хорошо, – подумал Владимир, – скоро подрастет любимый Борис. Борис сметлив, и ласков с отцом. Никогда не скажет слова поперек. А прежде чем высказать слово, думает. А там... А там известно, что будет. Самому Владимиру, прежде чем сесть на княжеский стол в Киеве, пришлось немало пролить крови самых близких родных. Будет у Бориса дружина, разберется он и с братьями. Ладом или войной? Как сложится...»

Только Владимиру пока не хотелось думать об этом.

Тем не менее Владимир презрительно бросил:

– С серебром и золотом не найдешь дружины, а с дружиною найду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра.

Святополк, раздосадованный презрительным замечанием, отвернулся.

Но пиры не только повод выпить вина и повеселиться, князь на пирах с дружиной решает и важные дела. Поэтому Добрыня наклонился к уху князя и тихо шепчет:

– Осень близко. Пока не начались дожди, надо готовить поход на печенегов. Должок за ними есть.

Владимир качнул головой:

– Пора. Только одной дружиной с ними не обойдешься. К тому же зачем дружиной рисковать, зимой еще надо идти за данью. Поэтому надо идти в Новгород за войском. Пусть мужики повоюют.

Добрыня кинул кость за спину, собаке, и довольно проговорил:

– Вот завтра с дружиной давай это и обсудим. А решим, то на следующей неделе пойдем в Новгород, да заодно по пути напомним насчет дани.

Святополк насторожился, он подумал, что сейчас Владимир предложит ему готовить дружину в поход, и собрался выложить ему свои возражения, но князь и воевода на этом закончили разговор.

Посидев некоторое время и чувствуя себя неуютно среди враждебно настроенных людей, Святополк тихо спросил у отца разрешения уйти из-за стола.

Владимир масляно мигнул глазами и проговорил, что веселье только начинается и что скоро должны привести девок, которые будут плясать голыми.

Святополк покраснел и смущенно пробормотал, что ему совсем неинтересно смотреть на пляски голых девок.

Владимир покосился на него дурным глазом, однако что-то надумав, затем равнодушно кивнул, разрешая уйти.

Святополк вышел из парадной палаты, где шел пир, недоумевая и гадая над тем, за какой необходимостью Владимир пригласил его в Киев на свой обычный пир.

Вместе с ним вышли и дружинники, всегда охранявшие его по приказу Свенельда, который опасался, что со Святополком расправятся, как и с его отцом. Когда возможно было, Свенельд сам сопровождал Святополка, но в этот раз, ожидая нападения поляков, он остался в Турове.

В коридоре, слабо освещенном несколькими скособоченными оплывшими сальными свечами, не столько светившими, сколько испускавшими черную копоть, с вонючим запахом нехолощенного кабана, Святополк столкнулся с Глебом.

Глеб худощавый мальчик, тянущийся вверх, как юный тополек, одни углы и тощие костлявые ветки. В полуночном сумраке в больших, как у ночной птицы, глазах на бледно-меловом овале лица блуждают желтые искорки, отблески сальных светильников.

Увидев Святополка, он заулыбался, показывая в черном разрезе рта фарфорово-белые зубы. Он полез обниматься, ласково приговаривая:

– Здравствуй, братушка. Я так рад видеть тебя. Так рад.

Святополк подал знак глазами, чтобы сопровождавшие его дружинники с мрачными лицами прошли немного вперед, и осторожно обнял Глеба.

Глеб единоутробный близнец Борису, но родился немного позднее Бориса, а потому Борис считался первенцем, а Глеб вторым. Да и по характеру он был гораздо мягче Бориса и покладистее.

Наконец, Глеб отпустил Святополка из своих объятий. Всматриваясь в лицо Святополка, он поинтересовался:

– А что ты приехал в Киев?

Дружинники стояли в нескольких шагах дальше по коридору и, слушая разговор между братьями, внимательно смотрели по сторонам, – в темных переходах княжеских палат многое что может случиться.

Святополк с Глебом, да и с Борисом, был в хороших отношениях, не то что с язвой-Ярославом. Поэтому Глебу он отвечал любезно:

– Отец вызвал на пир.

Ответ Святополка вызвал у Глеба неподдельное удивление:

– Отец вызвал тебя на пир? И ничего более?

Святополк пожал плечами.

– И ничего более пока не говорил.

– Странно, – проговорил Глеб и рассудил: – Странно, что он тебя пригласил на пир. Не хотелось бы об этом говорить, но все равно, все это знают, – он почему-то не любит тебя, а потому прочит в Великие князья не тебя, а Бориса.

Святополк на мгновение вытаращил глаза, как корова, увидевшая первый снег, – и необычно, и манит, и страшно. Глеб открыто сказал то, о чем остальные даже думать боялись. В голове Святополка мелькнула мысль, что с таким языком княжич долго не проживет. Затем у него появилось подозрение, что Глеб все это сказал неспроста. Но зачем? Непонятно... Или он хотел, чтобы Святополк вспылил и осудил планы отчима? Но Святополк не так глуп, чтобы лететь как ночной мотылек на погибель в огонь.

Поэтому Святополк уклончиво проговорил:

– Отцу виднее, как поступать со своими сыновьями.

Глеб тем временем продолжал трепать языком. Он начал рассказывать о готовящемся походе на печенегов и о планах Великого князя.

Святополк некоторое время терпеливо слушал досадную болтовню Глеба, но затем, уловив момент, пожаловался, что устал на пиру и ему хочется спать.

Глеб кивнул головой и, понизив голос до шепота, проговорил:

– Ты отца не бойся, он не тронет тебя. А вот Ярослав, он хорек еще тот, спит и видит, как ему оттеснить Бориса. А отец не верит нам, что он затевает происки...

Глеб нахмурился и утешил:

– Но ты не бойся, мы с Борисом говорили между собой о тебе, ты наш брат, и если что, то мы заступимся за тебя.

Расставшись с Глебом, Святополк зашел в свою комнату и велел дружинникам запереть дверь на засов изнутри.

Ночью Святополк спал плохо. Под дверями комнаты спали двое дружинников, охранявших его сон. Дружинники были надежные и готовы жизнь отдать за своего князя. Однако Святополк был так напуган Глебом и неизвестностью, что при каждом шорохе хватался за меч, который он положил рядом с собой в постель.

Однако ночь прошла спокойно.

А утром, едва рассвело, пришел от Владимира посланец и сообщил, что князь желает видеть Святополка.

Святополк тут же оделся и, даже не позавтракав, в сопровождении своих преданных дружинников пошел в комнату к Владимиру.

Дружинников, сопровождавших Святополка, в палату к Владимиру не пустила охрана, и Святополк, робея не на шутку, вошел один.

Комната была скромная, шагов по десять в каждую сторону. На темных стенах комнаты висело оружие: мечи, копья, щиты и доспехи. Еще на одной стене висела огромная коричневая медвежья шкура, под ней узкая кровать.

Это была любимая комната Владимира. Женщинам вход сюда был запрещен, и Владимира здесь не могли тревожить. В этой уютной комнате он любил вести разговоры с близкими боярами.

Сейчас Владимир, сидя за столом, крытом белой скатертью, завтракал. Увидев Святополка, кивнул на лавку:

– Садись, княжич, позавтракай со мной.

Святополк осторожно сел на лавку, напротив Владимира.

Владимир завтракал скромно. На столе перед ним на блюде лежали пироги и большой кувшин с молоком. Рядом серебряные стаканы с черными узорами на блестящих стенках. Узоры – переплетенные листья винограда.

Заметив в глазах Святополка удивление, Владимир усмехнулся едва заметной в бороде улыбкой и язвительно спросил:

– А ты думал, что я по утрам вино пью?

Святополк растерялся и, не зная, что говорить, пробормотал что-то непонятное.

Владимир, нахмутив густые брови, назидательно проговорил:

– Я не знаю, чем тебя по утрам потчует твоя мать-гречанка, вином ли заморским или какими другими яствами, но я простой человек и ем то, что добываю потом своим.

В голове Святополка промелькнула ехидная мысль, что Владимир лжет, пот он проливает только на многочисленных женщинах, а то, что находится на его столе, добыто трудом других людей.

Однако он опять промолчал. Ибо молчание золото, особенно в разговоре с Великим князем.

Владимир обратил внимание на молчание пасынка.

– А ты чего молчишь, или с утра не в настроении?

Святополк уважительно проговорил:

– Прости, отец, но я приучен слушать старших и уважать отца своего.

– Правильно тебя воевода Свенельд наставляет, – хмыкнул Владимир и одобрительно проговорил: – Свенельд – сильный старик. Моего отца закалка. И верный он...

На этом Владимир замолчал, так как ему некстати вспомнилось, как Свенельд яростно защищал Ярополка. Но вспоминать об этом было ни к чему. Видно, Святополк будет и дальше молчать, а чрезмерно обижать пока его не стоит. Ведет себя скромно, и этого достаточно.

Святополк вежливо поддержал разговор:

– Свенельд низко кланяется тебе, отец. Он мне много помогает. Он верный друг.

Владимир вспомнил, что Свенельд, не скрывая, говорил, что Владимир не достоин великокняжеского звания, и потому не любил его. Святополк лгал, – строптивый воевода не стал бы передавать поклоны Владимиру. Святополк лгал, но другого он не мог и не имел права говорить.

Владимир сделал вид, что спохватился.

– А ты чего не ешь, сын? – заботливо спросил он и обвел стол широким жестом руки. – Наливай молока, бери пироги. А если хочешь что другого, говори. Я велю – принесут.

– Спасибо отец, – скромно потупив взгляд, проговорил Святополк. – Я малым довольствуюсь. Вино не пью.

Святополк налил в ближайшую чашу молоко и отломил небольшой кусочек пирога. Пирог оказался с рыбой.

Владимир вспомнил, что Святополк отказался смотреть на пляски голых девок, и хмыкнув в уме, – монах! – бросил на пасынка пытливый взгляд и спросил:

– А ты случайно в монахи не собираешься?

– Нет, отец, – смиренно ответил Святополк, пряча глаза и откусывая от пирога совсем маленький кусочек. – Я – князь, Божьей и твоей волей. Но будет ли другая воля, твоя... или Бога... я ее исполню.

– Понятно, – проговорил Владимир и стал пить молоко из серебряного стакана большими глотками. Допив молоко, он отодвинул стакан в сторону и, странно посматривая в сторону, спросил:

– Скажи, Святополк не беспокоит ли твои земли польский король Болеслав?

Святополк машинально проследил за взглядом Владимира. В темном углу под небольшой греческой иконой трепетал чуть живым цветочным лепестком красный огонек лампы. По освещенному слабым светом лицу стекали красные кровавые потоки.

Король польский Болеслав сосед беспокойный, у него ко всем соседям претензии. Но большой войной идти на Русь опасался, разозлившись, Владимир мог собрать дружины сыновей, и тогда ему не составило бы труда повторить то, что его предки сделали с Туровцами. И хотя и звался Болеслав Храбрым, однако голову свою берег и попусту ей не рисковал. Тем не менее и малый кусочек откусить не стеснялся, а потому периодически тревожил набегами ближние Русские земли.

Владимир знал об этом прекрасно, так как сам Святополк регулярно посылал к Владимиру гонцов с известиями о событиях, происходящих на рубежах.

Поэтому этот вопрос насторожил Святополка, и он даже отставил от себя стакан. Предполагая, что Владимиру стало известно что-то большее, чем он сообщает, Святополк ответил осторожно, точнее, повторил то, что уже ранее сообщал:

– Поляки тревожат наши городки, но серьезной войны избегают.

– Так, так, – проговорил Владимир и уставился в глаза Святополка змеиным немигающим взглядом.

По спине Святополка невольно пробежала невольная холодная дрожь. Поняв, что сейчас произойдет самое главное, ради чего его звал Владимир, он замер, даже дыхание затаил так, что, казалось, он совсем и не дышит. В зрачках слабо полыхнула багровая зарница – отблеск кровавых потеков на иконе.

Владимир заметил испуг Святополка и, наслаждаясь этим страхом и высасывая его из молодого человека, как ночной вампир кровь из спящей юной девственницы, с минуту молчал.

В тишине набатным колоколом разрывалось сердце, и Святополку казалось, что сердце вот-вот выскочит из его груди и он умрет. В горле застыл холодный ком. Он даже боялся движения невольной мысли. Только мозг, как падаль, грыз голодным шакалом вопрос, неужели кто подслушал его разговор с матерью и передал Владимиру обещание искоренить его род? Но кто и как? Двери были хорошо заперты. Но для предателей нет запертых дверей. Тогда – кто предатель?

Наконец, Владимиру надоело тянуть паузу, и он, отведя взгляд от остекленевших глаз Святополка, выложил озабоченно:

– Печенег нас сильно беспокоят. Хочу я сходить на них большим походом, чтобы надолго отбить им охоту нападать на наши земли. Но мне нужна передышка с запада, чтобы Болеслав, пока мы будем ходить в степь, не ударил нам в спину. Поэтому есть у меня намерение заключить с Болеславом мирный договор.

Святополк облегченно выдохнул из груди морозный воздух, ситуация начала проясняться. Святополк повеселел, губы невольно растягивались в улыбку. Киевский князь часто заключал мирные договоры с соседями, хотя те не всегда соблюдались. Правда Святополку не очень пока было понятно, зачем ради этого Владимир позвал его в Киев. Какой он мог дать совет Великому князю?

Но главное Святополк узнал, – к нему со стороны отчима нет притязаний и обид.

И так как вопрос был задан, то следовало говорить свое мнение. Ответил Святополк туманно:

– Мирный договор – дело полезное; только вряд ли Болеслав сдержит свое слово, коварен он. Только сила может его сдержать.

– А у нас найдется на него и гарантия, – многозначительно сказал Владимир и выложил главную мысль: – В подтверждение договора мы требуем его дочь.

Вот теперь Святополк окончательно понял, зачем его призвал к себе Владимир, однако не подал виду, – все, что нужно, отчим скажет сам.

Владимир усмехнулся в пышные усы.

– Так что готовься к свадьбе.

Святополку осталось покорно склонить голову.

– Сделаю, как велишь, отец.

Владимир уверен был и до этого, что Святополк поступит именно так, как он рассчитывает. Однако в глубине его души все же томилось смутное подозрение, что Святополк презирает его, а потому подчеркнуто покорен. Владимиру иногда думалось, чтобы, может, было бы лучше, если бы пасынок проявлял непокорность, свой дурной нрав, по крайней мере все было бы ясно. Но пока повода придрасться к Святополку не было, он вел себя как послушный и преданный сын.

– Святополк, может, ты хочешь развлечься? Сегодня мы будем в Днепре топить язычников, – предложил Владимир, помня что, сколь монахи сторонятся женщин, столь же они любят участвовать в мучениях людей.

Святополку это было неинтересно, и он отказался, сославшись на то, что в связи с предстоящей свадьбой у него появляется много дел и потому ему надо срочно вернуться в Туров.

– Как хочешь, – с усмешкой ответил Владимир и предупредил: – Свадьбу будем играть в Вышгороде. Так что переезжай из Турова скорее.

Покинув комнату Владимира, Святополк, пока шел к себе, все же вынужден был отметить прозорливость отчима, – женив его на дочери польского короля, он убивает даже не двоих зайцев сразу, а намного больше. Из враждебного польского короля он сразу получает союзника.

Владимир же, после того как Святополк ушел, думал, что Святополк совсем не смиренный монах, он умен и хитер, а потому трудно придется Борису, когда придет время брать наследство отца.

Глава 6

Сообщив пасынку о том, что собирается его женить, Владимир не стал откладывать дело в долгий ящик. Через месяц он заявился с дружиной в Вышгород, и с городка сон как рукой сняло. Едва заметив княжескую дружину, почтенные мужи тут же попрятали своих дочерей и жен в запертые на увесистые замки терема с дубовыми дверями толщиной в ладонь. Но и мореный и твердый как камень дуб не мог сдержать любвеобильного князя и его дружину.

Они вели себя как банда разбойников, захвативших городок. Стоило девке или бабе неосторожно высунуть нос за дверь, как она попадала на глаза вечно хмельных дружинников, не пропускавших ни одной юбки. От их необузданного похотного вожделения спасались разве что старухи да малые девчонки.

Тех же мужей, которые им мешали, безжалостно били. И через пару дней пребывания князя Владимира в Вышгороде многие мужья, наученные горьким опытом, драными бородами и синяками на боках, заслышав сладострастные женские стоны и пыхтение в каком-либо амбаре, старательно обходили его стороной. Честь жены или дочери, конечно, им была дорога, однако свои бока ближе. В конце концов у баб не сотрется оттого, что они переспят с княжеским дружинником.

Жаловаться на дружинников Великому князю вышгородские мужья опасались. Князь за дружинников крепко стоит и жалобщиков велит бить. К тому же многих девок дружинники сначала таскали на пробу к своему предводителю.

Единственно, кто в Вышгороде радовался приезду Великого князя, так это его наложницы и любовницы. Они всеми путями стремились завоевать внимание Владимира, потому что вместе с его вниманием на них просыпались блага как из рога изобилия.

На третий день вышгородские мужи зазвали Святополка на двор городского старшины Настаса. Владимир со своей бандой расположился в княжеском дворе, и Святополк был вынужден на время уйти из терема. Поэтому на княжеском дворе, где приличествовало князю говорить с мужами, это сделать было невозможно.

Но на двор к городскому старшине Святополк пошел без сомнения. Он уже догадывался, о чем собирались вести разговор вышгородские мужи. Правда, на секретный разговор Святополк с собой взял воеводу Свенельда, на всякий случай, да и не могло быть у него секрета от своего воеводы и воспитателя.

Едва Святополк шагнул за ворота двора Настаса, как прямо на землю к его ногам пали с жалобным воплем с десятков бояр. Это были первые мужи Вышгорода.

– Князь Святополк, наш любимый, защити нас от дружинников Владимира! – стонали они во весь голос.

Святополк не погнушался, сам помог Настасу встать на ноги и уважительно обнял его.

Видя благосклонность молодого князя, Настас тут же пригласил князя пройти в терем, где обнаружился накрытый белой скатертью стол. На столе было изобилие: мясо, рыба, икра, невиданные фрукты; на стол было выставлено все, что было в городе самого ценного и необычного.

Святополк отметил в уме, что, видно, вышгородские мужи дошли до крайней степени недовольства киевскими дружинниками.

Как только Святополк сел за стол на почетное место, Настас, провозгласив здоровье князя, поднял кубок с вином.

Святополк пригубил из кубка и оценил, – вино было греческое, очень хорошее, такое и в подвалах Великого князя было редкостью.

– Но чем же вас обидели киевские дружинники? – спросил Святополк, придав голосу мягкость и доброжелательность.

Жалобы начал выкладывать Настас:

– Они похищают наших жен и дочерей и лишают их чести.

Слова Настаса прорвали плотину, и мужи начала наперебой жаловаться. Один, с ободранной бородой, плакал:

– Моя жена выглянула в окно, ее увидели дружинники князя и толпой ворвались в мой двор и начали требовать вина и жену. Я дал им дорогого вина; они выпили мое вино и съели угощение. А затем меня отвели в комнату к жене и привязали меня бородой к кровати, а сами в это время брали мою жену насилем. А потом сняли с меня штаны и начали бить по голому задку ногами. Слава богу, меня самого не изнасиловали.

Второй, с разбитым лицом и губами всмятку, кричал:

– А меня, когда я заступился за дочь, заставили целовать коня под хвост, и тот ударил меня в лицо копытом. В результате этого я лишился всех передних зубов.

– Содом и Гоморра! – слышались крики.

Святополк слушал внимательно, с суровым лицом. Вскоре жалобы слились в сплошной вопль. Святополк поднял руку. Как только наступила тишина, он рассудительно проговорил:

– Вышгород Владимиром отдан мне, но он ведет себя тут как тать. Но я не могу воевать с ним...

Воевода Свенельд, который сидел рядом с князем, подтвердил:

– С киевской дружиной мы не можем воевать. Тогда Владимир поднимет на нас всех сыновей.

Настас, предусмотрительно оглянувшись, проговорил:

– Князь, если ты сможешь утихомирить киевских дружинников, то мы станем твоими вечными друзьями. Будем любить тебя. Давать тебе деньги.

Настас намекнул:

– Владимир не вечен... И тогда начнется борьба за киевский стол.

Бояре поддержали его.

– Когда Владимир умрет, мы дружно станем на твою сторону.

– Хорошо, – сказал Святополк. – Если вы клянетесь в своих словах, то я вам помогу.

Настас поднялся и принес из угла крест. Встав перед Святополком, он поцеловал крест и провозгласил:

– Крест целую, князь, что буду стоять на твоей стороне.

Остальные мужи проделали тут же процедуру.

Со двора Настаса Святополк шел довольный. Свенельд все же был настроен скептически.

– Князь, как же ты сможешь утихомирить дружинников? За ними Владимир – он не даст их притеснять.

Святополк сознался:

– Пока не знаю. Силой, здесь, конечно, не возьмешь, а хитростью можно. Сейчас посоветуемся с матерью; она хитра, что-нибудь придумает.

Святополк нашел мать в ее келье, склонившуюся в молитве. Святополк и Свенельд встали скромно около входа. Келья была не очень просторна и скудно обставлена. Здесь был грубый стол, пара лавок у стен и узкая кровать, покрытая темным ковром из мягкой шерсти. На столе в шкатулке лежала Библия.

Ждать пришлось недолго, заметив мужчин, Юлия быстро закончила свою молитву. Она поднялась с колен и, присев на лавку около стены, предложила присесть и мужчинам.

Святополк и Свенельд сели напротив нее, и Святополк принялся рассказывать причину, по которой они побеспокоили ее.

Выслушав рассказ сына о произошедшей беседе, Юлия с осуждением заговорила:

– Содом и Гоморра! Владимир прилюдно объявил, что он христианин. Но он имеет множество жен и наложниц. Он угрозой смерти заставляет людей обращаться к Богу. В душе он

был и остается варваром. Ему уготована дорога в ад. Но тебе перечить ему нельзя, – он ищет предлога, чтобы расправиться с тобой.

По лицу Святополка пробежала тень страха, и он согласился дрогнувшим голосом:

– Владимир – варвар, и семья его рабское. Силой мне нельзя противостоять Владимиру. А вот приструнить его дружинников все-таки надо. Вышгородцы поклялись на кресте, что если я заступлюсь за них, то они будут поддерживать меня.

Свенельд добавил:

– За нас пока стояли одни туровцы, и если за нас встанут и вышгородцы, когда начнется дележ наследства Владимира, то их помощь сможет решить многое. Глядя на них, и другие переметнутся на нашу сторону, киевские дружинники многим досадили. Люди хотят порядка.

– Порядка... – скептически промолвила Юлия, затем по-старушьи пожевала губами, размышляя в уме. Затем истово перекрестилась на иконку, висящую в углу, и заговорила с пылкой злобой:

– Владимир варвар. Самонадеянный, коварный, жадный. Это можно использовать, его победит разумное слово. Ибо со слова начался этот мир, и нет его сильнее.

Свенельд недоверчиво спросил:

– И как же Владимир, который уважает только силу, может склониться перед словом?

Она снова перекрестилась и, тяжело вздохнув, коротко проговорила:

– Ждите!

Накинув на голову черный капюшон, она вышла из кельи и отправилась в терем. У дверей горницы, где находился Владимир, дежурили двое дружинников. Один из них остановил ее недовольным вопросом:

– Чего тебе надо, монахиня?

Из горницы слышались громкие голоса, веселый женский смех. Поморщившись – Содом и Гоморра! – Юлия приоткрыла лицо. Дружинник узнал княгиню и уже уважительнее переспросил:

– Княгиня, что тебе надобно от князя Владимира?

Юлия сухо проговорила:

– Хочу немедленно видеть князя Владимира по важному делу.

Дружинник оказался в затруднении, княгиня Юлия пришла не во время, к князю Владимиру только что привели новых девок, и он выбирал, которой из них отдаст предпочтение. От этого занятия его нельзя отрывать. Однако если княгиня говорит, что желает видеть князя по важному делу, то задерживать ее нельзя.

Выход дружинник нашел простой, он склонился к уху своего напарника и велел ему зайти в палату и сообщить князю, что его желает срочно видеть княгиня Юлия. А уж захочет князь ее видеть или нет, дело его.

Дружинник робко нырнул в приоткрытую дверь. Через минуту звуки веселой возни за дверью стихли. А еще через минуту из-за двери появился дружинник и объявил, что княгиня может входить в горницу.

Юлия откинула капюшон и вошла.

Посредине комнаты стоял большой стол, на котором виднелись вино и сладости. Юлия едва слышно фыркнула – угощение для распутниц!

Владимир, стоявший немного в стороне, около окна, быстро прошел к Юлии и поцеловал ее в губы. Юлия холодно отстранилась.

Владимир спросил:

– Как живешь, Юлия? По твоему виду смотрю – уж не в монахини ли опять подалась?

Юлия склонила голову и со вздохом проговорила:

– Твоя правда. Прошли годки веселые, пора думать о царстве вечном. А вот ты никак не угомонишься.

Владимир усмехнулся:

– На том свете помонашествуем.

Юлия зловеще проговорила:

– Так в рай еще нужно попасть. А за тобой слишком много грехов.

Улыбаясь и поглаживая бороду, Владимир возразил:

– Как написано в Библии, кто не грешит, тому не в чем каяться. Бог любит раскаявшихся грешников больше, чем праведников. А я уже заполучил место в раю, тем что эту страну склонил к истинному Богу. Этим прикроются все мои грехи.

– И все же? – повысила голос Юлия. Поняв, что она намеревается прочитать ему проповедь, Владимир оборвал ее:

– Монахиня, уж не собираешься ли ты учить избранника Бога? Если так, то уходи. Если есть дело – говори. Некогда мне, да и девки и так утомились, ожидая, когда ты освободишь меня.

Юлия поняла, что сейчас не время читать мораль распутному князю, который к тому же ничем не отличался в своем поведении от своих предков и других князей и королей. А праведникам развратную человеческую натуру не переделать.

– Хорошо, – поджав губы, так что они превратились в тонкую бледную полоску, недовольно проговорила Юлия. – Поговорим о деле. Я прошу тебя приказать своим дружинникам, чтобы они прекратили бесчинство в городе.

– Ха! – воскликнул Владимир. – А может, им еще и ангельские крылья нацепить?

Его лицо налилось злой кровью. В глазах зачернело каменное упрямство:

– Не скажу им этого. Пусть дружинники веселятся, как хотят. Они други мои и в сражении за меня жизнь кладут. Мне для них ничего не жалко, ни золота, ни серебра, ни тем более чужих баб и девок. Без своих друзей я ничего не буду иметь, а с ними – все!

Юлия, потупив глаза, смиренно согласилась:

– Это правда, князь силен своими дружинниками. Но...

Глаза монахини дерзко блеснули. Этот блеск напомнил Владимиру времена, когда жена его брата стала его наложницей. С тех пор Владимир знал многих женщин, но еще ни одной не встречал, способной сравниться с Юлией. Были и горячие до безумия девки и бабы, и холодные, как зимний лес, и так себе... Но в Юлии был огонь и лед одновременно: только что окатит холодом и тут же обожжет.

Владимир окинул взглядом Юлию. В бесформенном монашеском одеянии глядится она опавшим зимой листом, – черным, бесцветным и сматым, и вызывает только мысль о смерти. Но лицо, оливковое, горячее, с сумасшедшими черными глазами, невольно вызывает низменную страсть. Огонь и лед.

Глаза Юлии горели, она убеждала:

– Но скоро приедет Болеслав, король польский. И что скажет истинный христианин, когда застанет в городе Содом и Гоморру? Захочет ли он отдать свою дочь за сына варвара? Неужели ты хочешь расстроить свадьбу своего сына?

Закончив речь, Юлия склонила голову, пряча глаза.

– Вот все, о чем я хотела тебя предупредить.

И вновь ее фигура приобрела смиренный вид.

Несмотря на то что Юлия говорила чрезмерно резко, и Владимир даже начал на нее сердиться, однако он все же сообразил, что в ее словах была своя доля истины. Болеслав и сам не был ангелом, и женщин у него было не меньше, чем у самого Владимира. Однако не стоило выставлять дела домашние напоказ чужим глазам.

Владимир взял руками голову Юлии, поднял и в упор взгляделся в ее черные глаза. Ему хотелось увидеть ту молодую гречанку, что сводила его с ума, о которой он думал день и ночь. Но огонь уже потух, и он видел перед собой бездонные черные колодцы. Из колодцев тянул

такой холод, что Владимир внезапно почувствовал где-то под сердцем комок льда. Он опустил взгляд и увидел мелкие морщинки на верхней губе. Знак скорой старости. Это была уже другая женщина.

Владимир отстранился от Юлии и сухо проговорил:

– Я подумаю о твоих словах.

Поняв, что разговор окончен, Юлия пошла к двери. Уже около двери она услышала в спину слегка охрипший голос Владимира.

– Ты, княгиня, больше ко мне с просьбами не ходи.

Черная спина монахини дрогнула, но она не остановилась.

Вернувшись в келью, где Святополк и Свенельд уже притомились, сидя без дела, Юлия лаконично сообщила Святополку, что Владимир, хотя и не пообещал, но своих дружинников, несомненно, угомонит, потому что в конце концов он не захочет расстроить свадьбу пасынка, сулящую ему немалые политические выгоды, и превратить Болеслава из союзника в непримиримого врага.

После этого она отвернулась и упала перед иконой.

Святополк и Свенельд поспешили удалиться.

К вечеру в городе появилась дружина короля Болеслава. Дружинники были разукрашены яркими тканями и птичьими перьями. Сам король ехал впереди в сияющих доспехах, украшенный перьями, как токующий павлин.

Болеслав оказался очень толстым человеком. Таким толстым, что с трудом держался на коне, специально подобранном для него: мощном, с широкими копытами, заросшими мохнатой шерстью. Его тяжелый конь с трудом переходил на рысь, однако мог легко тянуть по несколько груженных возов сразу. Щеки Болеслава падали на плечи и щетинились коротко стриженной бородой иссиня-черного цвета. Болеслав красил бороду. Розовые уши были вдавлены в голову и скрывались за длинными волосами.

Толстые обычно добряки. Болеслав на окружающих мир глядел поросычьими круглыми глазками. Глаза светились зловещими кроваво-красными сполохами.

Увидев Болеслава, Святополк, на правах хозяина встречавший его с боярами у ворот, впал в уныние. Он склонился к уху Свенельда и тихо пробормотал:

– Настоящий кабан.

Свенельд также тихо уточнил:

– Не кабан, а вепрь. Говорят, его излюбленное развлечение – поджаривать молодых женщин на кострах.

Святополк проводил Болеслава и его дружину на княжеский двор, где Болеслава уже встречал Владимир. Владимир нарядился не меньше Болеслава, правда, перьев на себя цеплять не стал. Но золотых украшений нацепил столько, что едва стоял на ногах. Под грузом золота Владимир раскраснелся, как сочная свежесваренная свекла.

Пока они церемонно обнимались и называли друг друга любимыми братьями, Святополк шепнул на ухо воеводе Свенельду о своих сомнениях:

– Болеслав громаден и некрасив. Известно, что дети идут в родителей, и предчувствуется мне, что его дочь Мария так же велика и некрасива.

Свенельд, занятый процедурой встречи короля и Великого князя, отмахнулся от воспитанника:

– Ничего страшного.

Однако заметив поскучевшее лицо Святополка, пояснил:

– Не за лицо мы берем девицу. Отчиму твоему нужен мир. А для тебя Болеслав будет опорой перед Владимиром. Если ты женишься на Марии, то он уже не сможет помыкать тобой. И кроме того, твои владения расширятся. Так что в этой свадьбе есть большая польза.

Он усмехнулся и добавил:

– Но если тебе в постели нужно красивое личико, так никто тебе не запрещает любить Любаву.

Святополк покраснел.

– Любава...

Свенельд перебил:

– Это не имеет значения, Любава или кто другая. Люби, кого хочешь, ты князь. Ты можешь иметь столько девиц и таких, каких пожелаешь. Так делают все. Важно только одно – чтобы твоя жена рожала здоровых мальчиков. Тебе нужны наследники. Наследники крепкие и злые, чтобы могли перегрызть горло Владимировому семени.

Больше Святополк не высказывал сомнений по поводу внешности невесты. Остальных это тем более не волновало. Сейчас князь и король решали более важные проблемы, чем внешность принцессы. Между Владимиром и Болеславом было немало противоречий, и в основном они касались спорных смежных земель. Болеслав считал их своими, – его предки вышли из тех мест, но Владимир владел ими по праву силы. Из-за этого не раз между ними разгорались войны.

Когда к Болеславу пришли киевские послы с предложением породниться, Болеслав сразу увидел в этом выгоды и дал согласие. Однако детали соглашения Болеслав предпочел решать лично со своим могущественным соседом.

Переговоры короля и Великого князя прошли успешно. Болеслав ставил только одно условие: дать в княжение Святополку больше земель.

После небольшого торга – больше для порядка, – хитрый Владимир согласился отдать Святополку земли, из-за которых у него и так шел давний спор с Болеславом: Древлянскую землю и Пинск.

Болеслава это вполне устроило, в результате этого соглашения его потомки станут хозяевами на спорных землях.

Таким образом, все споры были решены к обоюдному согласию, и оставалось только сыграть свадьбу.

Глава 7

Свадьбу играли тут же, в Вышгороде. Болеслав уехал, а спустя пару месяцев привез невесту. К этому времени в Вышгород вернулся и Владимир с дружиной. Но на этот раз киевская дружина вела себя чинно, как будто им и в самом деле подцепили ангельские крылья.

Свадьбу играли по недавно введенному христианскому обычаю. По этому обычаю невесту таили от жениха до самого обручения.

Однако Святополк, наученный Свенельдом, уже и не томился любопытством по поводу внешности своей будущей жены. Ему было все равно, какова она.

В церковь невесту ввели также под полупрозрачным покровом, который скрывал ее лицо и почти всю фигуру.

Святополка и принцессу Марию поставили рядом, и она подала ему руку. Взяв руку Марии, Святополк почувствовал, что ее ладонь была влажная и горячая, как огонь, и едва заметно подрагивала, очевидно, Мария сильно волновалась.

Святополка вся эта процедура не столько волновала, сколько он чувствовал необычное неудобство.

Пока христианский священник читал полагающиеся в данном случае молитвы, Святополк краем глаза глядел на руку Марии. Ее пальцы были необыкновенно изящные: хрупкие и длинные. Запястье тонкое.

На Марии было надето тяжелое парадное платье с золотыми украшениями, и оно скрывало всю ее фигуру. Тем не менее по пальцам и запястью Святополк сделал вывод, что невеста не была слишком велика и толста.

Наконец, священник закончил монотонное чтение и объявил Святополка и Марию мужем и женой.

С Марии сняли покров и Святополк увидел, что перед ним девушка – почти подросток. Она была даже младше самого Святополка. У нее были светло-желтые, почти белые волосы, тонкие черты лица и большие глаза.

Святополк сначала никак не мог понять, какого они цвета, но, приглядевшись, сообразил, что они были с зеленоватым оттенком. И это придавала выражению глаз Марии дерзкий взгляд.

Таким образом, подозрения Святополка, что Мария некрасивая, не сбылись, и это его обрадовало.

Свадьба протекала скучно. Святополк и Мария, в парадных одеждах, как истуканы сидели во главе стола, а остальные пили вино и веселились. Поэтому когда окончились свадебные пиры, Святополк вздохнул с облегчением.

Из гостей на свадьбе присутствовал князь Борис, всегда сопровождавший отца, другие братья по разным причинам не приехали.

По окончании свадебных торжеств Борис зашел к Святополку. Некоторое время они поговорили о том, как прошла свадьба, затем Борис заметил:

– Отец отправил Ярослава княжить в Новгород. Мне кажется, что зря он это сделал. Новгород славится хитростью и коварством. Тяжело там усидеть.

– Да, Новгород богат, однако княжить там все равно что сидеть на острие меча, – осторожно согласился Святополк.

Говорить больше было не о чем, и Борис собрался уходить. Однако перед тем как выйти, он, заметно колебавшись, все-таки проронил:

– Люди из Новгорода говорят, что Ярослав говорит, что на стол в Киеве сядет он.

Святополк насторожился. Он сразу понял значение как бы невзначай произнесенных слов. Владимир еще был жив, но тайная борьба между братьями за его наследство уже приобретала открытые формы.

Борис ждал его ответа, и Святополк ответил в привычной уклончивой манере:

– Однако в роду есть и старше его. До него очередь нескоро дойдет.

Борис вздохнул и перекрестился:

– Все мы смертны.

После ухода Бориса Святополк долго думал над словами Бориса. В его сердце холодной змеей шевелилась тревога. Он понимал, почему Борис сообщил ему о планах младшего брата. После смерти Владимира стол в Киеве по праву принадлежит Святополку. Но, несмотря на это, Владимир готовит на стол Бориса, приучает к нему дружину, чего и не скрывает. Но кроме Святополка есть и родные сыновья Владимира. К примеру, Борис и Глеб, самые старшие из его сыновей. Однако Святополк знал, что по характеру Борис и Глеб слишком смирны и дружны. Глеб вообще признает главенство Бориса. А поэтому эти двое вряд ли затеют кровавую междоусобицу. А вот Ярослав, который ненавидит Святополка, да и других братьев, способен. А потому он был опасен не только для Святополка, но и для Бориса и Глеба. Но в первую очередь для Святополка.

Заодно Святополк вспомнил и давнее предупреждение Глеба: братья-близнецы не считают его претендентом на киевский стол, и даже хотят его иметь в своих сторонниках.

Святополк едва заметно ухмыльнулся тонкими губами. Что ж, пусть считают. Но пока ему рано влезать в соперничество между братьями. То, что Владимир простит своим детям, то не простит пасынку. Поэтому лучше поберечь свою голову.

Глава 8

Темная пасть с огромными волчьими клыками проглатывала утомленное багровое солнце, последние лучи которого озаряли застывшие в воздухе загадочные волшебные замки. Баюны говорят, что в этих замках живут маленькие невесомые феи, которые в летнее полнолуние, когда цветет всемогущий цветок папоротник, опускаются на землю и на лесных полянах, скрытых от чужих глаз, при призрачном свете луны, водят светящиеся хороводы. Они говорят, счастлив будет тот, кто найдет волшебный цветок папоротник, – цветок откроет все земные клады. Но еще счастливее будет тот, кто сумеет поймать маленькую фею, – за свою свободу она выполнит любое желание.

Но все это ложь!

Несчастен будет тот, кто воспользуется кладами, открытыми цветком папоротника. И вдвойне несчастен будет тот, кто, изловив фею, отпустит ее, взамен потребовав свершения своих желаний. Ибо желания человека ничтожны, какие бы они ни были: и власть, и несметные богатства.

Только одно желание может принести счастье человеку – любовь женщины.

Но нельзя добиться любви от женщины силой. А фея – женщина, хотя бы и волшебная...

Поэтому лучше не искать цветка папоротника и не ловить фею, чтобы добиться от нее любви.

Мягко растворяются в синеве волшебные дворцы, и загорается первая звезда, как далекий пожар.

Больше всего в жизни Микула обожает спать на сеновале. Любит после долгого жаркого дня упасть в копну мягкого душистого сена. Здесь пахнет земляникой, душицей, мятой и еще каким-то медово-сладким запахом. А сверху, сквозь прорехи в соломенной крыше, в глубоком темно-синем, почти черном, небе загадочно подмигивают далекие огоньки. Они так далеки, что, рассматривая их, невольно проваливаешься в бездонную глубину ночного неба. И все забываешь, и только легкое сладко-мучительное томление в усталом теле напоминает, что ты еще жив и находишься в этом грешном мире.

Говорят, что звезды – это отражение душ людей. Одни горят поярче, другие едва заметные, так живут и люди – одни ярко, другие едва заметно. Но, пока светит звезда, и жив человек. Упдет звезда, и умрет человек. У каждого своя звезда. Где-то и его, и он хотел бы знать, большая она или маленькая, и крепко ли она держится на небе. Но боги мудры, и никто не знает, где и какая его звезда. Потому что страшно смотреть в небо и каждое мгновение бояться, что твоя звезда, держащаяся в небе на крохотных серебряных гвоздиках, вдруг упадет. Лучше ничего не знать. И когда с неба срывается и падает, оставляя за собой тонкий огненный след, звезда, думать, что это сторае душа человека, неизвестного тебе, а потому относиться к догорающей душе равнодушно, как к желтому листу, плывущему в осеннем холодном хрустальном воздухе. Лист немного полетает, поддерживаемый потоками воздуха, но в конце концов упадет на землю, где уже лежит множество листьев. И они будут наслаиваться слой за слоем. И видны будут только багровеющие в предсмертной красоте верхние листья, и если разворошить толстый слой упавших листьев, то можно увидеть, что нижние уже сгнили, и их с трудом можно отличить от земли. Потому что земля – это и есть тела людей, живших на ней.

Так было всегда... Так будет и дальше... И пусть будет так, как есть.

Над лесом прошелестел слабый ветерок, и сразу что-то оживленно зашептали деревья.

Осень скоро, и деревья шелестят не так, как весной или летом. Летом они лепечут мягко и ласково, как подрастающий ребенок. Осенью их шелест похож на предсмертный хрип. Потому что осень. И скоро зима, и все уснет... и всем пора спать... Завтра Векша поднимет чуть свет, –

жито созрело, надо поскорее его сжать... Вяло текут мысли в голове глубоко провалившегося в мягкое сено парнишки.

Его веки наливаются тяжелым свинцом и невольно опускаются, и он готов уже уснуть, как вдруг чувствует тихий, странный шорох снизу.

Сон моментально исчезает. Он переворачивается на бок и вглядывается в сторону, откуда доносится настороживший его шелест. Внизу темно, но все равно видно, как на сеновал, крадучись, поднимается белый силуэт. Это похоже на женскую фигуру. Но странно это, в избе должны все спать. Собака необычно молчит.

Сердце подростка обеспокоенно стукнуло. В лесу, где он живет, водится много странных существ.

Хвала богам, думает он, упыри в нашем лесу не замечались. Но старики рассказывали, что лесные русалки иногда похищают молодых парней. А мог это быть и домовый Дедко. Дедко хозяин в доме, и он не любит людей, которые нарушают старинные обычаи и непочтительны. В отместку за это он имеет привычку пугать и душить их во сне.

Микула вроде ничего не нарушал и всегда был почтителен к духам, однако... Не так давно киевский князь приказал всем жителям стать христианами, и все послушно крестились. И это могло не понравиться старому доможилу Дедко.

Рука парнишки помимо воли легла на лежащую рядом палку. В борьбе с нечистью палка вряд ли поможет, но смелости придает.

Тут же послышался тихий смех и девичий шепот:

– Микула, да ты никак испугался?

Микула облегченно выдохнул, теперь он догадался, что это была Одарка, дочь соседа.

В его голове еще были свежи воспоминания от летнего праздника Купалы. Парни и девки водили хороводы, возносили хвалу богине плодородия Макоши, прыгали через костры. А потом все разбрелись по роще. Что происходило потом, в памяти Микулы осталось как чудный сон, – призрачные белые тени среди деревьев. Странное, доводящее до безумия чувство. Погоня за белыми тенями.

В темноте трудно было разобраться, что это... Кто это... Но все-таки ту, что он поймал тогда... или она поймала его... он почти узнал – она была похожа на Одарку.

Одарка красивая. У нее длинные густые черные волосы, брови стрелами и горячие карие глаза.

Но была ли это она или кто другой, Микула так и не был уверен ни тогда, ни сейчас. Он много раз потом, встречаясь с девушкой, порывался расспросить ее о том, что происходило тогда, в ту волшебную ночь. Но каждый раз, глядя в ее непонимающее лицо, в ее смеющиеся глаза, он так и не решался задать беспокоивший его вопрос.

Да и, в сущности, ничего спрашивать не надо было, потому что все, что происходит в ночь Купалы, происходит не с людьми, а с их душами. А раз так, то нечего их тревожить попусту.

И вот Одарка опять зачем-то здесь.

– Ничего я не испугался! – хмуро проговорил вполголоса Микула. Он опасался разбудить спящих в избе. Пытаясь скрыть недавний испуг, Микула тут же поторопился задать вопрос, ответ на который, впрочем, и так ясен.

Отношения между мужчинами и женщинами не были тайной для деревенского паренька. В избе, где живет большая семья, трудно что-либо скрыть, и он не раз слышал по ночам сладострастные вздохи и виделдвигающиеся тени. Но одно дело догадываться о чем-то, и совсем другое дело самому испытать.

Любой парень легко догадается, зачем девушка приходит в полночь на сеновал, где он спит. Но Микула был еще слишком молод, и женщины казались ему странными и непонятными существами, при взгляде на которых отчего-то волнуется кровь. Он был еще очень молод, а потому растерялся и глупо спросил:

– Одарка, зачем ты пришла?

Одарка, с серебряным смехом, коварным зверьком лаской скользнула к нему ближе.

– Тихо, глупенький, нас могут услышать, – жарко шепчет она ему на ухо.

Она обняла Микулу. И Микулу точно обожгло, – у девушки очень горячее тело, как будто прикасаешься к огню. Всем своим телом Микула чувствовал, что на ней только тонкая рубашка... И упругое горячее тело...

Микула никогда раньше такого не испытывал, и от этого огненного ощущения к его голове прилила кровь, и гулко забеспокоилось сердце. Мелко задрожало тело, как будто на землю внезапно опустился мороз. Он не знал, что делать. А в его душе поднимается чувство непонятного страха и восторга. Он хочет обнять это горячее гибкое тело, и в то же время он не в силах пошевелиться, – ему ее присутствие приятно, так приятно и сладостно, что даже если бы в это время пришел конец света, он его все равно не заметил бы.

Микула крепко закрыл глаза и отдался течению событий. В любви разум лишний, тело само знает, что делать...

Пахнет травой и мятой... И еще чем-то странным, непонятным, но волнующим кровь до безумия... Как тогда... Текли обрывистые, как сгнившая веревка, мысли. Не успевают они начаться, как тут же рвутся. Такой веревкой не стоит крепить ценный груз, лучше ее сразу выкинуть.

Руки Микулы притянули горячее тело к себе, и он почувствовал, что его душа улетела куда-то ввысь, где находится рай, где находится вечное блаженство, где нет ни времени, ни пространства, ни холода, ни тепла, ни счастья, ни несчастья. И он забыл обо всем на свете.

Когда он пришел в себя, Одарки рядом уже не было. И был ли это сон, или было это на самом деле, он не знает...

Потом Микула лежал с открытыми глазами, смотрел на звезды в черном небе и думал, что он теперь знает, почему люди боятся ночи, ночью души покидают тела и отправляются туда, где осуществляются их мечты. Все люди рождаются и живут для того, чтобы идти к своей мечте. Но боги спрятали мечты людей слишком далеко. Душе несложно заблудиться. И потому человек боится, что однажды его душа не вернется в его тело... Но страхи ночи исчезают перед волнующими мгновениями любви. Человека радует наступление ночи, потому что вместе с ней приходит любовь. Любовь и смерть – подруги и по жизни идут рядом.

А еще Микула думал тяжело, по-мужички, что Одарка девушка крепкая и работающая, она будет хорошей хозяйкой, когда выйдет замуж и нарожает крепких мальчиков. Но он для нее слишком неподходящий муж: молод да и своего хозяйства нет.

Микула не родной сын Векши. Родители Микулы жили в соседях, и часть поля, которое сейчас засекает Векша, принадлежала им. Но несколько лет назад, во время поездки в Белгород на ярмарку, они исчезли без следа. Может, их загрыз лесной зверь, а может, злой печенег захватил в рабство, а может, их украло какое-либо лесное чудище, охотящееся за человеческими душами.

Микула спасся потому, что на время поездки родители оставили его на попечение жены Векши. Теперь он жил в семье Векши как родственник... Но Векша не обижал его.

Хрипло и устало, как будто всю ночь пропировал в шальной компании, откашлялся петух. По его сигналу шумно засопела проснувшаяся корова. Захрустела овсом и зачмокала мясистыми губами лошадь. Что-то проблеяли овцы и козы, переговариваясь на своем странном языке. И во дворе послышался сонный голос Векши. Он чем-то стукнул по дереву, закричал, послышались трубные звуки и тонкое журчание воды.

Пора вставать, подумал Микула и открыл глаза, и через прореху в крыше увидел, что солнце уже показало багрово-красный край над зубчатой стеной леса. Над лесом висел огромный длинный и черный змей, глядя на который невольно екает сердце. Думалось, то Змей-

Горыныч летит разорять Русские земли. Но это заблудившаяся в ночном небе тучка тает под горячими струями солнца.

Микула махнул рукавом рубахи по лицу и скатился вниз по скользкой от утренней росы лестнице. Внизу едва не сунулся носом в стену и огляделся. Во дворе было еще темно и холодно, по утрам холодный туманный воздух опускался на землю. От сырости все вокруг, как испариной на вспотевшем теле, покрылось мелкими росяными каплями, которые в утреннем сумраке темным бисером червоточили дерево и веяли морозным холодом.

Поежившись – полотняная рубаха не спасала от холода, – и дернув плечами в крупной дрожи, так что нудно заломило мышцы, Микула огляделся.

Под навесом тускло и тепло горела лучина. В ее свете Векша в лохматой овчине мехом вовнутрь, наброшенной поверх белой просторной рубахи, в полотняных портках и босой, подсыпал овса в ясли для лошади. Босые ноги от холода покраснели, и Векша, чуя, что пальцы отмерзают, мелко приплясывал, поругиваясь на себя. Поленился, старый черт, ноги в старые лапти воткнуть.

Лошадь, оголодавшая за ночь, нетерпеливо бодала его руку головой. С лошастью Векша разговаривал ласково, кормилица:

– Ну, ну, хорошая, не торопись. Накормлю я тебя, Ласточка. Дай мне подсыпать овса.

Векша коренастый мужик, но росту невысокого. Его лицо заросло тощей бородой какого-то пегого цвета. Когда борода вырастала слишком длинной, он обмахивал ее большими острыми овечьими ножницами, оттого она и торчала клочками.

Заметив Микулу, он недовольно пробурчал:

– А ты чего вскочил? Рано еще... Марфа еще не доила корову.

Векша тронул ладонью, к которой пристало несколько золотистых семечек овса, и его маленькие глазки ехидно прищурились:

– Али ночью русалки спать не давали? – задел он.

Микула почувствовал, как его лицо залилось жарким огнем, и забормотал негодующим голосом:

– Какие русалки? Спал я. Петух закричал, я и проснулся.

Глаза Векши совсем превратились в щелки, сквозь которые блестели едва заметные зрачки, и впалые щеки затряслись в беззвучном смехе. Он добродушно проговорил:

– Ну и крепко же ты дрыхнуть. А я бы русалку мимо не упустил, особенно если она сама влезла ко мне на сеновал.

Микула догадался, что Векша как-то узнал о ночной гостье, и ругнулся про себя:

– Во, глазастый черт! Все замечает. Теперь от его зубоскальства не спасешься».

Тут же он сообразил, что Векша все же не знает, кто приходил к Микуле, но если Одарка проболтается о своей ночной вылазке, то будет обоим плохо. Одарке – даже хуже, девке не положено шляться по ночам по сеновалам, где парни спят. Но ведь известно, что женщины болтают не от ума, и рот им не зашьешь. Хозяйки они... И не только языка.

Да и Векше о том, что он видел, не следовало бы болтать при людях.

За разговором Микула и не заметил, как его перестала бить крупная дрожь, – вроде даже потеплело, показалось ему, – и опасаясь, что Векша в своих рассуждениях доболтается до истины, Микула попытался увести разговор от опасной темы.

Он придал лицу озабоченное выражение и проговорил:

– Сегодня будет сухо. Надо бы на поле поторопиться. Там еще много убирать.

Векша перестал шуриться. Ночь прошла, а с ней и сладкие сны. Теперь пора браться за дело. Год оказался удачным: дожди выпали, когда нужно, а в нужный момент наступило тепло. Теперь надо поторопиться сжать поле, чтобы жито не осыпалось под осенними дождями.

– Микула, пока я запрягаю лошадь, сложи в телегу серпы, вилы и все, что еще нужно, – хозяйственно распорядился Векша и мотнул головой в сторону избы. – Марфа уже встала. Сейчас подоит корову и поедем на поле.

Распорядившись, Векша поскакал в избу, как молоденький козел, высоко поднимая замерзшие ноги.

Микула быстро покидал в телегу нужные орудия. Их искать не надо было, – все висело рядом на стене на толстых деревянных гвоздях, вбитых в бревна, либо было заткнуто под соломенную стреху.

Когда он закончил работу, небо на восходе зарозовело. Послышалось шипение черной птичьей стаи, с утренним дозором облетающих лес, поле и дорогу. Это были вороны, сбившиеся в одну стаю.

Микула неожиданно громко тукнул на ворон и поспешил в избыное тепло, пахнущее полынной горечью и тяжелым людским духом.

Глава 9

За славным городом Киевом кончался бескрайний лес, покрывающий темно-зеленым одеялом огромную Русскую землю, на которой жили разные люди, называвшие себя по-разному: древляне, туровцы, кривичи, радимичи, вятичи, ятвяги и другие. Но пока никто на этой земле еще не называет себя русским.

Русская земля окружена многими опасностями. С востока ее терзают варвары-кочевники, с запада другие варвары: поляки, тевтоны, чехи. С юга – цивилизованные греки. Но варвары ли они, «цивилизованные» ли, но все они желают разорения Русской земли. Лишь с севера нет опасности, там льды и ночь.

Сказители-кошунники бают, что после того как сыновья бога неба Урана разделили его царство, по жребию местность у океана, где находилась самая высокая гора, получил Атлант. В те времена там было тепло, и растения и животные плодились в изобилии. Тогда были счастливые времена, и люди не ведали ни бед, ни холода, ни голода. И Атлант учил людей различным наукам, земледелию, врачеванию и астрономии. И были у них искусства.

Но для чего земным существам наука о далеких звездах? Они не знали, так как смотрели в землю. Но пришло время, и вечное зло напало на Атлантиду. Была большая битва, где боги метали друг в друга звездами, и поглотил бесконечный Океан счастливую землю. И не осталось от нее и следа, а те, кто остались живы, ушли в другие места. И остались от них потомки, рассеявшиеся по Русской земле. И зло правит на земле.

Но радуют сказители-волхвы, – счастливая земля цела, и вход находится рядом с нами, но только путь в нее закрыт колдовскими заклятиями. И живут там только умершие души, подобные туману. Живому нет туда пути. Но настанет время, и придет богатырь, который разрушит черные чары. И зло падет. И заклятия спадут и откроется путь в потерянную землю. И тогда умершие вернут себе земной облик, и воссоединятся родители и дети, и любящие друг друга. И настанет блаженное время, как прежде. И это блаженство будет продолжаться вечно...

С юга, где в степи по берегам Днепра бродят отряды диких кочевников, Киев оградился Белгородским городком.

Через Белгород тянется широкий шлях. Земля на дороге колесами повозок разбита в пыль. Пыль теплая и мягкая, как лебединый пух. С обеих сторон дорогу ограждает стена дремучего леса.

Проезжие и прохожие опасливо посматривают на лес. Хотя лес и кажется пустынным, но из его черноты чувствуются внимательные взгляды невидимых глаз.

В лесу живет множество опасных существ: и зверей, и разной лесной нечисти – леших, кикимор и прочих. Звери нападают на отставших людей и убивают их. Лесная нечисть околдовывает и сосет кровь и мозг или забирает в вечное рабство. Это уж как кому нравится.

Но в лесу опаснее всех человек. Звери и нечисть убивают, когда голодны. Человек же убивает из развлечения.

Поэтому, перед тем как войти в лес, путники вешают на сучья старого ветвистого дуба, раскинувшегося там, где кончается поле и начинается лес, разноцветные тряпочки в дар лесным духам, чтобы те, в случае чего, оборонили от беды.

Но лес не такой уж и дикий, как кажется со стороны, – чуть в стороне от шляха, на огромной поляне за деревьями виднеется золотистое поле спелой ржи. На поле виднеются запыленные пятна людей, режущих серпами рожь и связывающих пучки в снопы.

О том, кто построил первую хижину в этом диком месте, сельчане говорили смутно. По их словам, давным-давно здесь проходил сын Ноя Мунт, которому досталась северная сторона. Устав от жары и жажды, Мунт последовал за оленем в поисках воды и прохлады. Под старой плакучей ивой он обнаружил источник невероятно сладкой воды. Отдохнув, он назвал

это место «Головка» и заложил здесь селение. Ныне живущие здесь селяне считают это место святым, и среди них бродит тайный слух, что где-то в этих местах и скрыт вход в блаженную землю Атлантиду.

Векша стоит среди высокого, ошетилившегося до колен золотыми иглами жнивья и обеспокоенно окидывает взглядом поле. Снулое, как старый медный таз, осеннее солнце припекает из последних сил по-летнему. Разжарившийся Векша распахнул дырявый посеревший от времени зипун и подставляет тощую бородашку тянущему со стороны далеких мазурских болот прохладному сквозняку. Бородашка шевелится степным седым ковылем. Поостеречься надо бы Векше, осенний мазурский сквозняк гнилой, несет с собой лихоманку. Тощее лицо Векши озабочено, некогда ему.

Микула догадывается, что он прикидывает, что даже после того, как он отдаст положенную часть урожая князю, у него останется достаточно, чтобы пережить зиму, и даже сделать хороший запас на следующий год. Надо только его припрятать как следует от алчных княжеских глаз, – в лесу хватает места для сгнонов, – и тогда голод, который долгое время нависал над Векшиной семьей, забудется, во дворе станет весело, и не будут умирать малые дети – будущее семьи.

От мыслей о предстоящем запасе на душе Векши становится радостно, и в его куцей бородашке блуждает невольная краснотелая улыбка. Но, боясь спугнуть удачу, он, поглаживая бороду, поспешно стирает заскорузлой ладонью улыбку и строго кричит на горбатящихся женщин, склонившихся над рваной полосой несжатой коричневой ржи:

– Ну-ка, бабы, пошевеливайтесь, день уж клонится к закату, а у нас еще и половина поля не сжата! Торопитесь, бабы, – задорно кричит Векша, – торопитесь, уберем урожай и будут вам в лютый холод, когда даже нос страшно высунуть за дверь, толстые лепешки с медом. Будете в сытости льняное полотно ткать, шерстяную пряжу сучить и славить богиню плодородия Макошь.

Сгорбленные женщины, предчувствуя зимние утехы, радостно смеются и еще торопливее машут серпами, грозя отрезать себе пальцы, они срезают сухие стебли, вяжут стебли в пучки и бросают их за спину. Бросают не глядя, куда они падают. Там малые дети при деле, – тут же подхватывают снопы и отгаскивают на телегу. Все при своем деле. Все, как в муравейнике.

Микула, как взрослый муж, помогает Векше складывать снопы в воз. Но он еще не так силен, чтобы бросать на верх воза охапки снопов. Векша, скинув серую свитку на колесо и обнажив тощее, жилистое, как у старой лошади, тело, с неожиданной силой швыряет снопы наверх сам. Микула на возу, утонув по пояс в соломе, только ловко ловит снопы и укладывает ровным порядком вокруг себя.

Они торопятся, чтобы поспеть за женщинами. И как только воз заполняется огромным горбом, Векша перетягивает груз пеньковой веревкой и гонит в деревню, – несколько изб, огороженных частоколом поверх земляного вала. Здесь он сваливает снопы в своем дворе на ровную, закаленную горячим солнцем, до каменной твердости, площадку. На этой площадке сжатое жито досохнет.

Конечно, лучше было бы оставить рожь в снопах на поле, здесь и ветерок обдует, и солнце жарче. Но оставлять на поле сжатый урожай неразумно, в лесу слишком много жаждущих чужого добра. Но больше всего – от завидующих боярских глаз следует держаться подальше.

К вечеру почти все поле сжато, и у Векши радостно дрожит сердце. Удалось убрать все, теперь остается только подсушить, обмолотить и спрятать зерно в тайники. Но все это можно будет сделать позже.

И уже Векша укладывает на телегу верхние снопы, как замечает бредущего по дороге мимо поля человека в черной одежде.

По дороге ходят разные люди. Но добрые люди в черной одежде не ходят. Поэтому Векша делает вид, что не замечает путника.

Зато черный путник заметил работающих на поле людей, сошел с дороги и направился к ним. Приблизившись, он, видя, что на него не обращают внимания, некоторое время стоял в стороне и смотрел на работающих людей, затем размашисто перекрестился и громко проговорил:

– Бог в помощь вам, люди!

Векша отметил, что на местном наречии черный человек говорил не очень уверенно, и сделал вывод, что это грек и христианский монах. После того как Владимир объявил всех христианами, их стало много ходить по земле Русской.

Векша недовольно покосился на грека и поморщился. Думает зло. Эти бездельники шатаются по земле и требуют себе все, что им ни попадется на глаза, толку от них никакого. А у местных людей свои боги: Род, прародитель богов, творец мира; Белобог, бог добра, плодородия; Велес – бог скота, мудрости, соперник Перуна; Ярило – бог весны, пробуждающейся природы, любви; Сварог – бог неба, солнца и огня; Дажьбог – бог плодородия и солнечного света, живительной силы; Лада – богиня любви и брака. Главный над ними Перун – бог грозы. Понятные боги и близкие. Векша недавно молился им, и он знает в дремучем лесу тайное место, где стоят кумиры. Еще недавно и князь Владимир молился старым богам. Но поругался он с княгиней, больше смахивающей по облику на греческую монахиню, и, чтобы помириться с ней, откинул чудной номер: напившись до одури, с помощью дружинников-христиан загнал в холодные воды Днепра жителей Киева и объявил всех жителей христианами.

Зло глядя на монаха исподлобья, Векша тоже старательно обмахнул себя крестообразным широким движением. Он старался, потому что хорошо помнил, что Владимир велел всех, кто не крестится по-христиански, топить в реках, а если реки близко нет, то рубить головы. Если не перекрестится, монах обязательно доложит князю, поэтому лучше не поленился и помахать рукой. Хуже от этого не будет.

Монах смахивал на высохшую жердь и был почти на голову выше Векши. Черная одежда висела на нем, как на колу. На его голову накинута колпак, из-под которого, как лисий нос, торчит хищный горбатый нос. Борода на его подбородке кучерявится проволоочно-черным каракулем, как у бабы на неприличном месте.

В одной руке он держит покрытый трещинами и грязью посох из вишневой ветки. За его спиной на тонких тесемках горбом торчит тощий полотняный мешок.

Заметив старание оборванного и покрытого грязью дикаря, монах скинул капюшон и открыл лысую, как бесплодный солонец, голову.

Закинув нос вверх, так что стал похож на ворона, готовящегося клонуть мертвеца в глаза, монах презрительно кивнул головой.

– Спаси тебя Бог! – пропел гнусаво и ткнул в нос аборигену руку для поцелуя.

– И тебя спаси, – ответил Векша, сделавший вид, что не понял движения монаха, – руку целуют только князю, – и сердито отвернулся в сторону баб и детей, которые продолжали работать, не догадываясь перекреститься.

Монах отвел руку и обдал спину Векши презрительным холодом.

Заметив это, Микула, закопанный по пояс в снопах, также поторопился обмахнуться крестом. Он видел, что монах непомерно горделив и заносчив и непременно желчь свою изольет на голову хозяина, чем обозлит его. А в ожесточении Векша не сдержан на руку и может запросто перепоясать кнутом.

Женщины, наконец, тоже заметили монаха, бросили работу и теперь стояли, широко открыв рты.

«Хлестнуть бы их кнутом по гладким задкам, чтобы не бездельничали...» – мелькнула в голове Векши разумная мысль.

Монах же перекрестил поле и всех находящихся на нем. Те замельтешили крестами. После этого монах, довольный произведенным эффектом, присел на колесо телеги.

Женщины, придерживая подола, сбежались к телеге и кучкой, как перепуганные куропатки, стали ждать, что скажет монах.

Монах намекнул ладанным голоском:

– Жарко. Водички бы...

Жена Векши Марфа, широкая в плечах и высокая, с лицом, как круглый, только что испеченный блин, тут же, по-молодому мелькая грузными пятками, угодливо сносила в шалаш на краю поля, где прятала свои запасы и воду, и притащила монаху сухую тыкву с водой.

Векша недовольно нахмурился. Слишком раболепно мечется Марфа. Но бабам новая вера нравится, и они в ней чрезмерно усердны. И это не нравится мужу, всю жизнь молившемуся своим богам.

Микула не раз замечал, что Векша, когда его никто не слышит из чужих, насмехается – бабы ходят в церковь не столько молиться новому богу, сколько поболтать между собой.

Монах запрокинул голову под тыквой, и на его горле змеей заходил треугольный острый кадык. Он держал тыкву над красными толстыми губами, не прикасаясь к ней. Вода из тыквы выливалась чистой прозрачной струей, клокотала и исчезала в глотке, как в черной пасти ненасытной Харибды.

Вскоре струя прервалась, и последние капли, как горькие сиротские слезы, исчезли внутри монаха.

Монах небрежно уронил тыкву на затвердевшую землю.

– Вода хороша, – признался он, – необыкновенно хороша. Нигде такой не пивал.

Марфа, расплывшись в радостной улыбке, как жидкое тесто по горячей сковороде, зашкворчала, хвастаясь:

– Нигде такой воды нет. Наша вода самая лучшая на свете!

Монах невинное хвастовство женщины пропустил мимо ушей. Вытерев засаленным рукавом замочившийся кучерявый подбородок, с намеком заметил:

– Но водой сыт не будешь...

Через мгновение стараниями простодушной бабы в одной руке монаха находился огромный ломоть хлеба, в другой кувшин с молоком.

Векша, сделав вид, что поправляет снопы, скрылся за возом и незаметно сплюнул – пропал ужин. Марфа сдуру отдала последнее.

Бабы почтительно смотрели, как монах, сидя в тени телеги, пил молоко прямо из кувшина. Солнце клонилось к закату, надо было торопиться доделать работу, от которой зависела будущая жизнь, но никто не смел тревожить монаха. А монаху было все равно, доживут ли эти варвары до следующего лета или умрут. Он думал над тем, что неплохо было бы заложить в этих диких, но красивых местах монастырь.

Впрочем, думал он, народу в этой окраине водится очень мало, и монахам тяжело было бы выжить без подношений со стороны. Поэтому лучше идти дальше, где говорят, лежит страна богатых городов.

Доев хлеб и выпив молоко, монах довольно рыгнул, отставил, не глядя, в сторону пустой кувшин, где его перехватила Марфа. Поднявшись, трижды старательно перекрестился и бросил строгий взгляд на детей Векши.

– А чада-то в молитвах неисправны, – недовольно изрек он, припомнив их медлительность.

Даже сквозь бурый загар на лице Векши стало заметно, что он перепугался и побледнел.

– Ну что ты, что ты! – зачастил он, мелко крестясь трясущимися пальцами. – Исправны, просто еще глупые.

Монах, довольный, что испугал смерда, назидательно проговорил:

– Чад надо воспитывать, сечь розгами. И почаще. – Он поднял палец: – А ты знаешь, какое испытание предстоит тебе скоро?

Векша совсем обмер и присел от страха.

– Какое? Неужели печенег?

– Глупый смерд! – раздраженно бросил монах. – Знай, скоро наступит конец света. Наступает тысячелетие после рождения Христа. Придет антихрист, мор. С неба будут литься огненные реки, болезни.

Векша побелел от страха, бороденка затряслась осиновым листом. Бабы тихонько испуганно завывали. Марфин блин сжался и потемнел.

Один Микула не испугался. Он знал, что монах заученно повторял слово в слово, что написано в Библии. Все это Микула много раз читал в греческой Библии.

Микула едва заметно улыбнулся и тут же постарался погасить улыбку под широкой ладонью. Нельзя, чтобы его улыбку заметил монах, если конец света еще неизвестно, будет или нет, то порку смешливому отроку он может устроить запросто.

В непокорную голову Микулы пришла греховная мысль. Христиане на словах проповедуют смирение и прощение, однако в жизни, чтобы вбить свое учение, не брезгают ни палкой, ни розгой, а многих уже утопили в воде.

– Трепещите, варвары! – заорал в заключение монах, тряся вороньим носом. Наконец, убедившись, что перепугал жителей этого дикого места до полусмерти, властно распорядился: – Хозяйка, мне еще далеко идти, дай мне хлеба, мяса и меда.

Марфа с переполоху бездумно, с выкаченными шарами побелевших глаз, метнулась было к шалашу к своим припасам, но тут же опомнилась, вернулась и виновато развела руками:

– Смилуйся, но мы все отдали, что имели. А мед будет позже. Еще не время его собирать, а прошлогодний закончился.

На лице монаха появилось разочарование. От злобы дернулась щека. Монах хотел выругаться, но сдержался, лишь красные толстые губы мелко затряслись, неразборчиво изливая поток непонятных греческих слов. Он встал и, сильно втыкая в землю вишневый посох, как будто желая ее проткнуть насквозь, пошел прочь. Правда, уже отойдя на приличное расстояние, все-таки громко крикнул:

– За жадность будет вам горе!

Векша, который уже пришел в себя, опять злобно сплюнул. Проклятый грек, надо же, перепугал до полусмерти! Но ничего, схожу, Перуну принесу дары, глядишь все и обойдется.

Микула, знавший греческий язык и потому понимавший, что говорил монах, неосторожно сердито заметил:

– Надо было палкой поколотить монаха, больше было бы пользы.

Векша вонзил в него разъяренный взгляд и пообещал:

– Будешь болтать, так тебе достанется палок.

Микула хотел что-то возразить, но Векша, для того чтобы ему можно было безнаказанно перечить, был слишком рассержен, и потому юноша благоразумно метнулся за телегу и ухватился за вилы.

Ярина, старшая дочка Векши, заметив, что произошло, прыснула в уголок платка. Ей четырнадцать годков. Она пошла не в отца и не в мать: высока, стройна, как молодая березка. Несмотря на малый возраст, груди за пазухой округлились, как большие спелые яблоки. Лицо приятное, овальное. Темные тонкие брови – вразлет. Розовые губы пухлые и сочные. На спине, из-под туго обмотанной белой косынки, пробивается как ручей молочно-белая коса в руку толщиной. У отца и матери глаза круглые, карие, собачьи, у Ярины – синие, как чистое небо. Отличалась она и от других детей Векши, низких и коренастых, как перезрелые грибы сморчки, только с собачьими глазами, – все как один в отца.

Смотря на столь необыкновенную дочь, Векша, подозревая, что она от проезжего доброго молодца, не раз допытывался у жены, кто же истинный отец этой девки. Марфа клялась, что у всех ее детей один отец.

Однако женские клятвы не стоят произнесенных слов...

Микула показал Ярине кулак и пригрозил:

– Ярка, не смейся, тумачков от меня получишь.

Ярина опять прыснула, прижав к губам молочную косу и лукаво стреляя синими озерками-глазами. Она Микулу не боится, знает, что он ее любит, а потому не только сам пальцем не тронет, но и другим не позволит. Еще пару дней назад он крепко отколотил соседского мальчишку за то, что тот из озорства дернул ее за косу. Они с Микулой как брат и сестра, только настоящие, родные. И она чувствует себя рядом с ним, как за прочной стеной.

Глава 10

Поругиваясь, Векша принялся за работу, но скоро опять остановился, – на дороге за редкими деревьями появился конь. Холодное осеннее солнце, пасшее в зените холодного сапфирового неба редких ослепительно белых овец-облаков, сияло нестерпимо ярко. Страшась холодного сияния могущественного небесного короля, пушистые облачка стремительно убежали куда-то вдаль, где таилась ночная темнота, как будто в этой тьме было их спасение. Но там их поджидало огромное чудовище, которое глотало слабых белых овец. Пожирая очередное нежно-белое облачко, оно с каждой минутой темнело, наливаясь отечно-фиолетовой злобой и грозя обрушить ее всей мощью на землю, покрывающуюся осенним пестрым ковром.

Скоро, скоро придет время, и это темное чудовище – посланец зимы, – проглотит само солнце и овладеет всем небом, и обрушит на землю холодные морозящие дожди, а когда все затаится в страхе, покроет землю: и леса, и поля, и редкие дома, белым саваном; а реки, весело струившиеся в зеленых берегах, скует толстой ледяной броней. И так пройдет много времени. Но придет время, и небесные воины прорубят окна в черной силе, а затем и испарят ее, и снова будет тепло светить солнце. И исчезнет белый саван, и начнется на земле возрождение. И так на земле заведено испокон веку – жизнь и смерть идут рядом, и жизнь побеждает. Но будет ли так всегда? Это человек не может знать, ибо истину знает только Бог.

Векша расправился во весь рост на телеге – под солнцем казалось, он даже поднялся над землей, как былинный Святогор, – и, опираясь одной рукой на вилы, воткнутые в снопы, сложенные на телеге, попытался рассмотреть всадника прищуренными глазами из-под согнутой козырьком черной ладони.

Он хорошо видел лошадь. Но всадник на коне был почти незаметен, так как был очень мал. И оба они, всадник и конь, были серыми от пыли, как будто их специально валяли по проезжей дороге, и оттого их было трудно рассмотреть.

Векша ощерил из бороденки желтые клыки:

– Собака, что ли, сидит на коне?

Микула, застывший рядом с Векшей, помог, разглядев молодыми глазами:

– Чай, мальчонка на коне сидит.

Векша обеспокоенно хлопнул по бедрам:

– Да неужто лошадь понесла? Чьи же это?

Заминка в работе мужчин привлекла внимание бабьего пола, и одна из многочисленных младших дочек Векши, без спроса – ей надоело потеть на поле, – метнулась, как ежик-колобок, к всаднику и вскоре вернулась назад.

– Там мальчонка совсем малой. Чужой, – задыхаясь от бега, выпалила она то, что увидела.

Векша осуждающе пошевелил жидкой бороденкой:

– Чужой, говоришь? Однако же далече его занесло. Как бы коня невзначай не запалил...

Девчонка, отдышавшись, вытерла грязным подолом сопли и добавила:

– У него на палке красная тряпка!

Векша сразу посерел, как потертое полотно. Он уронил из рук вилы, которыми только что навалил на телегу пару снопов сразу, и, заикаясь и обливаясь потом, заругался:

– Ох баба-дура, с этого и надо было начинать.

Девчонка часто замигала карими бисеринами-глазами. На грязные щеки брызнули, как летний неожиданный ливень, капли, смыли пыль, под которой обнаружилась розовая, как у спелого налитого яблока, нежная кожица. Одной рукой девчонка начала тереть глаза, другой потянулась за подолом. Но прежде она надрывно всхлипнула.

– Ох горе с этими девками! – тяжело вздохнул Векша и спрыгнул с телеги на землю. На земле он спотыкнулся, но мазнув пыль рукой, удержался на ногах. Выровнявшись, он прижал к себе дочку и невесело пробормотал:

– Красная тряпка нехороший знак, значит, идут печенегии...

Дочка, которой было меньше лет, чем прошло с последнего набега печенегов, не понимая ужаса случившегося, но чувствуя врожденной бабьей интуицией, что в словах отца скрыта какая-то невероятная угроза, сначала шумно засопела, а затем тихо завывала.

Сделав этот вывод, Векша зло, от всей души, выругался. Все-таки сглазила проклятая черная крыса!

На всякий случай он тут же перекрестился. Ему пришла в голову мысль, что, наверно, и в самом деле нельзя ругать божьих людей, как бы они ни были нехороши на первый взгляд. Плоть грешна, свят дух. Может, и в самом деле этот жадный и нахальный монах был пророком.

Впрочем, нашествие печенегов дело для этих мест неудивительное. Почти не бывает года, чтобы они не ходили на города русские. И обычно Векша со своей семьей – женой и десятью детьми, – уходил в Белгород. И жил там, пока печенегии не уходили в свои степи. Приятного в этом деле было мало – во время осады обычно голодно, – но зимой и дома не трескались от жира.

Но в этот раз печенегии выбрали для набега совсем неудачное время: старые запасы подошли к концу, а новое жито, пока его не обмолотили и оно находится в снопах, не спрячешь и в запас с собой не унесешь. Поэтому придется снопы оставлять в деревне в овине. А это плохо. Печенегии имеют обыкновение баловаться огнем, – так что то, что не потравят конями и скотом, сгорит. А зимой в лесу без запаса верная смерть.

Векша опять тяжело вздохнул и, вороша темные волосики на голове дочки, нежные, как весенняя трава, проговорил:

– Не плачь Нютка, авось все и обойдется.

Микула понял его печаль – еще бы пару дней, и зерно было бы обмолочено и спрятано в лесные схроны. И тогда можно было бы от печенегов спрятаться в лесных дебрях. Но уходить в лес без запаса – это верная гибель.

Векша в раздумье опустил голову и бормотал, как пьяный:

– Придется уходить в Белгород. В Белгороде будет голодно... Ой как голодно...

Векша вспомнил, какие страдания ему пришлось пережить в прошлый набег печенегов. Тогда от голода умерла половина его детей. Векше стало жалко прижавшуюся к нему дочку, и у него у самого на глазах проступили крупные, как утренняя роса, слезинки.

Ах, если бы эти слезы, как в сказках говорят, и в самом деле превращались в драгоценные камни. И не было бы дороже тех бриллиантов...

От нахлынувшей к сердцу тоски Векше захотелось взвыть, подобно голодному волку морозной зимней ночью, когда нет уж сил терпеть холод и голод, но вся зима еще впереди, и нет никакого просвета. И только холодная луна, заслонившая полнеба над заснеженным лесом, среди искрящихся звезд, манит призрачным светом в мрачное царство богини Морены. И чудится тихий плач провожающих в последний путь умершие души богинь Карны и Жели, с обещанием счастья в той, в будущей, жизни. Но лгут они, не даст уродливая костлявая Морена, богиня зимы и смерти, никакого счастья...

От тяжелых мыслей Векша очнулся, почувствовав, как его кто-то тронул за плечо. Подняв голову, он увидел замерших вокруг детей. Увидев, что отец бросил работу и рядом с ним рыдает маленькая Нютка, остальные также оставили работу и поспешили к нему. Но пока Векша застыл, погруженный в видения пережитых и предстоящих страданий, они боялись его тронуть.

На это осмелился лишь Микула, единственный среди них мужчина. Он слез с телеги и осторожно спросил Векшу:

– Так что будем делать?

Векша сразу не ответил. Глядя куда-то сквозь Микулу, он еще некоторое время размышлял, шевеля губами.

Затем обвел жену и детей тоскливым взглядом смертника перед виселицей.

Микула мысли на его лице читал, как будто они были написаны аршинными буквами. А мысли его были понятны, – печенеги до наступления зимы уйдут, – кочевникам не с руки бродить по большому снегу. Но останутся ли живы те, кто сейчас с надеждой смотрит на него? В Белгороде без своих запасов будет голодно.

Наконец, Векша в очередной раз тяжело вздохнул и решительно, – сейчас не было времени рассуждать, так как печенеги могли нагрянуть в любой момент, – изрек:

– Пойдем в Белгород.

Микула, у которого сохранились после прошлого набега печенегов не очень приятные воспоминания о сидении в Белгороде, обеспокоенно спросил:

– А жито?

– Придется оставить, – неохотно вымолвил Векша.

Услышав это, бабы тихо взвыли.

– Без жита зиму не переживем, – хмуро напомнил очевидное Микула, рассматривая лапоть на ноге, – лапоть размочалился в носке. Микула подумал, что, когда кончится работа в поле, надо будет взять из запасов другие лапти, он еще зимой сделал себе хороший запас лаптей. Мысль была странная, из прежней жизни, когда были планы на сытную жизнь, но вороной стаей пришли новые времена, в которых слово «завтра» лучше и не упоминать, так как этого завтра скорее всего не будет.

– Даже если и выживем в Белгороде, то без жита мы передохнем еще до начала зимы, – хрипло сказал Микула.

– Голодно будет, – нехотя подтвердил Векша, дрожащими корявыми пальцами гладивший голову примолкшей Нютки. – Возьмем в долг у боярина Блуда, – высказал он последнюю надежду.

– Боярин за долг в рабство возьмет, – сказал Микула, – продаст грекам.

– А что делать? – пожал плечами Векша. – Хоть живы останемся. А если останемся здесь, то печенеги точно убьют.

– Я в Белгород точно не пойду, – категорически возразил Микула. – Останусь около деревни в лесу, буду жито сторожить. Может, и сам выживу и что-либо спасу. Да и в Белгороде едоком будет меньше.

– Ладно, – равнодушно согласился Векша, которому уже было почти все равно, что случится дальше с ним и его детьми. Он отдался течению судьбы, – как Бог сложит, так пусть и будет. Умрут они, значит, так предопределено свыше.

Векша отстранил от себя голову Нютки.

– Марфа, займись детьми.

Марфа схватила ребенка на руки, и во главе бледной кучкой, как одинокая перепелка с выводком, побрела в сторону деревни, часто озираясь на несжатую полосу золотой ржи. В глубине ее души билось инстинктивное желание доделать работу. Эта работа прочила ее детям благополучное выживание. Но рассудочная мысль говорила ей, что все, что она желает доделать, и даже то, что она сделала, больше не имеет никакого значения перед той опасностью, которая пока невидима и неслышима, но вестником которой послужил проехавший мимо измученный мальчишка с лоскутом кроваво-красной ткани в тонкой руке. Родители этого нечаянного вестника беды и все те, кого он знал, скорее всего уже умерли под кривыми мечами пришельцев. И его сестер давно распинают прямо в придорожной пыли потные, пахнущие конским потом и навозом, чужие мужчины, которые ликующе смотрят на корчащихся под ними девочек, которые могли когда-либо в будущем родить тех, кто придет в стойбища

кочевников и отберет их стада и уничтожит их семья. В этом мире имел право на жизнь только самый сильный, коварный и безжалостный. И потому воины чужого племени, нежно любящие своих дочерей, радовались страданиям чужих.

Векша не желал, чтобы Микула оставался в лесу пережидать нашествие чужаков. В той, прежней, жизни, которая окончилась совсем недавно, у него были большие замыслы в отношении этого паренька. И они определялись тем несчастьем, что у Векши было восемь девок. А по старинной традиции жена уходит к мужу. И с кем останется Векша в старости, когда отдаст всех дочерей замуж? Кому передаст поле? Кто будет кормить его, когда иссякнут силы? К тому же часть поля, которое он засекает, принадлежало родителям Микулы. А потому, когда Микула уйдет на самостоятельные хлеба, то ему надо будет отдать родовое поле. Это нехорошо для большой семьи Векши.

Но Векша знает, что Микула крепко сдружился с Яриной, и он надеялся, что когда они подрастут, то женятся, и тогда в большой семье Векши все будет хорошо.

Если же Микула сгинет в лесу, то все планы Векши рухнут. Но и запретить парню остаться в лесу он не мог, – в Белгороде будет голодно. Неопытный юноша, ослабевший от голода, должен будет встать на защиту города наравне со взрослыми мужчинами. И в этой драке, где никто никого не будет жалеть и никто не будет делать скидок на возраст, шансы уцелеть юноше ничтожны. Поэтому, может, будет даже лучше, если Микула пересидит нашествие в лесу. По крайней мере с голоду он не умрет, Микула уже не раз уходил в лес на охоту на несколько дней. Правда, это было летом, когда в лесу и ягод, и дичи много, а лесные хищники сыты и не так свирепы.

Векша подумал, что надо чем-то помочь Микуле. Проводив Марфу и ее детей долгим взглядом, Векша проговорил:

– Делай, как знаешь. Возьми мой лук и меч. Мне в Белгороде все равно дадут оружие.

После этого они сели в телегу и поехали в сторону деревни. Около деревни они нагнали Марфу с детьми, которая гортанно прикрикивала на них, как заботливая гусыня.

Векша обогнал Марфину стайку, а Микула спрыгнул с телеги на ходу, он увидел, что сзади, в нескольких десятках шагов, одинокой березкой брела Ярина.

Микула подождал ее. Подойдя к нему, Ярина остановилась.

– Что делать будем? – тревожно проговорила она, развязывая тугой платок.

– Я останусь здесь, – сказал Микула и положил руку на ее плечо. Плечо было теплое, хрупкое и тонкое. Микула почувствовал под своей рукой, что она едва заметно дрожит. Микула привлек ее к себе, и Ярина прижалась к нему горячим телом. Около его лица оказались светлые волосы девушки, они пахли медом и хмелем. Ярина была так беззащитна, что Микуле хотелось держать ее в своих объятиях и никогда не отпускать, даже если их объятия продолжатся вечно.

Ярина подняла голову и взглянула синими озерами-глазами в его глаза. В уголочке синих озер блестели крошечные бриллиантики слезинок.

– И как же ты будешь здесь один? – прошептала она.

У Микулы пока не было четкого представления, что он будет делать, когда останется один, и это его пугало. Но боясь, что Ярина заметит его испуг, Микула начал рассказывать подчеркнуто бодро, что нет в этом ничего страшного и что он множество раз ночевал в лесу и ни разу ничего с ним не случилось. Рассказывая, он увлекся и начал фантазировать. Его увлекательный рассказ неизбежно закончился тем, что Ярина начала уговаривать его, чтобы он взял ее с собой.

Тут Микула пришел в себя. Одно дело самому бродить по лесу и прятаться в кустах, и совсем другое дело взять на себя ответственность за жизнь человека, которого ты любишь. Он тут же начал отговаривать ее, нелогично говоря совсем противоположное тому, что говорил секунду назад. Теперь он говорил, что в лесу будет холодно и голодно и что ему придется

прятаться от печенегов, у которых к тому же имеются страшные собаки, которые если находят чужих людей, то разрывают их на части.

Но Ярина уже не слушала его и упорно настаивала на своем:

– В Белгороде будет не лучше. Там будет холодно и голодно. В прошлый раз там умерли все мои братья и сестры. Как я осталась в живых, – сама не знаю. Лучше я умру рядом с любимым.

Ярина была права, в Белгороде беженцам придется несладко, жители не будут делиться с ними своими запасами, да и в свои избы не пустят. Однако для девушки все же там было больше шансов выжить.

В конце концов Микула привел главный довод:

– Ярочка, тебя отец не оставит со мной.

И на этот довод у Ярины был ответ:

– А мы ему не скажем! Мы, когда он будет уезжать, просто спрячемся!

– Так нельзя! – воспротивился Микула.

После этих слов Ярина неожиданно холодно отстранилась от Микулы. Лицо ее было мокрое от потоков слез.

Увидев это, Микула почувствовал в своем сердце необыкновенную жалость к ней. Он прижал ее голову к своему лицу, и, найдя своими губами ее губы, начал их горячо целовать. Вскоре он ощутил, что губы Ярины были как каменные, твердые и ледяные.

Он снова взглянул в ее лицо. Ее глаза были пустые и бесцветные. Слезы на восковом лице исчезли. Микула понял, что, отказывая Ярине взять ее с собой, он теряет ее. Он попытался ей объяснить разумность своего отказа.

– Ярочка, милая, я люблю тебя, а потому и не беру тебя с собой на верную гибель. Я хочу, чтобы ты выжила.

Ярина без всяких эмоций, как бы размышляя сама с собой, тихо проговорила:

– Когда любишь и смерть не страшна, главное, чтобы милый был рядом.

– Но это неразумно, – обращался к ее логике Микула.

– В любви нет разума, – возражала Ярина.

– Но мы же встретимся с тобой после того, как князь прогонит печенегов, – пытался подсластить горькое расставание Микула.

– Нет, мы уже не встретимся, – обреченно сказала Ярина и, повернувшись, пошла к деревне.

– Но почему? – крикнул вслед ей Микула. – Откуда ты это знаешь?

– Так мне сердце говорит, – промолвила Ярина, не оборачиваясь.

– Сердце лжет, – распалившись, выкрикнул Микула.

– Но это мое сердце – другого у меня нет... – проговорила девушка.

Застыв, Микула долго смотрел вслед Ярине, как будто пытаясь вырубить в своей памяти ее облик. Лишь только вблизи было слышно, как он повторял: – Но я же прав... Я же прав... Я поступаю так, потому что ее люблю...

Глава 11

Когда вечерняя тень напозла на деревню, в ней уже никого не было.

Векша с семьей и соседи, утопая босыми ногами в теплой пыли, торопились за телегой к Белгороду, чтобы успеть до захода солнца войти в город. С наступлением темноты городские ворота будут закрыты.

Телега была доверху нагружена ненужной, но милой сердцу рухлядью.

Лошадь, чуя за спиной неподъемную тяжесть, не понимала, почему в то время, когда она должна отдыхать в стойле и жевать припасенное хозяином сено или овес, если он расщедритя, она бредет по дороге, неизвестно куда и неизвестно когда будет ей отдых, и тянула повозку неохотно. Векше и его семейству приходилось, облепив повозку, как тараканы, толкать ее вперед. Спереди и сзади повозки Векши толкали свои повозки их соседи.

А Микула помог Векше дотолкать повозку до дороги и, когда телега встала на запыленную колею, незаметно отстал. Он не захотел прощаний, а Векша был занят своей повозкой. Однако Микула надеялся, что Ярина, увидев, что он остается, тоже отстанет, хотя бы для того, чтобы проститься. А там будет видно... В душе Микула уже был готов оставить ее с собой.

Он увидел, что Ярина заметила, что он перестал толкать телегу и остановился, намереваясь отстать. Он даже встретился с ее глазами. И ее глаза его ужаснули, они равнодушно смотрели сквозь него, как будто он был каким-то призраком, миражом, занесенным из далеких жарких пустынь.

Наконец, телеги беженцев скрылись за поворотом, и Микула медленно побрел в сторону деревни. Через несколько десятков шагов он забыл о девушке, и его мысли заняли другие заботы. До этого времени Микула помогал Векше собираться бежать в Белгород, и у него не было времени заняться своими делами. Но теперь, когда многочисленное семейство исчезло за поворотом, а заодно и из его жизни, ему пора было побеспокоиться и о себе. С минуты на минуту на дороге должны были появиться печенежские разведчики, и они, когда ночь смотрит в глаза, не упустят возможности остановиться в устроенном жилье. Поэтому Микула должен был поторопиться забрать из избы необходимое ему для жизни в лесу и уйти подальше. Без этих вещей в лесу ему будет верная гибель.

Думая об этом, Микула прибавил шаг и вскоре был около деревенских ворот. Кто-то из отъезжающих заботливо прикрыл их, чтобы в деревню не попали лесные звери. Для человека ворота не велика преграда.

Микула приоткрыл щель в воротах, и, не закрывая их за собой, поспешил на Векшин двор. Во дворе ничего не говорило о том, что его хозяева бежали, – на колышках забора даже коричневыми воронами виднелись забытые в спешке горшки, которые Марфа вывесила утром, чтобы солнце их прожарило.

Микула прошел в избу. Поперек избы, ослабившись белой щепой, валялась искалеченная лавка, – во время сборов лавка попала под ноги Векши и тот в злобе сломал ее. В переднем углу, где раньше висел крест и небольшая, не больше ладони ребенка, икона, виднелось пыльное пятно.

Но Микуле некогда было рассматривать покинутое жилье. Он взял из угла Векшин лук, хороший лук, правда, для Микулы пока чрезмерно тугой, однако, если постараться, то из такого лука можно подстрелить даже могучего горбатого лося ростом выше человека. Рядом с луком стоял колчан из легкой бересты со стрелами, Микула сам делал эти стрелы и оперял их жесткими глухаринными пегими перьями, потому эти стрелы были приметны на особицу, – ни у кого в деревне не было таких стрел.

Лук и колчан Микула повесил через плечо. В том же углу лежал и Векшин меч. Меч так себе – дрянь, тяжелый и из плохого мягкого железа. Но при необходимости им можно было

отмахаться. Поэтому меч Микула прикрепил к поясу. После этого Микула почувствовал, как его походка отяжелела, как будто ему на плечи взвалил мешок с зерном.

Нагруженный оружием, Микула прошелся по избе и покидал в холщовую котомку все, что ему попадалось под руку и что показалось ему полезным.

От этого занятия его оторвал сорочий треск на улице. Услышав тревожный птичий крик, Микула замер в страхе, – сорока в лесу для охотника сущее бедствие, – но сейчас Микула был скорее дичью. Он ухватил узлом-удавкой котомку и выбежал из избы.

Здесь он обнаружил, что занятый сборами, он и не заметил, как во дворе начало темнеть, и ему давно пора было уйти в лес.

Опасаясь подходить к воротам, там могли оказаться печенеги, Микула по лестнице забрался на ограду и огляделся, – на поле было чисто, около ворот также никого не было.

Микула прислушался. Сорока трещала где-то далеко за деревенской оградой, в стороне дороги. В той стороне ничего также не было видно. И Микула, пока дорога в лес была свободна, перевалился через забор, как куль, и побежал через поле в сторону темнеющего черной полосой леса. Меч и котомка мешали бежать, и Микула с трепетом ожидал каждую минуту, что на поле появятся всадники.

Пока бежал по твердой земле, молился захлебывающим шепотом. Господи, не дай Бог! Господи, не дай Бог!

Добежав до первых деревьев, стоявших сизой стеной, Микула нырнул под юбку огромной ели, и упал на землю, укрытую ковром прошлогодней рыжей хвои. В темноте было душно, как в печи, и остро пахло смолой. Оказавшись в безопасности, Микула долго хрипел, как запаленная лошадь, пытаясь отдышаться. Наконец, дыхание успокоилось, но Микула еще долго лежал, прижавшись щекой к колючей земле. Он видел, что здесь, в месте, которое казалось ему пустынным и безжизненным, со всей силой кипела жизнь.

Жизнь другая, необычная. Вот по цепочке муравьев, протянувшейся красной нитью, скользит зеленая гусеница. Вот среди ветвей серебрится почти незаметная глазу сеть, а сам ее хозяин, величиной не больше ржаного зернышка, как удильщик, ломкими длинными щупальцами натянул струну. Вот на стволе неведомо откуда из ветвей скакнула маленькая серенькая птичка с белой грудью. Она удивленно смотрит черной бусинкой-глазом на странное существо, притаившееся в темноте елового шатра.

Микула шевельнулся, и крохотный комочек перьев, испуганно свистнув, юркнул в щель между пушистыми ветвями.

Небо, просвечивающееся в щели, серело и набухало дождевой водой. Микула поднялся на колени и высунул голову между колких пахучих ветвей. Осмотревшись, он подобрал лук, который вывалился из его рук, когда он нырнул под ель, и пошел в глубину леса.

Он знал, куда идти, – здесь, в паре сотен шагов от опушки, у него давно была вырыта землянка. Вначале он рыл ее играючи, а затем подумал, что она сможет пригодиться во время налета печенегов или княжеской дружины. Поэтому Микула давно натаскал вовнутрь сена, а вход в землянку прикрыл плетеным щитом, который сверху завалил слоем земли и листьев. И теперь даже человек мог пройти над землянкой и не заметить ее.

Пока было светло, Микула внимательно осмотрел землянку, потыкал в углы с сеном палкой, – он боялся змей, которые осенью забивались на зимовку в такие теплые и укромные места. Змея дрянное и подлое существо – жалит незаметно, и нет спасения от ее яда. Печенеги ядом степных гадов часто мазали наконечники своих стрел. Если такая стрела оцарапает кожу человека, то существует одно спасение – вырезать из оцарапанного места большой кусок мяса. Но и это не всегда спасает, и тогда человек умирает в мучительных страданиях.

Убедившись, что змей в землянке нет, Микула запалил фитиль в плошке с бараньим жиром, поставил ее на приступок в стене и закрыл щитом вход.

Теперь, когда его невозможно было увидеть со стороны, он занялся своим обустройством, вывернул котомку и начал раскладывать по землянке вещи.

Впрочем, их было немного, и, закончив обустройство, Микула потушил светильник и лег в сено. Было очень темно, и только снаружи доносился шум деревьев, скрипы и едва слышный размеренный стук. Микула некоторое время гадал, что за странные звуки доносятся снаружи, потом, когда его почти сморило сном, догадался, что в лесу начался дождь...

В снах юноши мелькали разноцветные картины мирной жизни, он видел людей, которых знал и которых не знал, – их лица бесконечной длинной вереницей молчаливо проплывали мимо него. И все его сны оканчивались одинаково, – он видел Ярину и пытался с ней заговорить, ее губы шевелились, но что она хотела сказать, Микула, как ни старался, не слышал. Он говорил, что правильно сделал, не разрешив Ярине остаться, что в лесу она не выживет.

И тогда лицо Ярины страдальчески искажалось, и оно таяло. И на его месте появлялся черный ворон с длинным окровавленным клювом, и казалось, что он злорадно улыбается, и Микула понимал, что это не ворон, а монах, напророчивший беду людям, которые отдали ему последний кусок хлеба.

Микула в страхе открывал глаза и видел могильную темноту. Пугаясь темноты, он снова закрывал глаза и снова падал в сонное забытие.

Неизвестно, сколько времени Микула спал, – но однажды он почувствовал внутри себя голодную резь, как будто в живот заползла студеная, тяжелая, как камень, змея, и жалит его, и сосет из него жизненные соки. В голове Микулы появилась осознание, что если он сейчас же не выйдет из землянки и не увидит солнце, которое растопит ледяного гада внутри него, то он умрет. Погаснет, как восковая свеча, фитиль которой догорел, но на тонкой ниточке которого держалась ее жизнь.

Страхивая с плеч смертную тяжкую усталость, Микула поднялся и на ощупь нашел выход. С трудом отодвинув в сторону щит, он зажмурился от ударившего его в глаза яркого света. Несколько минут он стоял, закрыв глаза ладонями, и глядя в щель между пальцами, пока его глаза не привыкли к дневному свету.

Был полдень. Среди верхушек деревьев, пропадающих в сером небе, сквозь мглу, как огненный меч, пробивался тонкий лучик света, падавший прямо на полянку в большом лесу, где находилась землянка Микулы.

«Это перст богов, – думал Микула, – указывающий ему жизненный путь. Этим перстом боги говорили, что он еще молод и что он должен пройти предназначенный ему путь и в полной мере перенести страдания и радости, расставленные на этой дороге».

Солнечный луч сделал свое дело – лед внутри Микулы растаял, и в его душе стало необыкновенно легко, в теле появилась сила и энергия, а в сердце неумемная жажда деятельности.

Чтобы выжить в лесной землянке, в первую очередь требовалось сделать запас продуктов. Поэтому Микула, принялся таскать с поля брошенные снопы. Этому ничто не мешало. В поле и на дороге не появлялось ни единой души, и казалось, что весь мир умер и нет никакого нашествия и на всем свете остался только один Микула. Но разумом он понимал, что на самом деле эта пустота на дороге единственно связана с тем, что основные отряды завоевателей уже прошли в глубь земли Русской. Каждый из кочевников стремился первым подойти к богатым городам, чтобы, ограбив их, получить самую большую добычу. И поэтому на дороге могли появиться только одинокие отряды трусливых грабителей, единственно отваживавшихся нападать на одинокие беззащитные деревушки.

Микула таскал снопы с превеликой оглядкой, и до конца дня перенес все оставшиеся снопы. Снопы заняли почти всю землянку, и под землей, вместо прежней затхлой сырости, вдруг повеяло слабым запахом испеченного хлеба.

Микула был доволен. Из колосьев можно было получать зерно, из зерна несложно – муку. А с соломой в землянке не так сыро и холодно.

После того как он снес снопы в свое убежище, у него появилось много времени, и он потратил его на то, чтобы поставить в лесу ловушки.

На следующий день Микула обнаружил в ловушках пару серовато-сизых со струйчатым рисунком на спине глухарей. Микула давно не ел мяса, и все эти дни питался остатками заплесневелого хлеба и тертым зерном. Поэтому, взяв в свои руки добычу, он почувствовал неимоверный голод, от которого его руки и все тело забило крупной нервной дрожью. Дрожащими руками он торопливо свернул птицам головы. Но тут он задумался.

Микула остерегался разводить огонь в землянке. В лесу запах горелого чувствуется далеко, и чужие люди по запаху легко могут найти его. Однако человек не может жить без огня, – огонь нужен не только для тепла, но и для приготовления пищи.

Немного подумав, Микула надумал решить проблему просто, – он приготовит пищу с запасом на костре в овраге, что пролегал рядом и где Микула брал из ручья, протекающего в зарослях кустарника, воду.

По пути к оврагу Микула заодно набрал сухих деревянных обломков. В зарослях он нырнул в узкое окно в плотной стене кустарника. В конце звериной тропы на берегу ручья он обнаружил небольшую площадку. Площадка показалась Микуле удобной, – со стороны ее не было видно, а добраться до нее можно было только по звериной тропе.

Микула развел небольшой костер. Для приготовления пищи требовались жаркие угли, и пока дерево прогорало, Микула занялся одной из птиц. Он не стал ее очищать от перьев, только выдернул перья пригодные для изготовления стрел. Он просто обмазал птицу рыжей глиной, которую взял тут же из дна ручья, и положил птицу прямо на угли.

Вскоре глина высохла. Микула некоторое время, с ртом, полным голодной слюны, трогал палкой затвердевшую глину. Наконец, он решил, что птица готова, и выкатил ее палкой из углей. Это был почерневший от золы черный неаппетитный ком. Микула не стал ждать, пока он остынет, и ударил по нему палкой. Палка отскочила от глины, нисколько ее не повредив. Пришлось Микуле бить ком изо всех сил, пока глиняная оболочка не треснула. Из трещин бледной струйкой вырвался пар, и Микула почувствовал необыкновенно ароматный запах, который подхлестнул его голод. Микула пальцами, обжигаясь, начал расковыривать глину. Глиняные осколки падали на землю, и перед Микулой предстало темно-красное тело птицы. Микула не стал дальше очищать птицу, он вонзил черные пальцы в тушу, легко разорвал ее, и впился белыми острыми зубами в сочное мясо. Громко чавкая, он быстро съел почти половину огромной птицы. И только почувствовав, что его желудок набит до самого горла, он остановился и расслабленно упал на спину.

Низкие лохматые тучи, лениво плывущие куда-то в глубину оврага нежно гладили верхушки деревьев. Туманный воздух окроплял землю невидимыми нитями чахлого осеннего дождя. Невесомые капли мягко расплывались на лице Микулы. Где-то далеко вверху жалобными стонами надрывался лес, насилуемый яростными грозowymi порывами.

А здесь, в укромном месте, было тихо, и только тихий журчащий шепот ручья пел свою вечную усыпляющую песню.

Отдохнув, Микула поднялся, попил воды прямо из ручья, дно которого было изборождено узорчатыми ходами ручейников, и, сложив остатки птицы в котомку, направился к своему убежищу.

Проснувшись утром на следующий день, Микула съел остатки птицы. Мясо глухаря горчило лесными травами. Наевшись, Микула вылез из землянки и обнаружил, что лес затянут туманом. Туман был такой густой, что едва были видны ближние деревья. Тем не менее, он решил сходить в деревню и посмотреть, что там делается. Он давно хотел сделать это, но боялся. Теперь он осмелел сытой храбростью.

Нырнув назад в землянку, Микула перекинул через плечо ремешок с коротким мечом в обтянутых шкурой ножнах. Через другое плечо надел лук и колчан с несколькими стрелами. Микула не собирался с кем-либо воевать, да и невозможно это было, – опытный воин отсечет ему голову одним махом, но, облачаясь в вооружение, ему нравилось представлять себя богатырем.

Закончив со снаряжением, он снова вылез из землянки, прикрыл щитом вход и отправился по направлению к деревне.

То, что в деревне находятся посторонние люди, он почувствовал сразу. Оттуда доносилось конское ржание и звук голосов. Но туман глушил звук голосов, делал их невнятными, и Микула никак не мог понять, кто находится в деревне, и поэтому решил подойти ближе.

Стараясь ступать бесшумно, Микула прошел в направлении доносящихся голосов, и неожиданно оказался перед воином. Воин, в одежде печенегов, обхватив обеими руками, нес сноп. Увидев перед собой человека, он от неожиданности замер. Но через несколько секунд пришел в себя и что-то громко отчаянно заорал.

– Печенег! – окончательно утвердился Микула.

Печенег тем временем отпустил сноп и выхватил меч. Еще мгновение и он нанес бы Микуле смертельный удар.

Но Микула отшатнулся назад. Его руки невольно сорвали лук, и пустив наугад в сторону врага стрелу, он бросился бежать в лес.

Видимо, он все же попал в печенега, так как за спиной послышался болезненный вой.

Тут же зло всхрапнули кони. Послышались крики, вопли, стук копыт.

Глава 12

В Белгороде перед городскими воротами образовалась толпа людей, спешащих спрятаться за крепкими стенами от кочевников. Многие на повозках, к которым привязан скот, и из-под полога выглядывают чумазные детские мордашки. Последний набег был не так уж давно, но многие дети были слишком малы, а потому только слышали о тех страхах, которые сопровождали предыдущие набеги. И неведомо им, что после этого набега часть из них уже не вернется домой никогда. Сейчас же широко открытыми удивленными глазами они рассматривали городские ворота, стражников и таких же детей, как они сами.

Стражники у ворот, покрытые пылью и почерневшие от усталости, с полудня принимали беженцев. Собственно, в их обязанность входило стоять около ворот и глядеть, чтобы беженцы, въезжая в город, соблюдали порядок и не дрались, стремясь первыми попасть за ограду. Для умирения буянов у стражников, кроме коротких копий в руках, на поясе висели увесистые крепкие дубинки.

Чуть в стороне от ворот стоял серый конь, у его ног лежала какая-то небольшая кучка, покрытая серой грязной рогожкой. Лошадь опускала голову к рогожке и тихо фырчала, со стороны казалось, что она что-то шепчет.

Яринка, когда телега остановилась около ворот, заинтересовавшись беспризорной лошадью, подбежала к ней и приподняла край рогожки. Под рогожкой, скорчившись в калачик, лежал мальчик с открытыми большими серыми глазами, в которых бежали далекие белые облака. Из уголка его приоткрытых едва заметной щелкой нежных губ, как весенний березовый сок, сочилась прозрачная слюнка. В голове Яринки мелькнуло, что мальчик, уставший от долгой дороги, отдыхает. Но странно было, что он был прикрыт грязной рогожей и рядом с ним не было взрослых. Но толстая зеленая муха, выползшая из запекшейся бурой кровью ноздри ребенка, пробудила у нее верную догадку, что мальчик мертв.

Яринка уронила рогожку и с рыданием бросилась к телеге.

– Он умер! – в ужасе закричала она, подбежав к телеге.

Один из стражников, сухой и длинный, как старый осокорь, равнодушно проговорил:

– Не ори, девка. Он давно умер. Еще в обед... Надо бы его похоронить, пока не завонял, да некогда.

Векша заинтересовался:

– А что за мальчишка?

– А кто его знает... – пожал плечами стражник. – В полдень прибежал с известием, что печенег идут, да и упал. Должно быть, запалился.

Он немного помолчал, затем добавил:

– А конь не то что мальчишка – крепкий. Вон выжил, травку щиплет.

Стражник кинул взгляд за ворота, там началось какое-то движение. Он проговорил:

– А мальчишку к вечеру приберем.

Стражник вздохнул:

– Да много их еще будет мертвых... И мальчишек... и девчонок...

Увидев, что впереди телеги тронулись, он устало махнул рукой Векше.

– Ну ты езжай...

Векша перекрестился и тронул лошадь кнутом.

За воротами распоряжался княжеский воевода Радко. Он стоял посредине дороги коричневый и крепкий, как кряжистый дуб. На голове блестел железный шлем, украшенный серебряными узорами и длинным конским хвостом из белых волос, спадающих волной на широкие плечи воеводы, покрытые, как рыбьей чешуей, кольчугой из мелких закаленных до синевы колец. Поверх кольчуги накинута короткий плащ грязно-белого цвета с изображением трезубца.

Забрало шлема в виде лица разъяренной горгоны Медузы было закинута наверх шлема, и из-под него бился пенистый прибор из седых волос, – Радко, держась старинных обычаев, не стриг бороды.

Пристальным оценивающим взглядом Радко смотрел на въезжающие подводы. Те, которые сопровождали зрелые мужчины и юноши, способные носить оружие, Радко сопровождал одобрительными приветствиями. А вот появление телег, набитых девками, как весенняя лесная поляна цветами, вызывало у него презрительные вздохи, – обуза, лишние рты.

Отроки, суетившиеся рядом с воеводой, разгоняли приезжающие телеги по городу, с расчетом, чтобы около всех стен было одинаковое количество мужчин. Над стенами воеводой уже были назначены старшины, сотники и десятники, которые встречая каждого приезжего, первым делом расспрашивали, кто он, откуда приехал и какое есть у него оружие. Если оружия не было, то десятники выдавали приезжему топор, копье и лук и предупреждали, где он должен занимать оборону.

Векше приказали разместиться у крепостной стены недалеко от ворот. Вдоль стены тянулись деревянные пристройки, поверх которых шел помост, и Векша поторопился пристроить телегу под помост на свободное место. Векша видел, что в детинец прибывало много людей. Здесь становилось тесно, поэтому надо было поторопиться занять место получше, где была бы защита от ненастья, – ведь неизвестно, сколько придется прожить в городе, а помост был неплохим укрытием, в этом Векша убедился еще в прошлый набег печенегов.

Рядом с телегой Векши встали и остальные сельчане. Пока мужчины распрягали лошадей, женщины, переговариваясь, разбирали имущество и устраивались. Темнело, и пора было устраиваться на ночлег. А детям – новое место в новинку. Они собрались в кучку и побежали осматривать город. Векша успел только прикрикнуть на них, чтобы далеко не уходили.

Вскоре совсем стемнело, и в лагере около стены загорелись костры. Сидящие на бревнах вокруг костра краснолицые мужики обсуждали события прошедшего дня. Все были ошеломлены неожиданно быстрой сменой обстановки и несколько растерянные, поэтому их повествования о своих приключениях были похожи друг на друга. Все они рассказывали, как пришлось бросить незаконченную работу; как рыдали испуганные женщины и дети; как вдруг оказалось, что запасов-то почти и нет.

Векша, ковыряя прутиком угольки в костре, задумчиво рассуждал:

– Жито не успели обмолотить. Что-то рано нынче печенеги вышли в поход. Скоро будут дожди. Неудобное время. Обычно они выходили позже.

Мужики согласно качали головой:

– Рано. Рано.

Векша вздохнул:

– Запасов в городе мало, а народу пришло много. Ох и плохо будет – голодно.

Один из мужиков с надеждой проговорил:

– Ничего, несколько дней посидим, а потом придет Владимир с дружиной.

Из темноты слышался голос. Кто-то невидимый возразил. Владимир с дружиной ушел в Новгород за войском, чтобы напасть на печенегов. А печенеги об этом прознали, и поторопились опередить его. Так что Владимир придет нескоро.

Голос раздался внезапно, и Векша от неожиданности даже прутик уронил в костер.

– Фу ты, леший! – растерянно пробормотал он.

Кто-то вскочил. Испуганные мужики повернули головы на голос. В окружающей темноте ничего не было видно, и пытаясь рассмотреть что-либо, они прятали ладонями глаза от мешавших им сполохов костра.

Из темноты показался воин в полном воинском облачении: в войлочном зипуне с нашитыми накладными пластинами, мечом на боку и коротким копьем в руке.

При виде вооруженного человека, руки мужиков невольно потянулись к лежащим рядом топорам и дубинам.

Воин, видя это, почему-то радостно засмеялся, затем пояснил:

– Меня зовут Ратша. Я сторожу стену. Вверху ветер сильный, задул огонь у меня, вот я и сошел к вашему костру согреться и углей с собой взять.

Мужики облегченно вздохнули. Векша недовольно проговорил:

– Ты, Ратша, как тать ночной. Перепугал нас до полусмерти.

Ратша насмешливо возмутился:

– Горе-воины, и как же вы будете биться с печенегами? Я-то добрый, а печенеги злые; как навалят, спуску не дадут – враз голову отмахнут.

– А мы толпой отбиваться будем. А в толпе и заяц храбрец, – проговорил Векша, поддаваясь насмешливому тону Ратши. Остальные мужики тоже повеселели. Векша дружелюбно предложил:

– Пристраивайся, Ратша, к нашему огню.

Ратша замялся, воевода велел ему сторожить стену, но на стене было одиноко и холодно, и ему хотелось присесть к мужикам и поговорить с ними и выложить свои мысли по поводу того, как следует воевать с печенегами. Поразмыслив несколько секунд, Ратша подумал о том, что в такую холодную и ветреную погоду вряд ли кому захочется бродить по полю. Печенеги хоть и неверные, а тоже люди, и давно уже где-либо спят около жаркого костра. А потому не было смысла все время торчать на стене. Придя к такому разумному выводу, Ратша пообещал себе, что посидит у костра совсем немного, только согреться, за это время ничего не может случиться, и снова пойдет сторожить стену, и смело присел на бревно лежащее рядом с костром.

Как только он подсел к костру, посыпались вопросы:

– Ратша, а давно Владимир ушел?

Ратша охотно объяснял:

– Недели две как прошло.

– А гонцов ему послали?

– Послали, но только Владимир вряд ли вернется быстро, – отвечал Ратша.

– Это почему же? – хмурились от нерадостного известия мужики.

Ратша начал выкладывать свои мысли на войну с печенегами. Он многозначительно, намекая на то, что осведомлен в тайнах княжеского двора, говорил о том, что разведчики давно сообщали, что печенеги собирались напасть, только время выбирали; и узнав, что Владимир ушел далеко, они и напали, чтобы опередить его. Владимир же не успел дойти до Новгорода и собрать там войско. Но и вернуться назад без войска он не может, так как печенеги собрали все свои силы. С этой силой Владимиру с одной дружиной не справиться.

По ходу рассуждений Ратши по спине Векши, от догадки, что он зря пришел в город, прополз холод. Судя по тому, что он сегодня видел, в город стекалось множество жителей из ближайших деревень. И так как урожай пришлось бросить на поле необраным, то у них почти ничего не было: ни зерна, ни мяса. А городских запасов надолго этим людям не хватит. Много людей в городе, с одной стороны, хорошо – город есть кому защищать, печенеги не смогут взять его набегом. Разумеется, кочевники не любят долго стоять на месте, – коням и скоту, который кочевники гоняют с собой, нужен корм. Но вокруг города осталось много необранных полей, поэтому печенеги могут встать вокруг города длительной осадой. Так что Микула был прав, – набег лучше было переждать в лесу.

Сейчас Векша отдал бы полжизни за то, чтобы вернуться на полдня назад. Но уходить из города было уже поздно, по пути легко нарваться на отряды печенегов.

В голове Векши появилась тоскливая мысль, что он попался в ловушку, из которой не было выхода. Его лицо посерело.

Очевидно, такая же догадка пришла в голову и другим мужикам, так как они вдруг дружно замолчали, и их лица сделались задумчивые, а глаза опустели, точно у животных на бойне.

Тем временем Ратша перешел к изложению планов, с помощью которых, если бы князь прислушался к ним, то он легко бы победил печенегов. Планы были невероятны и глупы, очевидно Ратша рассчитывал, что мужики из глухомани этого не поймут.

Наконец, Векша не выдержал, зло оборвал его:

– Слушай, Ратша, если ты такой умный, то отчего же ты не воевода?

Ратша не обиделся и сквозь громкий смех проговорил:

– Потому и не воевода, что чересчур умный. Впрочем...

Он махнул рукой:

– Вижу, вы смурные сидите, хотел развеселить вас. Но, кажется, не удалось...

Затем Ратша нехотя поднялся:

– Посидел для приличия около костра и будя. Пора мне на свой пост.

Векше больше не хотелось сидеть у костра, и он ушел к своей телеге. На телеге дети, как котята рядом с кошкой, сгрудились одной кучей рядом с Марфой. Тут невозможно было понять, где чьи ноги и руки. Векша ущипнул сбоку клок соломы и бросил его под телегу. Он думал, что все спят, но как только он лег, послышался тихий шепот Марфы, по виду мужа догадавшейся, что что-то случилось неприятное. Она спросила, скоро ли придет помощь.

Векша промолчал. Он вспомнил, что в прошлый раз во время сидения в осаде именно здесь, в Белгороде, погибли почти все его дети. Марфа тогда очень переживала, билась, как раненая птица. Нескоро она отошла от тех потерь. Векша с трудом ее выходил. И теперь Векша боялся, что если скажет Марфе правду о том, что их впереди ожидает, то она этого может и не пережить.

Но Марфа уже догадалась, о чем не хотел говорить муж. Она тяжело вздохнула – это был последний вздох умирающего – и затихла. Векша испугался, не случилось ли что с Марфой, он приподнялся, заглянул в телегу и встретился с глазами, полными безнадежной тоски.

Раньше Марфа была крепкой женщиной, уверенной в себе и помыкала своим мужем. Векша ругался, и даже иногда пытался ее колотить, в результате чего часто сам был бит.

Но сейчас Марфа казалась маленьким обиженным ребенком. Глядя на нее, Векша почувствовал, что он что-то должен сделать, чтобы восстановить в ней былую уверенность. Но он не знал слов, которыми мог бы ее приободрить. Единственное, что он смог, протянуть руку и провести шершавой от мозолей ладонью по ее волосам, гладким и скользким.

– Переживем как-нибудь, – пробормотал он и упал под телегу. Еще долго он чувствовал в горле застывший горький клубок.

Утром он проснулся еще до того, как порозовели облака в небе. Боясь разговора с Марфой, он торопливо поднялся на стену и долго всматривался в темноту.

Однако в темноте ничего не было видно. Подошедший Ратша с накинутым на плечи овчинным тулупом, позевывая, проговорил:

– Внизу ночью было тихо.

Так вместе, тихо переговариваясь, они простояли еще некоторое время. Но вот солнце показало верхний багровый край над горизонтом, и первые его лучи осветили сначала стены, а затем и местность за стеной.

За стеной творилось что-то странное, казалось, что все залила вышедшая из берегов вода.

Ратша махнул рукой. Туман. Сейчас ночи холодные и по утрам садится туман. Вот солнце встанет, и туман рассеется.

– Тихо, – настороженно проговорил Векша. В его голове мелькнула безнадежная мысль, что вдруг печенеги передумают идти этими местами, а как-либо обойдут этот несчастный городок и сразу направятся на Киев. И тогда Векша смог бы уйти в свою деревню. При этом Векша

пообещал себе, что если он выживет и вернется домой, то в следующий раз в город ни за что не пойдет. Лучше он спрячет семью в лесу. Он знает в лесу такие глухие места, где нога человека никогда не ступала.

Векша приложил руку к уху. Ратша также замер, прислушиваясь. Так они стояли несколько минут. Наконец, Векша проговорил дрожащим голосом:

– Чудится мне, что из поля доносится конское ржание и скрип телег.

Ратша сдвинул шлем на затылок и также приставил руку к уху. Поводив, как кот, прислушивающийся к шороху мыши, ушами в стороны, Ратша водрузил шлем на место и безапелляционно заявил:

– Ерунда, это шум из города.

Поежившись и заметив «Однако холодно», Ратша предложил зайти в башню, где, по его словам, у него тлели угли, да и в жбанчике немного хмельной медовухи осталось.

Векше его предложение показалось заманчивым, ему давно хотелось унять чем-либо хмурую тоску в душе, а медовуха для душевных недугов издревле считалась подходящим средством.

Ратша и Векша собрались идти в башню, но в это мгновение дунул порыв ветра, туман внизу пошел волнами, и вдруг на пригорке из тумана, призраками из воды, вышли всадники и тут же, как по волшебству, исчезли.

Векша от изумления уронил шапку. Но Ратша с одного взгляда понял, что это печенеги. И они находились совсем недалеко от стен. Испугавшись, что печенеги в тумане могут забраться на стены, Ратша метнулся к сигнальному колоколу и всполошенно ударил в него.

Над городом понесся частый тревожный звук.

Через небольшое время внизу стены послышались возбужденные голоса, и на стене появился воевода Радко с несколькими сторожами, в руках которых виднелись мечи и копья.

– Что случилось? – строго спросил запыхавшийся воевода, едва поднявшись на стену и приблизившись к Ратше. Видимо, он еще спал, когда колокольный звон разбудил его, так как обычных доспехов на нем не было, поверх смятой рубахи была накинута только легкая кольчуга и поверх нее зеленый шерстяной плащ.

– Под стенами печенеги, – волнуясь, доложил Ратша.

Воевода взглянул за стену. Холодный ветер с поля колыхнул пенную бороду. Радко зябко передернул плечами и запахнул зеленый плащ. Повернувшись к Ратше, он недовольно проговорил:

– Нет там ничего. Да и другие сторожа тоже молчат.

Радко бросил на Ратшу подозрительный взгляд:

– Уж не спросонья тебе печенеги показались?

– Нет, там были печенеги! – вмешался в разговор Векша.

Воевода перевел подозрительный взгляд на Векшу:

– А ты кто такой?

– Он из деревни с юга. Вчера прибежал со всеми. Его телега и семья внизу под стеной, – пояснил Ратша.

Этого объяснения воеводе хватило. Теперь он строго спросил Векшу:

– Так почему ты говоришь, что под стенами печенеги? Там туман и ничего не видно.

Векша объяснил коротко:

– Мы смотрели вниз, в это время дунул сильный ветер, и на пригорке обнаружили всадники.

– Ладно, проверим, – деловито сказал воевода и обратился к одному из сторожей с луком: – Ну-ка, пусти огонь туда.

Сторож достал стрелу с просмоленной паклей, обмотанной вокруг наконечника. Другой сторож высек искру и подпалил бересту под сложенной на железной решетке стопкой сухих дров со стружкой. Стружка схватилась немедленно, а за ней и дрова. Костер быстро разгорался.

Как только появился огонь, первый сторож сунул стрелу с паклей в огонь и тут же пустил стрелу в туман.

Так он выпустил без задержки несколько стрел, одну за другой.

Стрелы чертили в воздухе огненные дуги и, падая в туман, освещали пятно в пару шагов вокруг. Тем не менее из-за густого тумана все равно не было возможности что-либо рассмотреть, что происходит за стеной в поле.

Увидев это, воевода Радко с мягким упреком заключил:

– Ратша, зря ты поднял тревогу. Ничего там нет. Видимо, вам померещилось.

Но ругать Ратшу воевода не стал, потому что рассудил, что в этих делах сторожу лучше перестараться, чем не доглядеть. К тому же по прикидке Радко туман скоро должен был рассеяться, и тогда уже окончательно можно было убедиться в правдивости слов Ратши. В тумане и печенеги, если они действительно подошли к городу, на стены не полезут, – не в их привычках воевать вслепую. А за это время Радко надеялся вывести на стены все свое войско, чтобы заодно и посмотреть, кто на что горазд.

Векша, не зная мыслей воеводы, принялся возражать, но Радко не слушал его. Он собрался уходить, но в этот момент рядом с ним звонко чиркнула стрела и, деревянно задребезжав, упала у ног Радко.

Воевода наклонился и поднял стрелу. С удивлением в глазах он принялся рассматривать стрелу. Стрела была черной.

– Печенежская... – растерянно проговорил воевода и задал возмущенный вопрос: – А откуда...

Он не успел закончить свой вопрос, как рядом упало еще несколько таких же черных стрел. Спасаясь от стрел, все метнулись в укрытие и оттуда стали заглядывать за стену.

Оказалось, что пока они разговаривали, внизу подул сильный ветер и унес туман в сторону.

Все дружно охнули – насколько было видно глазу, внизу виднелись всадники, телеги, костры. Казалось, многомиллионная армия странствующих муравьев поднялась с насиженного места и пошла в поход, превращая в бесплодную пустыню местность, где эта орда прошла.

И множество орд этих муравьев тащили в сторону города длинные лестницы. Печенеги, очевидно, готовились к приступу. С их стороны доносились торжествующие алчные вопли, крики людей, стоны скота, ржание лошадей, звон железа, топот сапог. И все эти звуки сливались в странную и ужасную какофонию, от которой спины людей, стоящих на стенах деревянного города, охватило холодным страхом. В их глазах замелькали почти забытые картины пережитых ужасов прошлых нашествий. И снова потекли призраки кровавых рек. И снова мертвые лица убитых ожили, пророча жуткую судьбу еще живым. И страх отнял у защитников города волю. И, скованные страхом, они окаменели.

– Ох, окаянные, решили взять стены, пока мы спим, – громко охнул воевода и крикнул: – Бейте в набат!

Увидев, что Ратша не шевелится, он больно толкнул его в спину. Боль вывела Ратшу из прострации, и он метнулся к сигнальному колоколу и часто забил захлебывающимся криком. В глубине города тут же тяжело охнул и мощный вечевой колокол, который выкинул из теплых изб тех, кто еще спал мирной жизнью.

Глава 13

Микулу спас туман и знание леса, как своих пальцев. Добежав чуть ли не на ощупь до лаза, он быстро юркнул в землянку, прикрыл за собой щит и замер.

Теперь в землянке его могли обнаружить, только если конь ступит на крышку. Но в густом лесу коню делать нечего.

Поэтому Микула слышал, как печенеги, оказавшись на краю леса, некоторое время громко возбужденно кричали. Затем их крики, удаляясь, стихли. Микула догадался, что печенеги оставили поиски неожиданно напавшего на них человека.

Микула лежал неподвижно, тая дыхание. Он чувствовал, что от снопов вкусно пахло хлебом. Кислый запах пробудил в животе паренька сосущий голод. Осторожно нащупав рукой в темноте пару колосков и обломив их, он растер их между ладонями. Легко подув на ладони, сдул шелуху и бросил зерна в рот.

Зерна были твердые и невкусные. Но голод немного утих.

Микула пожалел, что вчера не запек оставшегося глухаря. Теперь неизвестно, сколько времени в деревне пробудут печенеги. Если это разведчики, то они уйдут, как только разойдется туман. Но это мог быть и один из многочисленных бродячих отрядов кочевников, который здесь мог задержаться надолго.

Весь оставшийся день и ночь Микула провел в землянке. Иногда он осторожно приоткрывал щит над лазом. Но открыл лаз только на следующий день, когда увидел солнечные лучи.

Хотелось есть. Одежда отсырела и покрылась липкой плесенью, хотя в землянке было сухо. От всего этого в теле чувствовалась неприятная слабость, и Микула подумал, что ему надо обязательно отогреться у костра. Заодно и запечь глухаря, пока он не протух.

Но сначала Микула решил сходить и проверить, что случилось с деревней. После успешной стычки с печенегом он осмелел. Микула был уверен, что после того как он подстрелил печенега, его обозлившиеся товарищи обязательно подпалят деревню. Но и на пожарище можно найти множество полезного.

Микула опять вооружился мечом и луком и собрался идти на разведку. Но, подумав немного, он надел на себя еще и холщовую сумку с глухарем. Сумка оказалась довольно тяжелой, но снова возвращаться в землянку за глухарем Микуле не хотелось. Так с тяжелой сумкой на плече он и пошел.

Прежнего тумана не было. Осеннее солнце желтым светом освещало почерневший лес и землю, устланную поблекшими листьями. В оголившемся лесу видно было далеко, но Микула, памятуя о встрече с печенегом, все равно шел осторожно. Ему не хотелось снова нарваться на шатающегося по лесу печенега.

К тому же он знал, что печенеги имели привычку таскать с собой больших собак. Собаки, приученные охранять стада, злые и чужих людей очень не любят. Наткнувшись на собаку, уйти от нее невозможно. Спасаться можно только забравшись на дерево, но на лай собак обязательно придут люди. А попадаться печенегам в руки, после того как он ранил или убил одного из них, не стоило.

«Впрочем, если печенеги сожгли деревню, то вряд ли они задержатся на пожарище», — подумал Микула.

К опушке леса он подошел, низко склонившись, и постарался спрятаться за стволом большого дерева, широко раскинувшего в стороны свои ветви.

Отсюда он начал рассматривать деревню. Деревня стояла нетронутая, как будто в нее и не заходили чужие люди.

Микула долго смотрел на деревню, но людей так и не заметил.

Наконец, поняв, что печенеги бросили деревню, почему-то не пожелав ее сжечь, Микула решил осмотреть ее. Опасливо пригибаясь к земле, он добежал до околицы. Ворота были открыты нараспашку, и он заглянул вовнутрь.

На первый взгляд за частоколом все было как обычно, но когда Микула присмотрелся, то увидел, что вещи валяются в беспорядке. Зайдя в деревню, он поторопился проверить, сохранились ли снопы.

Снопы были разбросаны по двору, некоторые были втопты в землю. Но это было не страшно. Страшно было то, что когда он осмотрел снопы, то увидел, что они были обмолочены. Очевидно, печенеги не теряли времени в деревне и делали запас. Это было уже плохо. Того жита, что оставалось в поле, было маловато для того, чтобы семье Векши, когда она вернется домой, пережить зиму. К тому же если рожь не сжать в ближайшее время, то зерно осыплется. И урожай все равно пропадет.

Впрочем, этого могло хватить самому Микуле. Поэтому он решил, пока печенегов не видно, дожать остатки ржи и где-либо в лесу обмолотить их.

Приняв решение, Микула развел костер на краю поля. Глухарей он не стал ошипывать от перьев, он лишь выпотрошил их, и, густо обмазав сверху слоем глины, сунул в костер. Пока глухари прели в углях, Микула начал резать серпом стебли.

Рожь действительно уже перестояла и начала осыпаться, но в колосьях сохранялось еще много зерна.

Глава 14

Снег выпал, а Владимира все не было. И печенеги не думали уходить. После первого неудачного штурма они, не желая терять понапрасну воинов, поставили вокруг города, который преграждал им путь на Киев, плотное кольцо из своих отрядов и стали ловить всех, кто пытался уйти или войти в город. Пойманным безжалостно рубили головы и надевали на колья, которые втыкали вблизи стен. Вскоре город был обрамлен кровавоглазыми седыми головами, на которых полюбили сидеть черные вороны в ожидании очередных лакомых кусков. Вороны были невиданно большими. Раньше в этих местах таких птиц не видели.

В городе, набитом людьми, прибежавшими из окружающих сел, быстро стало голодно. Осажденные съели последних лошадей и начали подъедать последние запасы. Собаки, то ли почуяв, что их может ожидать, то ли от голода, незаметно исчезли из города и теперь крутились вокруг печенежских юрт. Даже назойливые голуби и воробьи, вечно гадящие на головы добропорядочным людям, и те стали облетать осажденный Белгород стороной.

Утром, как только рассвело, городской старшина Гудим вышел на стену.

Сквозило холодным дыханием. Долина под стенами была затянута сизыми волнами дыма, поднимающегося из юрт, почти не видных на фоне снега. Доносилось голодное мычание проснувшегося скота, черные пятна которого пластались рядом с юртами, лай собак, лениво подававших голос из желания показать усердие хозяевам.

Гудим потянул носом. Сквозь горечь горелого кизяка мощно пробивался запах свежее испеченного хлеба. Пахло так вкусно, что Гудим, несмотря на то, что его личные запасы позволяли ему питаться сытно, почувствовал в желудке голодную резь.

К старшине подошли сторожа в заиндевших доспехах. Один из них, кивая в сторону поля, мрачно проговорил:

– Хорошо устроились, наш хлеб едят. А тут есть приходится с оглядкой, не придется ли завтра щепки глотать.

Сторож покосил глазом вниз:

– Смерды уже голодают...

Гудим не стал отвечать. Под стенами показалось несколько всадников в лохматых шапках. Они остановились немного поодаль, там, где их не могли достать стрелы осажденных. Впрочем, один из них, самый смелый, вырвался вперед и, как собака, начал плясать на коне под стеной, показывая хлеб и мясо. Оскаливая желтые клыки, он громко насмехался:

– Мы кушаем ваш хлеб и мясо. А вы там еще не начали жрать друг друга?

Гудим в расстройстве сплюнул со стены вниз. Печенег был прав, войско печенежское хорошо поживилось всем, что оставили спешно бежавшие в детинец мужики.

Один из сторожей пустил стрелу в печенега, но не попал, и тот неторопливо, выражая всем своим видом презрение, отъехал на безопасное расстояние и оттуда начал ругаться.

Вновь полетела в печенега стрела, но та далеко не долетела. Сторож погрозился:

– Погоди ужо, вот придет Владимир, будут тебе горячие слезы!

«Вот придет Владимир... А придет ли он вообще?» – подумал Гудим. До сих пор у него была уверенность, что Владимир с дружиной, хоть и с запозданием, но появится. Но сейчас, после увиденного, эта уверенность исчезла, как знак на песке, смытый крутой днепровской волной.

От этой мысли Гудиму стало так жарко, что он распахнул толстый тулуп, в который зябко кутался. Холодный ветер тут же добрался до спины, и Гудим грузно скатился со стены и сразу отправился в старшинскую избу, где должны были собраться остальные городские старшины.

В просторной избе было уже тесно. На лавках у стен сидели рядовые старшины и шумно обсуждали оскорбительную выходку печенегов. Они также только что вернулись со стен. Кто-

то предлагал в отместку сделать внезапную вылазку в лагерь печенегов и пожечь юрты. Да заодно и поживиться скотом.

Воевода Радко сидел молча с хмурым лицом, исподлобья посматривая в узкое окошко, затянутое морозным узором. Он все понимал: как и то, что Владимир занятый своими делами, вряд ли придет на помощь раньше весны, так и то, что к весне город будет некому защищать. Бывали случаи – города держались в осаде годами, но это возможно было только если в подвалах прятались хорошие запасы. В Белгороде этого ничего не было... Ничего не было по простой причине – киевские князья ставили городок только как преграду от внезапного нападения кочевников, рассчитанную на то, что его осада даст время Киеву подготовиться к обороне. В большой войне Белгородок всего-навсего был смертником.

Отметив, что в избе тепло, Гудим сел на лавку на своем обычном месте, скинул тулуп рядом с собой и повел головой, не сгибая шеи, из стороны в сторону, словно сыч, выглядывающий из гущи дубовых ветвей неосторожную добычу: зайца или даже лису.

Тяжелый хищный взгляд заставил остальных замолчать, и в избе воцарилась тишина. Тишину прерывало только чье-то осторожное сопение, но и это сопение стихло, едва Гудим поискал взглядом нарушителя. И правильно сопевший сделал – Гудим искал, на ком сорвать зло. И под горячую руку не стоило ему попадаться, даже если ты и старшина.

Гудим еще раз окинул старшин суровым взглядом и, едва сдерживая злобу, спросил:

– На стенах были?

– Были, были, – поспешно затрясли густыми бородами старшины. За каждым из них был закреплен участок стены, и Гудим строго спрашивал за порядок на отведенном участке.

– Видели?

– Видели, видели, – опять заволновались борода, хотя некоторые из них и не очень понимали, о чем идет речь.

– И я все видел, – вполне спокойно проговорил Гудим. Он уже решил, что перед серьезным разговором не стоит чересчур будоражить старшин. Пусть обсудится все спокойно, без горячки. Решения, которые он намеревается обговорить с ними, необходимо принимать холодными головами.

Один из старшин, тех кто видел утреннюю выходку печенегов, проговорил:

– Печенегам досталось большое количество скота. И они заставили пленных сжать и обмолотить весь урожай на полях. Теперь они могут осаждать нас долго.

Это была правда. Но Гудим тем же спокойным голосом возразил:

– Того, что они захватили, все равно недостаточно для большого войска, и печенеги не могут рассчитывать на долгую осаду.

Тот же старшина сказал:

– Но у нас положение намного хуже. Запасы кончились. У нас уже народ мрет с голоду.

Радко из своего угла негромко промолвил:

– Владимир должен прийти на помощь.

Старшины дружно зашумели, как штормовой прибор. Слышалось:

– Владимир в Новгороде, и он придет нескоро. За это время мы все умрем от голода.

Кто-то истерично вопил:

– Лучше сдать печенегам! Они, конечно, кого-то убьют, но остальные останутся живы.

А если мы не сдадимся, то умрем все.

Послышался густой раздраженный бас:

– Тебе хорошо, Мутор. У тебя среди печенегов родня, они защитят тебя. А нам как?

С лавки поднялся невысокий чернявый мужчина, широкие скулы которого и маленькие коричневые глаза выдавали его происхождение. Мутор имел печенежские корни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.